

4(c) p
K 61 + u.p.
107859

КНИГА
В СОХРАННОСТИ

ЗАМѢТКИ

о

ЯЗЫКЪ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ВЪ ОБЛАСТИ СЪВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

М. А. Колосова

Первые два отчета Отдѣленію русскаго языка и словесности.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXVIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1876.

ПРОДАЕТСЯ У КОММІСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. И. Б.

Эггерса и Комп., въ С. И. Б.

Я. А. Исакова, въ С. И. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 35 коп.

Извещанію по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1876 г.

Непремѣнныи Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
(Вас. вестр., 9 днн., № 12.)

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѣ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СЪВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

1. Новгородская губернія.

Свои наблюденія въ области съверно-великорусского нарѣчія я рѣшился начать съ новгородской губерніи, а въ ней—съ береговъ озера Ильменя, — исторического центра, основнаго гнѣзда съверно-русскаго славянства.

Приступая къ своему дѣлу, я, между прочимъ, задался слѣдующими двумя цѣлями: 1) опредѣлить, — какіе важнѣйшіе говоры можно различить въ предѣлахъ нынѣшней новгородской губерніи; 2) — какія между ними существуютъ естественные границы. Я думалъ, что—наиболѣе рѣзкія, по крайней мѣрѣ,—звуковыя явленія, составляющія особенности говоровъ, должны имѣть естественные предѣлы.

Не много нужно было опыта, чтобы убѣдиться въ неисполнимости какъ той, такъ и другой задачи.

Языкъ населенія новгородской губерніи представляетъ не мало діалектическаго разнообразія; но — отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ—какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губерніи,—я—по крайней мѣрѣ для себя—не вижу возможности.

Въ однихъ мѣстахъ этой губерніи цокаютъ и чакаютъ, въ другихъ дзекаютъ, въ третьихъ смѣняютъ ѿ на и. Не говоря о болѣе мелкихъ звуковыхъ различіяхъ, — таковы главныя проявленія новгородской фонетики. Можно ли на основаніи этихъ проявленій утверждать, что въ предѣлахъ новгородской губерніи слѣдуетъ различать три главные говора: цокающій (и чакающій), дзекающій и мѣняющій ѿ на и? Вовсе нѣтъ,—такое раздѣленіе было бы ложнымъ: дзеканье почти на столько же несвойственно новгородской губ., какъ и аканье; а остальные двѣ примѣты мѣстами существуютъ въ одиночку, мѣстами же являются соединенными въ одномъ и томъ же говорѣ. Принципъ дѣленія, такимъ образомъ, оказался бы неудовлетворительнымъ. И я не знаю такой звуковой черты, которую можно бы было положить въ основу настоящаго, строго научного дѣленія новгородского нарѣчія на говоры.

Ни одна изъ указанныхъ примѣтъ не является, въ то же время, замкнутою въ извѣстныхъ предѣлахъ. Отъ Ильменя до Бѣлоозера различныя звуковыя черты новгородскихъ говоровъ много разъ и появляются и исчезаютъ передъ наблюдателемъ, и притомъ такъ, что почти нигдѣ топографическихъ причинъ ихъ появленія и исчезновенія не оказывается.

Во многихъ уѣздахъ мѣстности, смежныя одна съ другой и не раздѣленыя ни рѣками, ни озерами, ни лѣсами, ни болотами, представляютъ болыпія разности въ звуковыхъ чертахъ языка населенія. На оборотъ — нерѣдко и то, что сходныя и даже тожественные черты говоровъ можно встрѣтить на разныхъ, противоположныхъ концахъ губерніи. Цокаютъ и чакаютъ кое где по берегамъ Ильменя и — напримѣръ — въ череповскомъ и бѣлоозерскомъ уѣздахъ. Въ новгородскомъ уѣздѣ смѣняютъ ѿ на и — въ Ямкѣ постоянно, въ Голинѣ (верстъ 15 отъ Ямка) — иногда, въ Шимскомъ (верстъ 9 отъ Голина) — вовсе не смѣняютъ; тоже напр. въ вадайскомъ уѣзде: въ самомъ городѣ ѿ = е, въ Зимогоры (подгороднее село) = и, въ Короцкомъ (4 версты отъ города) на мѣстѣ ѿ онятъ е, въ Полосахъ (верстъ 5 отъ Короц-

каго) опять *и*. Что сказано объ этихъ двухъ примѣтахъ — относится и къ прочимъ, звуковымъ и формальнымъ. По отношенію къ формамъ говоръ напр. Эстьянъ (новг. у.) уже нѣсколько разнится отъ говора Бронницъ (2 версты разстоянія), а въ Бѣлой Горѣ (близъ лежащее селеніе) опять уже, какъ выражаются мѣстные жители,—«рѣчъ отмѣнитая».

На разности говоровъ и перестановку ихъ въ новгородской губ. вліяли различныя причины: 1) колонизация новгородской области жителями другихъ, — сопредѣльныхъ ей, а иногда и отдаленныхъ мѣстностей; 2) насильственное переселеніе крестьянъ волею помѣщиковъ и свободное, по разнымъ причинамъ совершившееся, передвиженіе населенія; 3) скрещеніе говоровъ, порождавшее новыя особенности; 4) вліяніе одного говора на другіе и вслѣдствіе того ассимиляція нѣсколькихъ съ однимъ какимъ либо; 5) вліяніе городовъ на села и вслѣдствіе того нивелировка языка послѣднихъ.

Въ силу двухъ послѣднихъ причинъ на извѣстномъ пространствѣ могли стереться особенности мѣстнаго нарѣчія, сохранившись однако кое гдѣ. Не многія мѣстности, оказавшіяся наиболѣе устойчивыми передъ чуждымъ вліяніемъ, очутились съ теченіемъ времени изолированными. Каждая изъ такихъ мѣстностей,—сохранивъ одна—одинъ, другая—другія черты,—представляетъ собою относительно языка ея населенія нѣчто особенное.

Стремленіе говоровъ подойти подъ одинъ общий уровень замѣчается сильное. Есть мѣстности, въ которыхъ исчезновеніе звуковыхъ особенностей языка совершается, такъ сказать, во очію. Въ одной деревнѣ, гдѣ — какъ миѣ сказали — *п* смѣняется на *и*, я говорилъ съ нѣсколькими крестьянами, и только у одной старухи замѣтилъ такое произношеніе. Молодежи казалось уже смѣшнымъ говорить — хлеб, сино и т. п. Въ другой деревнѣ я нашелъ лишь въ нѣкоторыхъ семьяхъ удержавшеюся интересную формальную особенность (см. ниже). Можно бы привести и не одинъ, два, а много примѣровъ того, что особенности говоровъ

видимо исчезаютъ, сохраняясь лишь между стариками, а еще чаще между старухами. Мѣстные нарѣчія все болѣе и болѣе уравниваются; но процессомъ этого уравненія, какъ то замѣчено выше, создаются до времени какъ бы новыя діалектическія разности. Исчезновеніемъ иѣкоторыхъ особенностей языка въ однихъ мѣстахъ, иѣкоторыхъ—но иныхъ—въ другихъ, и сохраненіемъ ихъ—въ третьихъ,—дробится прежде цѣльное нарѣчіе или говоръ на части.

Можно поэтому думать, что нѣкогда въ новгородскомъ нарѣчіи было болѣе однообразія. Не принимая въ разсчетъ одного изъ упомянутыхъ трехъ признаковъ, именно дзеканья, какъ встрѣчающагося очень рѣдко и, по всей вѣроятности, лишь въ средѣ петуземцевъ, можно даже признать, что въ бывшее время языка новгородской области представляла собою одно цѣлое, не знавшее, по крайней мѣрѣ рѣзкихъ, подраздѣленій. Такъ можно думать потому, что смѣна *и* на *и* нѣкогда была, вѣроятно, общею чертою новгородского нарѣчія: остатки произношенія *и* какъ *и* можно прослѣдить и теперь по всей губерніи: есть такія мѣста, въ которыхъ *и* изъ *и* уцѣлѣло въ иѣкоторыхъ словахъ, смѣнившись въ большинствѣ случаевъ на *e*: хлебъ, но—сѣно и т. п. и безъ исключенія по всей губерніи можно слышать йистъ=ѣсть и йиздить=ѣздить. Что же касается до мѣны *и* на *и*, то эта особенность, я думаю, сравнительно поздняя и коренится въ мягкомъ древне-русскомъ и отчасти современномъ сѣверно-великорусскомъ—*и*,—о чёмъ сказано подробнѣе ниже.

При невозможности охарактеризовать отдѣльные говоры, я ограничиваюсь въ послѣдующемъ сведеніемъ въ систему того, что было мною подмѣчено на пространствѣ всей губерніи, указывая при каждой сообщаемой особенности мѣсто, гдѣ она была мною слышана. Хотя такой пріемъ описанія имѣть свой важный недостатокъ, такъ какъ въ немъ исчезаютъ индивидуальности говоровъ, я избралъ его, потому что охарактеризовать полно какой либо говоръ не могу, а расположение описанія по уѣздамъ считаю не основательнымъ. Замѣчанія по уѣздамъ,

представленныя Далемъ въ его статьѣ о русскихъ нарѣчіяхъ, могутъ послужить прямымъ предостереженіемъ отъ такого приема описаній. Обѣхавъ тѣ уѣзды, о которыхъ говорить онъ, я нахожу, что почти ни одна черта, обозначенная имъ, не можетъ быть признана прямо характерною для мѣстности, къ которой она отнесена.

Всѣ нижеприводимыя данныя извлечены мною изъ непосредственного ознакомленія съ живою рѣчью народа. Все это—подслушано мною въ бесѣдахъ крестьянъ между ими, или замѣчено при моихъ разговорахъ съ ними. Поэтому, хотя приводимыя данныя и не имѣютъ въ большей части случаевъ характера новизны, — все же ог҃б, думаю, не лишены значенія: извлечены изъ обыденной рѣчи народа, онъ являются подтверждениемъ дѣйствительного присутствія въ народномъ языкѣ многихъ изъ тѣхъ чертъ, которыя до сихъ поръ большею частію извлекались изъ памятниковъ народнаго творчества и по преимуществу изъ пѣсенъ.

Совѣть, данный мнѣ Вторымъ Отдѣлѣніемъ—обратить вниманіе на сказки, я желалъ выполнить тѣмъ болѣе, что и собственнымъ опытомъ убѣдился, какимъ важнымъ нособіемъ для выводовъ по языку могла бы послужить мнѣ сказка. При отсутствіи всякихъ общихъ интересовъ, мои бесѣды съ крестьянами не могли быть продолжительны, ограничиваясь большей частію немногими фразами. Особенности звуковыя еще можно было подмѣтать при такихъ бесѣдахъ, но онъ почти ровно ничего не могли дать для синтаксиса. Сказка давала бы мнѣ возможность слушать въ теченіи продолжительнаго времени непрерывную рѣчь крестьянина. Я, поэтому, вездѣ выискивалъ сказочниковъ, но — къ сожалѣнію — только въ Бѣлозерскѣ, дня за два, за три до выѣзда изъ губерніи, удалось мнѣ найти человѣка, отъ которого я могъ выслушать и записать нѣсколько сказокъ¹⁾.

1) Гораздо легче записать въ народѣ пѣсню чѣмъ сказку. Желаніе выслушать послѣднюю удивляетъ народъ, а желаніе записать ее вызываетъ даже недовѣріе, возбуждаетъ подозрительность. Это первое затрудненіе, на которое

Въ предѣлахъ новгородской губ. я оставался не много болѣе полутора мѣсяца. За это время я объѣхалъ пространство около 1200 верстъ, посѣтивъ, за исключеніемъ Крестцовъ и Тихвина (и ихъ уѣздовъ), всѣ остальные города губерніи и много сель и деревень, названія которыхъ ниже приводятся. Было бы полезнѣе для дѣла ограничиться менѣшимъ числомъ мѣстностей, избравъ для наблюденія немногіе, типичные по отношенію къ языку, пункты. Но—къ сожалѣнію—я ни отъ кого не могъ получить вѣрныхъ указаний на такія мѣстности¹⁾.

Въ обозначеніи мѣстностей употреблены нижеслѣдующія сокращенія:

Н. у. Новгородскій уѣздъ:

Нд. Новгородъ.

Т. Тесовщина (общее название нѣсколькихъ сель въ сз. части уѣзда.)

Кс. Кусони.

Л. Люболяды.

Э. Эстьяны.

Бр. Бронницы.

М. Мстарьё.

Г. Голино.

Ям. Ямокъ.

III. Шимское.

Ст. Р. у. Старорусскій уѣздъ:

Ст. Р. Старая Руса.

я наткнулся, выискивая сказки. Второе было въ томъ, что я объѣзжалъ новгородскую губ. въ «страдную» пору, въ пору лѣтнихъ работъ, когда крестьянину—понятно—не до сказокъ. Впрочемъ едва ли и въ другую пору года можно бы разсчитывать на богатую поживу материала этого рода: новгородская губ. хранитъ очень мало сказокъ, какъ меня увѣряли; да и по моимъ личнымъ наблюденіямъ губернія эта бѣдна народно-поэтическими произведеніями вообще.

1) Указывая на извѣстную мѣстность при обозначеніи извѣстной особенности, я отнюдь не хочу тѣмъ сказать, что особенность эта принадлежитъ исключительно этой мѣстности: указаніе на мѣстность есть лишь обозначеніе того, где особенность мною замѣчена.

Зв. Звадъ.

Кор. Коростыня.

Рам. Рамушево.

Пор. Порусье.

Д. у. Демьянскій уѣздъ:

Д. Демьянскъ.

Зал. Залучье.

В. у. Валдайскій уѣздъ:

В. Валдай.

Крц. Короцкое.

З. Зимогорье.

П. Полосы.

Кгр. Кагрино.

Ед. Едно.

Вл. Вельё.

Б. у. Боровичской уѣздъ:

Брв. Боровичи.

Ор. Орѣхно.

С. Сычево.

Пт. Пѣтухово.

Рк. Рѣчка.

Кр. Красное.

Бх. Бахмарово.

У. у. Устюженскій уѣздъ:

У. Устюжна.

Зас. Залѣсье.

Мр. Мирбво.

Ир. Иеря.

Ч. у. Череповскій уѣздъ:

Ч. Черѣновецъ.

Дв. Давыдово.

Еп. Ешоково.

Ив. Ивановское.

Б. д. Большая Дора.

Г. Громичиха.

К. у. Кириловский уѣздъ:

К. Кириловъ.

Ив. Б. Ивановъ Боръ.

Мтв. Матвеевское.

К. в. Казанская волость.

И. в. Петропавловская волость¹⁾.

Бз. у. Бѣлозерскій уѣздъ.

Бз. Бѣлозерскъ.

Извѣстно, что звуковая система древнихъ языковъ, въ частности старо-славянского языка, отличается строгою опредѣленностью, легко въ немъ подмѣтить существующія звуковыя отношенія и объяснить причины звуковыхъ явлений. Тоже можно сказать и о русскомъ языке древнѣйшей поры. Иное дѣло живой, современный нашъ русскій языкъ. Безъ всякаго сомнѣнія и въ немъ есть своя звуковая система, свои звуковыя отношенія, на столько же опредѣленныя, какъ и тѣ, какія представляютъ намъ старо-славянскій и древне-русскій языки. Но эти отношенія остаются во многихъ случаяхъ невыясненными, а потому и звуковой строй живаго русскаго языка не представляетъ повидимому выдержанности, опредѣленности явлений. Научное пониманіе этихъ явлений слишкомъ далеко отъ совершенства. Множество проблематического характера положеній замѣняетъ въ объясненіи ихъ строго выработанныя истины. Причины, подъ которыми подводятся извѣстныя группы явлений, оказываются нерѣдко несостойтельными въ виду многихъ фактовъ той же категоріи, не подходящихъ подъ выдуманный законъ. Важнѣйшее затрудненіе при обобщеніи явлений живаго языка, мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ: живой языкъ представляетъ всегда болѣе или менѣе діалектическаго разнообразія. И каждый говоръ его есть самостоятельная особь, имѣющая свою особенную жизненную дѣятельность. Я не думаю, чтобы такая особь отъ другихъ, бли-

¹⁾ Въ этихъ двухъ волостяхъ я не былъ.

жайшихъ къ ней, различалась лишь однимъ какимъ либо звуковымъ признакомъ. Одинъ такой признакъ только подмѣчень, какъ наиболѣе рѣзкій, бьющій въ глаза; а ужъ если онъ есть, то должны быть, находящіяся съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и другія черты—мелнія, трудно услѣдимыя, но не повторяющіяся въ особахъ той же группы. Каждый говоръ есть самостоятельный организмъ, проявленія жизненной дѣятельности котораго могутъ стоять въ противорѣчіи съ такими же проявленіями нѣкоторыхъ другихъ говоровъ того же нарѣчія. Поэтому, при объясненіи фактовъ данного нарѣчія, мы, быть можетъ, нерѣдко сопоставляемъ между собою, такъ сказать, несознаніемъ величины. . . . Къ строго научнымъ заключеніямъ, я думаю, скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на пространствѣ цѣлаго нарѣчія. Наблюдатель, поэтому, подмѣчающій только наиболѣе видныя черты говоровъ извѣстнаго нарѣчія, получитъ сумму данныхъ, характеризующихъ это нарѣчіе, но едва ли будетъ въ состояніи дать его особенностямъ прочныя научныя объясненія. Въ положеніи такого наблюдателя находусь и я. Многое въ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся здѣсь, остается для меня не яснымъ.

Общая отличительная черта съверно-великорусского нарѣчія въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ — сохраненіе неударяемаго о— выдерживается на пространствѣ всей новгородской губерніи. Даже спорадическихъ случаевъ перехода о въ а мнѣ не встрѣтилось¹⁾.

¹⁾ За исключеніемъ двухъ собственныхъ именъ: Расея, Расейскихъ Зв. Яврѣй В. Послѣдней формы въ другихъ мѣстностяхъ я не встрѣтилъ. Въ В. у. есть нѣсколько акающихъ сель, тоже въ Ст. Р. у., а можетъ быть и въ другихъ. Жители этихъ сель выселенцы изъ области южнаго нарѣчія. Ихъ произношеніе на а не только не заражаетъ ближайшихъ ихъ сосѣдей, но считается послѣдними смѣшнымъ и страннымъ.

Обратные случаи имѣютъ мѣсто въ новгородскихъ говорахъ, т. е. неударяемое *a* иногда переходитъ въ *o*:

а) въ началѣ словъ: Офонюшко Ям.

б) въ срединѣ: роботник Кс. пороход. Ст. Р. довнѣхонъко Бз. оспривать *ibid*. Въ предлогѣ *раз* при сліяніи его съ именами и глаголами я слышалъ постоянно *o*; постоянно же *o* вм. а и въ род. п. пр. им.: добро во и т. п.

в). въ концѣ: батюшко, дядюшко У. Бз. и др. мѣста¹⁾.

Ударяемое *a* въ *o* кажется не переходитъ; по крайней мѣре миѣ встрѣтился лишь одинъ случай такого перехода, да и то въ иноземномъ словѣ: троур. Нд.

За исключениемъ *o* звукъ *a* ни съ какимъ другимъ не сближается.

Въ отношеніяхъ звука *o* къ другимъ звукамъ замѣчается смѣщеніе звуковыхъ категорій: въ нѣкоторыхъ словахъ онъ переходитъ въ *u*. Такъ *u* вм. *o* я слышалъ, кроме собственнаго имени Русіи Зв. (Форма, которая вѣроятно и не предполагаетъ формы—Россія), въ двухъ словахъ: морусит (дождь —) В. и сево-гуду Бз.²⁾.

Въ томъ и другомъ случаѣ измѣнилось *o* неударяемое. Обратнаго явленія я не замѣтилъ.

У иногда переходитъ въ *ы*, но не наоборотъ: бытто (будто) В. слых. *ib.*

Звукъ *e* сближается съ *и* и съ *o*. Въ *и* переходить *e* очень рѣдко: жнит. Кс. Слыщаль я эту форму дважды, по отъ одного

¹⁾ Миѣ говорили, что мѣстами въ Паозерьѣ (такъ называются селенія по берегамъ Ильменя, преимущественно на зап. и южн. берегу его) слышится: батюшки, матушки. Не знаю, на сколько вѣрно такое сообщеніе,—самъ я не слыхалъ такихъ формъ, — и не понимаю причинъ явленія, если оно дѣйствительно существуетъ. Во всякомъ случаѣ оно не принадлежитъ къ области фонетическихъ измѣненій.

²⁾ Сближеніе звуковъ *o* и *u* находимъ и въ области южно-великорусского наречія: ку(о)ница П.Сини Шифна №6 с. изъ ру(о)ду *ib.* 455. Въ одной рязанской именѣ *o* вм. *u*: ко(у)ныю шубу. Имена, собр. Кирѣевскими VII. 56. (Можетъ быть послѣдній примѣръ следуетъ объяснить иначе: не понятно ли здесь слово кунью изъ смисла коню?)?

лица; тамъ же говорятъ обыкновенно: жнет¹⁾). Форма — написій. У., конечно, предполагаетъ — написле изъ напислся.

Чаще можно встрѣтить обратный переходъ. Рядъ примѣръ измѣненія и въ е въ области свр. нар., извлеченныхъ изъ былевыхъ пѣсенъ, представленъ мною въ статьѣ «Матеріаль для характеристики съверно-великорусского нарѣчія»²⁾. Случаевъ, подобныхъ отмѣченнымъ тамъ, измѣненія коренного и на е (пер, вехорь и т. п.) въ новгородскихъ говорахъ я не встрѣтилъ; не разъ однако слышалъ я (все, впрочемъ, въ одной только мѣстности) такой переходъ и въ окончаніяхъ:

онѣ Бз.

не ib. как небудь ib.

издале ib. впереде ib.

говорѣла ib.

Одинъ изъ этихъ примѣровъ можно объяснить смѣшеніемъ формъ; другой (преднаслѣдій) быть можетъ слѣдуетъ отнести на счетъ особенностей словообразованія; въ остальныхъ, я думаю, нельзя не видѣть фонетического явленія³⁾.

Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ Валдаѣ («По борамъ-борикамъ»), встрѣчается форма-бравше (см. приложеніе). Я не слышалъ подобной формы въ живомъ употребленіи, но вѣроятно она встрѣчается: въ одной изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Новгородскомъ Сборникѣ,— в. III, отд. пѣсенъ, стр. 9-я,—есть форма тожественная съ приведенной: недостроивше (пѣсня записана въ Эстьянахъ)¹⁾.

1) Въ русской волости И. у. можно, какъ мнѣ говорили, слышать: пойдимте.

2) Варшавск. Унив. Извѣстія 1874 г.

3) Приведенные мною въ упомянутой статьѣ примѣры перехода и въ е можно пополнить многими другими примѣрами, доказывающими несомнѣнное существование этого фонетического явленія въ различныхъ мѣстностяхъ живаго русскаго языка. См. въ Сборникѣ Шейна стр. 35, 58, 147, 531, 551, 560 и у Кирѣевскаго в. II с. 35, в. IV. с. 74, в. V. с. 4., в. X. с. 87 и 113. Имена на ир по всей Россіи мѣняютъ и на е: квартера (Ср. бригадерушка, командеры. Кир. X. 113).

1) Упомянутая пѣсня: «По борам-борикам» напечатана въ брошюркѣ Тे-

Въ виду сказанного, признаю несомнѣнныиъ, что въ современномъ великорусскомъ языке конечно и иногда мѣняется на *e*; не вижу, поэтому, причины отрицать такую смѣну и для древнерусскаго.

Пачальное *e* иногда смѣняется на *o*, какъ въ древне-русскомъ: още *У*.

Обратное явленіе есть уже результатъ перегласованія. Говоря о древностяхъ языка Паозерья, нѣкоторыя лица въ Новгородѣ увѣряли меня, что мѣстами тамъ можно слышать слово озеро въ древней формѣ кзеро. Тамъ, гдѣ я былъ въ Паозерьѣ (Ям., Кор., Зв.), такой формы нѣть. Считаю однако вполнѣ возможнымъ, что форма кзеро мѣстами существуетъ; но безъ всякаго сомнѣнія она не остатокъ доисторической древности, а очень позднее явленіе, предполагающее между собой и озеро посредствующую форму ѹозеро¹⁾). Это явленіе того же рода, что встрѣчающееся мѣстами въ свр. ень, ены изъ онъ, оны—черезъ йонъ, йоны²⁾.

Въ срединѣ словъ *e* на *o* мѣняется часто, всегда оставляя свой следъ на мягкости предыдущаго согласнаго звука³⁾.

рюхина «Городъ Валдай». Спб. 1874. Форма бравши напечатана съ *и*, но за то смѣну *и* на *e* находимъ въ словахъ: игодке (*и*), будите (*и. и.*), знобите (*и. и.*). Нѣсно видимо была записана очень дурно: вм. пруснула — въ ней читаемъ брюснула, им. шибинул—шубинул, вм. батажкомъ—батачкой,—рядъ безсмыслицъ; можно бы ии довѣрять поэтому и указаннымъ, въ ней находящимся звуковымъ особенностямъ нѣсни; но, что онѣ въ языке возможны и дѣйствительны, доказывается другими свидѣтельствами: вм. Сбори. Шейна въ одной изъ нѣсень Исковской губ. трижды встрѣчается форма неонр. иака, на те вм. ти: скопите, купите, носите. Ср. съ этимъ: грабите (*и. и.*) во Вр. Нест. Ип. списка и узяте въ Грамотѣ 1229 г. То объясненіе, которое я далъ этимъ формамъ въ своемъ Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. (с. 91 и 152), считаю и теперь совершенно иѣримъ.

1) Такіе переходные формы мѣстами существуютъ. Въ Выксинскомъ приходѣ Чер. у. говорили, напр.: Водин=один (Новг. Сб. V.39). Возможно, что изъ этой формы со временемъ обращается тождественная съ старо-слав. єдинъ. Такая форма, впрочемъ, мѣстами въ русскомъ языке и теперь есть: въ Симб. губ., какъ написано въ Истории Кирсановскаго, можно слышать: една (Кир. в. I, с. 5).

2) При формѣ кзеро спаништъ, какъ говорили мнѣ, и лезеро. Это л есть, конечно, видимо имено Вата.

3) Такъ для устраненія сбивчивости въ выраженіи обозначить я то явленіе,

На сколько мнѣ извѣстно, первые случаи такого превращенія *e* въ *o* (если не считать измѣненія *e* на *o* послѣ шипящихъ) относится только къ XV вѣку (Очеркъ и пр. 133). Съ того времени это явленіе распространилось на значительную массу словъ, являясь въ съверно-великорусскомъ болѣе широкимъ и менѣе опредѣленнымъ по употребленію, чѣмъ въ южномъ. Замѣчанные мною въ Новгородской губ. случаи перехода *e* въ *o* сводятся къ слѣдующему.

а) Въ началѣ словъ довольно рѣдко:

ѣво Р. есть В. у.¹⁾.

Формы эти непосредственно являются изъ *ево*, есть, не предполагая формъ съ нейотированнымъ *o* изъ *e*. Какъ въ срединѣ словъ *o* изъ *e* всегда имѣеть передъ собою мягкий согласный звукъ, такъ въ началѣ словъ оно непремѣнно облекается йотомъ: *ѣво*, т. е. *йово* и т. п.

б) Въ концѣ словъ:

Мѣстами постоянно послѣ *ь* — *йотъ*:

успенійо (успенѣё) Т.

Удареніе въ этомъ и подобныхъ, слышанныхъ мною словахъ, падаетъ на послѣдпій слогъ; можно бы поэтому думать, что оно то и является причиной звукового измѣненія²⁾; но другіе случаи въ сѣв. великор., аналогичные съ даннымъ³⁾, противорѣчатъ такому мнѣнію.

которое, обыкновенно называется переходомъ *e* въ *ё*. Говорить о превращеніи *e* въ *ё*, разумѣя, подъ послѣднимъ *йо*, нѣтъ основаній, такъ какъ нѣтъ основаній предполагать, что между формами, подобными напр. *вез* и *вёз*, стояла нѣкогда какъ посредствующее звено *вйоз*. Да, сверхъ того, превращеніе чистаго простаго звука *e* въ слогъ *йо* — немыслимо. Слогъ *йо* изъ *e* можно бы понять лишь въ томъ случаѣ, если бы на мѣстѣ *o* можно было предположить *е* (*йе*), т. е. если бы форма напр. *пёз* предполагала стущени: *вйозъ* — *вїез*. Но и для такого предположенія нѣтъ никакого основанія. Что, наконецъ ё нельзѧ понять какъ звукъ цѣльный, подобный нѣмецкому *ö* или французскому *eu*, видно изъ самаго произношенія.

1) Послѣдній примѣръ привожу на основаніи сообщенія, сдѣланнаго мнѣ заслуживающимъ довѣрія лицомъ, а не на основаніи личнаго наблюденія.

2) Успенѣё, но — усплѣнѣе. Это однако факты разныхъ мѣстностей.

3) См. Матеріалъ и пр. с. 15 отд. оттиска.

Кажется, подъ влияниемъ ударенія перешло *e* въ *o* въ формахъ: хотитѣ, дадите У¹⁾).

ii) Въ среднѣхъ словъ переходъ *e* въ *o* встрѣчается очень часто:

слѣза Г.	ибна ів.	вѣдро	{	<i>e</i> неударяемое.
сѣстра Ї.	сестры Кс.			

лѣв Бз.	{	<i>e</i> ударяемое.
---------	---	---------------------

бочѣк ів.	{	<i>e</i> ударяемое.
-----------	---	---------------------

горѣвать ів.	воѣт Э.	{	<i>e</i> ударяемое.
--------------	---------	---	---------------------

сымѣш ів.	будѣт ів.
-----------	-----------

дѣржит Бз.	трѣснул ів.
------------	-------------

отиѣхнуть Ї.	отиѣхнутся Кс.
--------------	----------------

лебедѣй Кир.	гостѣй ів.
--------------	------------

свадѣбныи В.	{	<i>e</i> ударяемое.
--------------	---	---------------------

Ясно и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, что переходитъ въ *o* какъ ударяемое, такъ и неударяемое *e*, какъ основное такъ и явившееся изъ *u* (гостѣй изъ гостей—гостию) и *ъ* (суф. ьк и ьб).

Нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ аналогичны, а другие и тожественны съ тѣми, какіе представляютъ изданные памятники народнаго творчества²⁾.

Измѣненіе *e* на *o* принадлежитъ къ числу неясныхъ чертъ сѣв. влкр. нар. Что удареніе, влияющее на это измѣненіе въ южномъ, не влияетъ на него въ сѣверномъ, видно какъ изъ того, что измѣняется въ *o* неударяемое *e*, такъ и изъ того, что не измѣняется иногда ударяемое. Мнѣ встрѣчались даже такие случаи, что слово, имѣющее уже *o* изъ *e*, возстановляло этотъ послѣдній звукъ именно тогда, когда на него падало удареніе: вѣдро Г., но ів; вѣдра (им. мн. ч.).

Въ полиглоссной формѣ *ore* второе *e* обыкновенно обращается

¹⁾ И въ Шенкурскѣ: беритѣ Кир. V. 189. Но однакоже, не смотря на удареніе, изъ этихъ формъ остается *e*: приадите, пойдетѣ Бз.

²⁾ Материалъ и пр. 13—16; Шенк Кир. II 45—47, 52, 62; Шейна 546, 888—9.

въ о, какъ и въ онежскихъ говорахъ (Матеріалъ и пр. с. 14): верёх Нд., заберёга Ш., на берёг Бз. Однако — к бéрегу *ibid.* Здѣсь какъ будто оказалось свое вліяніе мѣсто ударенія въ словѣ. Минѣ кажется, что неясность явленія, о которомъ идетъ рѣчь, условливается именно тѣмъ, что сопоставляются факты разныхъ мѣстностей и разныхъ слѣдовательно говоровъ, — условія же явленія для разныхъ говоровъ, не одинаковы¹⁾.

Объ отношеніи древняго *н* къ *и* и *е* выше уже сказано.

Привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ употребленія *и* вм. *н* въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно оно смѣняется на *е*: йистъ и йись (ѣсть) Г., ниту *ib.*, ѿти Крц. хлибца Ив., лис. *ib.* Ен., надинъ, повисил, досѣдили, поизжант, листница Бз.

Въ нарѣчіяхъ — гдѣ и здѣсь (къде и съде) употребляется *и* вм. *е*: гдѣ П., здѣсь Бз., вѣроятно въ силу аналогії, вліянія словъ имѣющихъ *и* на мѣстѣ конечнаго *н*: на столи П. вси Зал. и т. п.

Б на я смѣнилось въ сѣв. влkr., какъ извѣстно, въ окончаніи сравн. степеніи: свѣтлае мѣсяця Ив. Б. рослия Ен. мудреняе Бз.

Что касается до я въ сял (= сѣл), то оно должно получить иное объясненіе. Я убѣждень, что эта смѣна отнюдь не можетъ доказывать сродства звуковъ *н* и *я*. Она есть фактъ не фонетики, а словообразованія, именно стремленія къ уравненію темы неопределеннаго наклоненія съ темой настоящаго времени: сясть и сялъ явились по аналогії съ сяду.

При стеченіи двухъ гласныхъ звуковъ является мѣстами ассимиляція и стяженіе ихъ: почита(е)ні Л. недовлѣ(е)т Т. Г. дума(е)ні Мтв. ён ба(е)т Г.

Стеченіе согласныхъ вызываетъ вставку гласнаго зв.: столоб Пор. долинá (т. с. длина) Кор. Дв.

¹⁾ Отъ одного и того же лица мнѣ пришлось слышать въ Бз. различные звуковыя формы одного и того же слова: шатер и шатёр, зеленый и зелёный (см. сказки — въ приложеніи). Человѣкъ, говорившій такъ, былъ грамотенъ и не выдерживалъ въ своей рѣчи всѣхъ особенностей мѣстнаго выговора. Но человѣкъ неграмотный и исподдавшійся какимъ бы то ни было чужимъ вліяніямъ не можетъ въ своей рѣчи стать въ такое фонетическое противорѣчіе самъ съ собою.

Изъ случаевъ опущенія гласныхъ интересно сокращеніе полногласной формы: оболокись У. Ч. у. Бз., но — обличись Мтв.¹⁾.

Перегласованіе встрѣчается: при шиниціяхъ: чешна (чаща) Бз.; при *и*: вѣнценье Ив. Б.; при *р* и *л*: крепи Пр., умышилеи (изъ умышилеи — умышиляеш) Мтв.

Проявляющіяся особенности въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ разнообразны. Однако такихъ чертъ въ этомъ отдѣлѣ, которыя не были бы известны и въ другихъ частяхъ сѣверно-великорусского, не замѣтио²⁾. Звуковыя мѣны согласныхъ можно отмѣтить слѣдующія:

а мѣняется съ *к* и *х*:

г(к)иль Нд. фла(г) Бз. иеренах(г)ивал ib.

Разъ слышать я форму, въ которой *х* смѣнилось на *в*: трѣв(х) Ив.

Рѣдко, но встрѣчается древняя черта языка: смѣна *с* на *х*: опоях(с)ать Г. (ср. вху во Вкл. Варл.).

Перехода *в* въ *у* я нигдѣ не слышалъ. Опъ однако же существуетъ мѣстами въ Ч. у., какъ мѣжъ говорили мѣстные жители и какъ то было засвидѣтельствовано Далемъ (О нарѣчіяхъ и пр. 22).

Тамъ же мѣстами можно встрѣтить смѣну *в* на *м*: пимцо.

Переходъ *м* въ *и* я замѣтилъ только въ одномъ словѣ: нодын(м)и Кс. Э. Вм. *и* стоитъ вм. *л* въ словѣ: сухмель В. Бх. (Ср. присталь въ Сб. Гильфердинга с. 284, 367).

Ф на *п* мѣняется въ словѣ и(ф)анинникъ Ив. Б. *Ф* вм. *хв* въ фатать Бз. и фатера (конечно, черезъ посредствующую форму хватера) ib. Вм. *х* является *хв* въ словѣ: охватникъ Г.

Отзвучные зубные переходятъ иногда въ звучные:

збирается Бз. очудился ib.

Первый примеръ — обыкновенное и понятное явленіе непол-

1) Ср. подобные случаи сокращеній въ Сборн. Гильфердинга (с. 455, 513, 923) и Барсона (Причтания с. 4).

2) Ср. никакнѣодимые примеры съ тѣми данными олонецкихъ говоровъ, которыхъ собраны изъ Матеріала, и пр.

ной ассимиляциі. Появленіе *đ* вм. *t* во второмъ, быть можетъ, слѣдствіе народной этимології, т. е. быть можетъ это слово сближено народомъ съ — чудо.

Вмѣсто *щ* мѣстами двойное *ш*:

шшука. П. свѣшеник Ив. шшетинка, ешшо, чаща Бз.

Явленіе это не составляетъ иезмѣніаго правила: въ тѣхъ же мѣстностяхъ можно слышать и *щ*.

Смѣны *c* на *ш* не замѣтилъ¹⁾. Обратный случай только въ словѣ слюзы (шилозы) Грв. Бз.

C вм. *щ* является въ — свѣты (цвѣты) В. свѣтики Бз.²⁾.

З вм. *ж* я слышалъ въ словахъ:

рогоzка Ив. зелѣзный В. порозной Бр. порознѣмъ III. на норознѣкѣ Крц (т. е. порожнѣмъ³⁾)

щ вм. *шт* въ — що (что) Пр.

1) Смѣна эта однако же существуетъ въ сѣн. великор. См. Матеріалъ и пр. с. 29. Кромѣ того: въ Шенкурскѣ говорится: *щ(с)ельшина*. Пѣсни Кир. I. 83, въ Онегѣ: тышаць ів. 87.

2) Форма — свѣт. вм. цвѣт — встречается и въ южно-великор., напр. въ Тул. г. См. Пѣсни Шейна с. 446. Форма твѣты (цвѣты), которую мѣстами можно слышать въ В. у., тоже свойственна югу. См. Кир. II. 67.

3) Форму — порозній — я считаю первичною по отношенію къ формѣ порожній. Эта форма вызываетъ меня на слѣдующія замѣчанія.

Какъ извѣстно, слова — порожній и праздникъ — тожественны по кореннымъ звукамъ, и представляемая ими звуковая разница условливается лишь особенностями фонетики двухъ нарѣчій: русскаго, которому принадлежитъ слово — порожній, и старо-славянскаго, собственность котораго слово праздній. Что такое *зд* послѣдняго?

Миклошичъ (Vergl. Gg. der Sl. Spr. I) считаетъ вѣроятнымъ, что *зд* есть смягченіе *đ*. Рѣшаюсь усомниться въ этомъ. Основанія для сомнѣнія слѣдующія:

1) Остается совершенно неяснити *зд*, почему *đ*, постоянно превращающееся въ *жд*, въ данномъ случаѣ и не множихъ трупахъ (грудь, звѣзда и т. п.) является въ формѣ *зд* (читать же *труднѣзд* первичною по отношенію къ *жд*, т. е. предположить ступени: *дз* — *зд* — *жд*, иначе нѣкакого основанія).

2) Для смягченія *đ* въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимаго условия: суффиксъ *ин* слова праздн-ик-ъ не равняется *игн*, а есть видоизмененіе *ин* (ср. аналогичныя образования въ словахъ: бѣдн-ик-ъ, мутн-ик-ъ и т. п.: *đ* и *t* остаются неизмѣнными).

3) Соответствующія звуковыя формы этого слова въ другихъ славянскихъ

Самое важное звуковое явление мѣны согласныхъ звуковъ въ новгородскихъ говорахъ, да и вообще въ сѣверно великорусскомъ нарѣчіи, — это мѣна *и* на *и* и обратно.

Такую мѣну я слышала въ Новг., Устюжскомъ, Череп. и Кириловскомъ уѣздахъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры цоканья и чаканья:

вышедци III. ушодци T. лутце Г. віцера Пр. легце ів. уций Дв. молоцка ів. угароцки ів. рудка с руцкой Ив. Б.;

отечь, купець Г. полотенче ів. молодича ів.

Мнѣ говорили, что можно въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышать цоканье и чаканье. Примѣры статьи Даля о нарѣчіяхъ подтверждаютъ это сообщеніе. Если дѣйствительно оба признака совпадаютъ въ какомъ либо говорѣ, то причина явленія остается для меня непонятной. Самъ я однако никогда не встрѣтилъ такого совпаденія (если не считать слышаній мною въ Г. формы лутце: нѣкоторыи слова съ *и* на *и* встречаются по всей губерніи, не исключая мѣстностей, где не цокаютъ и не чакаютъ; такъ vezdъ я встрѣчать форму — ушодци произносится мѣстами — ушодци Т.).

Если же цоканье не совпадаетъ съ чаканьемъ, тогда послѣднее можно, какъ мнѣ кажется, объяснить никогда бывшее въ

нарѣчіяхъ но таковы, какихъ слѣдовало бы ожидать, еслибы *эд* этого слова явилось изъ *dj*.

На основаніи этихъ соображеній мнѣ кажется болѣеѣ вероятнымъ относительно группы *эд* слѣдующее предположеніе.

Извѣстно, что въ старо-слав., да вѣроятно и въ древне-русскомъ, было два рода звука *i*: *i*=лат. *g* и *i*=лат. *h*. Рядъ высказанныхъ въ науку замѣчаний о характерѣ ^и первого изъ этихъ звуковъ, привелъ къ убѣжденію, что *g*=лат. *g*, при смягченіи давало *dz*, выражавшееся буквою *s*. Самой группы *dz* изъ *i* указано не было.

Но есть ли группа *эд* результатъ этого смягченія? Ст-слав. нарѣчію была свойственна звуковая перестановка въ извѣстныхъ случаяхъ: жд. вм. дж—изъ *dj*, шт. им. ти—изъ *tj*; также, быть можетъ, и сочетаніе *dz* превратилось въ *id*.

Я бы считала это исключительнымъ, если бы могъ доказать, что въ кориѣ словъ: *празднѣть*, *гноздѣ* и другихъ подобного образованія были нѣкогда *инуки* *i*. Но будучи въ состояніи этого сдѣлать, я высказываю мою мысль только предположительно.

говорѣ мягкостью *и*. Сочетаніе *ча*, *чу* и т. п. непремѣнно, я думаю; предполагаютъ: *чя*, *чию*, а не *ча*, *чу*. Эта мысль подтверждается: 1) измѣненіемъ *ся* (т. е. *съа*, *с'а*, *с'а*) въ *ша*: тышацъ (см. Пѣсни Кир. I. 87); 2) тѣмъ, что въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *и*, неѣтъ формъ, подобныхъ курича и пр. По крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ такого совпаденія явленій. Говоры съ мягкимъ *и* — переходные отъ тѣхъ, въ которыхъ *и* твердо, къ тѣмъ, въ которыхъ оно смѣняется на *и*. А можетъ быть вѣрище будетъ сказать такъ: основные говоры тѣ, которые имѣютъ мягкое *и*, отъ нихъ пошли въ одну сторону говоры съ твердымъ *и*, въ другую — съ *и* превращеннымъ въ *и*.

Трудно объяснить обратное явленіе — превращеніе *и* въ *и*. Могу сдѣлать лишь слѣдующее предположеніе. Мѣстами *и* такъ мягко, что стоитъ на рубежѣ *и* и *и*, — слышится не то туть, не то другой звукъ. Древне-русскому языку были свойственны не только мягкое *и*, но и мягкое шиняющіе — *ж*, *ч*, *ш*. Быть можетъ мягкое *и* наклонилось, а съ течениемъ времени и перешло въ *и* по особенному строю фонетики нѣкоторыхъ говоровъ? Впрочемъ, явленіе цоканья и чаканья требуютъ еще наблюдений.

Ц изъ *и*, стоящее передъ *т*, произносится почти какъ *с*: уничтожилась *Дв.*

Мягкаго *ч*, а равно и другихъ шиняющихъ я не слышалъ; твердость же шиняющихъ замѣчалъ не только въ ударяемомъ, но и въ неударяемомъ слогѣ: не только: жбнка, пошбл Бз, пичбо Нд., но и — чоловик Пт.

Ц мягко не рѣдко, но далеко не вездѣ: пятница Э. пятницю ів. концѣ Ив. отци Ии. Б. танцуютъ ів. молодецъ ів., но напр. пальцѣвъ Бз. сердцо ів.

Мѣстами слышится мягкое конечное *о*: оставь Бз.

Изъ плавныхъ — *л* постоянно мягко, но *р* иногда твердо тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать его мягкости и наоборотъ: ря(а)ма В. вихор(ъ). ів.

Въ словѣ лѣд *o* мягко въ косвенныхъ падежахъ: льду, льдѣмъ Бз.

Тотъ же звукъ мягокъ въ концѣ слова — назадъ.

Согласные *p*, *n*, *m*, с мягки передъ суффиксами прилагательныхъ *к* и *ск*, т. е. *ик* и *иск*. Мягкость ихъ — несомнѣнны слѣдъ этихъ суффиксовъ: барыжской Зв. царьской *ів*.

Деревенской Л. В. Э. Смоленское Г. Казанский В. Демьянинский *ів*.

Шимьской Г. Зв.

Русская Э. петербургское З. пирошковое оз. С. ивановский Ив. московское У.

Въ примѣрахъ, подобныхъ послѣднимъ двумъ, *в* почти исчезаетъ (какъ въ подобныхъ же случаяхъ въ варшавскомъ говорѣ польского языка).

Обратное явление случаю приведенной мягкости представляеть твердость нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Тверды слѣдующіе звуки:

m: въ формѣ тыхъ (тихъ изъ тѣхъ) Кс.;

n: въ — оны (вм. они) *ів*.,

и очень часто въ окончаніяхъ прилагательныхъ: осенняя Зв. здѣшняя У. дорожная Бз. вчерашилово *ів*.;

d: передъ суф. *ми* тв., п. мн. числа: людмы Э.

m: въ томъ же суффиксѣ: *мы* вм. *ми*.

p: кричать Бз.

Мѣстами кромѣ обще-русского смягченія въ *ж*, — *д*, при сочетаніи съ йотъ, является въ формѣ *жд*. Съ такимъ смягченіемъ я слышала впрочемъ только одно слово и въ одпой только мѣстности: урождай Злс.

Древнаго смягченія гортанныхъ нѣтъ слѣдовъ.

Смягченіе, губныхъ проведено дальше, чѣмъ въ литературиомъ языкѣ: успеніе Злс. (но въ другихъ мѣстностяхъ: успеніѣ Т.).

Смягчающее губной звукъ *л*, являющееся въ 1 лицѣ наст. вр., выдерживается и въ прочихъ: засыпеш, задремлеш В.

Изъ явленія асимилляціи согласныхъ мнѣ встрѣтились только случаи уподобленія *b* — *m*:

омморокъ Бз. оммѣривать iб. амманывать iб.

Примѣрами перестановки согласныхъ могутъ послужить слова: арбан (аибар) В. квардат Кр. намастырь В.

Выпадаютъ слѣдующіе звуки:

в и *с* въ началѣ словъ: (в)стал Бз., (с)олько iб.;

к передъ глагольною примѣтою *ну*: тол(к)нуть П. зам(к)-нул iб.;

т — передъ *и*: о(т)пустил Бз., и въ концѣ словъ постѣ *с*: хвос(т) Бз дас(т) iб, ес(т)ь Дв.;

й и *и*, явившееся изъ *й*: с ими (т. е. с *йими*) Бз. с ей Ст. р;

подѣм (пойдѣм) Ст. р. да'ка (дай ка) Бз. сюды то' ди (иди) iб.

Вставнымъ *й* является въ словѣ: байна Бз.

Есть слова, представляющія выпаденіе цѣлаго слога: хотца (хочется) Г. видца (видится) iб.

Говоря выше о смягченіи *đ*, я не упомянулъ о дзеканыи. Это потому, что я никогда его не слышалъ. По примѣру, приводимому Далемъ, въ его статьѣ о нарѣчіяхъ, для характеристики говора Бронницъ, я ожидалъ, что Броничане смягчаютъ *đ* въ *đz*. Оказалось, что нѣтъ. Въ Боровичскомъ уѣздѣ есть дзекающія селенія; но гдѣ именно они есть, того — къ удивленію моему — никто мнѣ положительно указать не могъ изъ мѣстныхъ жителей; въ тѣхъ же селеніяхъ и деревняхъ Б. у., которыя я посетилъ, ~~здесь~~ примѣты не встрѣтилось.

Сообщаютъ некоторые изъ встрѣчавшихся мѣръ особенностей въ постановкѣ удареній:

Им. существ:

ру́чей Ід. (и по всей губерніи)

ворота Г.

пива (им. мн.) Бз.

кобылица Бз.

жѣла иѣт Зал.
 братъя (им. мн.) Бз.
 звѣри (род. ед.) ів.
 пальцѣв. ів.
 на кѣних Бз.
 кѣней ів.
 сеногу(о)ду ів.
 зѣберѣг. Ш.
 у берегу Бз.

Им. прил. и числ.:

времений Нд.
 крѣцкай III.
 жаркай день. Зал.
 круший Вл.
 гладкай Зв.
 толстай В.
 толстая ів. Ям.
 молодъ Бз.
 стбистѣе ів.
 полтора ів.

Мѣстоим.:

никово. Нд. (и въ большей части губ.)
 ничово (почти по всей губ.) но —
 ничево Бз.

Глаголы.:

жечи́ Бз.
 остановитсѧ Бз.
 напилей У.
 подбжиль Бз.
 надаёт ів.
 несетѣ Бз. не продадите ли ів.
 хотите, дадите Ч.
 можно М.

Нарѣчіе:

тѣпло Нд.

глубо́ко гв.

быстро Э., но иногда — быстрó Нд.

холодно Г.

дужб Зал. ¹⁾.

По отношенію къ формамъ въ новгородской губерніи мы встрѣтились слѣдующія особенности, большая часть которыхъ находятся вирочемъ и въ другихъ частяхъ сѣвернаго нарѣчія.

Въ формахъ склоненія имѣнъ существительныхъ самая рѣзкая особенность — это известное смышеніе дательного падежа съ творительнымъ: с дровам, с верёвкам Нд.; лошадьми, людьми, (дат. п.) Э. и. т. п. Это смышеніе общe всей новгородской губ. Рѣже слышится оно на СВ. (кириловскій и бѣлозерскій) уѣздахъ, хотя имѣеть мѣсто и тамъ: спинам(и) Бз. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ губ. такое смышеніе слышится постоянно. Мѣстами суп. дат. п. служить и для дат. и. для твор., мѣстами же суффиксы этихъ падежей взаимно меняются ролями. Непонятно для меня происхожденіе этой особенности, причина возникновенія и существованія ея. Возобладаніе одной формы надъ другими и уподобленіе ей другихъ формъ — явленіе общее, замѣчающееся въ жизни всѣхъ языковъ. Но какъ объяснить то, когда двѣ формы сохраняются въ языке, но смышиваются?

Иное дѣло смышеніе дат. ед. ч. съ родит., имѣющее также мѣсто въ новгородскомъ: к сестры Нд. В.: здѣсь одна форма ассилирована другой: суп. род. употребляется въ дат., но не на оборотъ.

Имена съ суп. и (ък) меняютъ конечное *а* на *о* и склоняются,

¹⁾ Названія городовъ имѣютъ слѣдующія ударенія: Крѣстцы, Боровичи, Устюжна, Черѣповецъ.

какъ имена среднаго рода: батюшка, к батюшку и т. д. Бз. и др. мѣста. Прилагательныя и мѣстоименія, относящіяся къ такимъ существительнымъ, согласуются съ ними не по грамматическому ихъ окончанію, а по смыслу.

Но прилаг. и мѣстоименія, относящіяся къ именамъ муж. р., оканчивающимся на *я*, иногда согласуются съ ними по окончанію: мировая судья Кр., Бх.

Слово день склоняется мѣстами по темѣ на *и*: к завтрашнему дни Бз.

По темѣ на *и* склоняется и слово—олень, употребляемое въ ж. р.: олени (р. п.) и т. д. Бз.

Имена съ суф. *ин-г* имѣютъ въ им. п. мн. ч. окончанія *е* и *а*. Разность окончаний условливается кажется разностью ударений: бояра—бояре Бз.

Слово рожь мѣстами переходитъ въ тему на *а*: ржа Ор. (но ib. и рожь.)

Собирательная форма отъ рожь — ржевá, отъ лён — льневá (сообщ.), или отъ рожь—ржище В., отъ овѣс—овсище ib.

Въ согласномъ склоненіи нѣкоторыя имена съ суф. *мя* въ род. мн. ч. оканчиваются на *ян* вм. *ен* (ен—е): сѣмян Б.

Имена собирательного значенія, оканчивающіяся на *ъя*, имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: зятья, братъя Бз., какъ князья и т. п.

Йоть именительного падежа такихъ формъ удерживается и въ косвенныхъ: князъёй, зятьёй и т. п. Бз.

Слово пиво употребляется и во мн. ч., съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: пивá Бз.

Во мн. ч. употребляются и нѣкоторыя другія имена (въ смыслѣ нарѣчій), которымъ такое употребленіе не усвоено въ литературномъ языке: вмѣстяхъ Рам. вмѣстяхъ Зал. на воляхъ (свободно) Кс.

Въ словѣ Новгородъ склоняются обѣ половины слова: Новагорода и. т. д. Нд. Т.

Нѣкоторыя имена существ. муж. р. употребляются въ жен-

скомъ: эта олень Бз., вреда(ъ) ib., бѣлояровой пынены ib.; ужина готова У. Бз.,

Прилагательные имена въ им. ед. оканчиваются большей частью на *ой*: доброй и т. п. (см. прилагаемые пѣсни и сказки.)

Въ род. ед. неизмѣнно является *ово*: доброво, широково (см. ib.¹⁾).

Во мн. ч. им. п. оканчивается на *ыи*, *ые*, *ие*, при чемъ роды не различаются (см. ib.).

Иногда въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ прилагательныхъ вмѣсто полнаго окончанія ставится краткое: слова кобыла Ен. которо ibid.

Удлиненныхъ формъ прилагательныхъ (на *ою* вм. *ой* и т. п.), которые такъ обычны въ пѣсняхъ и былинахъ, въ живой рѣчи народа, я, какъ и слѣдовало ожидать, не встрѣтилъ²⁾.

Мѣстоименіе *том*—въ косвенныхъ надежахъ мн. ч. имѣть *ы* вм. *и*: тыхъ Т.

Объ въ род. пад. (вероятно и въ прочихъ) представляеть стяженіе звуковъ: обѣхъ Нд., но—обѣихъ Э. Бр.

Вм. притяжательныхъ мѣстоименій его и ея употребляются формы: евоной Нд. ейный Зм.

Въ мѣст. иной—*и* удвоивается: ишой Бз.

Отъ род. пад. мѣстоименій *кто* и *что* образованы уменьшительные формы: никимкбушки. В. ничбушки) Мтв.

иъ, сложное съ который, кой, можетъ быть отдѣляемо отъ нихъ предлогами: иѣ въ коемъ (см. прилагаемые сказки.)

Мѣстами сохраняются старинные формы мѣстоименій лич-

1) Въ иѣкоторыхъ иѣсняхъ, помѣщенныхъ въ Новг. Сборн. встрѣчается въ р. п. прил. и ого и даже аго (нын. IV, с. 92.). Это значитъ лишь то, что пѣсни или записаны, или напечатаны дурно.

2) Въ Выксинскомъ приходѣ Череп. у., какъ видно изъ Новг. Сб. (в. V, 39), употребляется удлиненное окончаніе въ тв. п. ед. ч. и въ дат. мн. въ прилагательныхъ: бѣлыем илаткомъ, сухіем дорогамъ. Судя по примѣру: не приходитцы молодыем робятам по уличѣ шататьцы,—это особенность не пѣсенная. Цитованное мѣсто, замѣчу кстати, чуть ли не единственное во всѣхъ пяти томахъ Новг. Сб., дающее указаніе на особенности говоровъ губерніи.

наго и возвратного: про ся робота Г. (отвѣтъ на угощеніе; смыслъ: о себѣ помнить, себя не забываемъ), тя Бз. Так же форма и въ род.: у тя *ib.*

Въ глагольныхъ формахъ стоять вниманія слѣдующія особенности.

Вспомогательный глаголъ *быть* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. употребляется мѣстами въ формѣ — е Г. Кр. (въ послѣдней мѣстности такое употребленіе уже исчезаетъ.)

Та же форма на значительномъ пространствѣ губ. произносится: есть В. Б. У. (и уѣзды этихъ городовъ.) Это единственный замѣченный мною въ новг. губ. случай слѣда глухаго звука въ окончаніи. Мѣстами конечное *с* этого слова произносится почти какъ я (ä): есть Крц.

Глаголы *поставить* и *дать хранить* мѣстами стариныя формы — ѿси Мтв. Ч. даси Ч. Бз.

Глаголъ одѣсть имѣеть въ повелительномъ наклоненіи форму, образованную отъ удвоенного корня *дед*: одежи Ив.

Въ 3 лицѣ ед. ч. глаголовъ наст. вр. окончаніе всегда *т*, никогда *ть*. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ это окончаніе отбрасывается: идѣ Э. кося Г. ён ба(ет) *ib.*

Въ двухъ мѣстностяхъ слышалъ я форму 3 лица съ окончаніемъ на *та*: идѣта Э. летита Г.¹⁾). Эта форма принадлежитъ къ числу исчезающихъ.

Въ (?) она хранится лишь въ некоторыхъ семьяхъ, да и въ тѣхъ не все члены употребляютъ ее.

Говорящіе идѣта и т. п., не скажутъ идѣть и т. п., но безразлично употреблять: и идѣта и идѣ.

Происхожденіе этой формы не ясно для меня. Безъ сомнѣнія однако она не коренится въ древней фонетикѣ и въ *а* окончанія *та* нельзя, разумѣется, видѣть замѣны древняго глухаго. Вѣроятно, форма эта вызвана стремлениемъ вокализовать окон-

¹⁾ Въ Бронницахъ, къ которымъ отнести эту особенность Даль, ея не оказывается. Впрочемъ Остинъ отъ Бронницъ всего въ двухъ верстахъ.

чаніе. Но если и такъ, то все же остается вопросъ — почему этой цѣлѣ служитъ звукъ *a*?

Глаголы съ окончаніемъ неопр. накл. на *и*, = *г + т (и)*, *к + т (и)*, не отбрасываютъ конечнаго *и*: жечій Бз. толчій ів.

Будущее время употребляется въ сложной формѣ — изъ неопр. н. спрягаемаго глагола и *буду*—вмѣсто формы совершененнаго вида, равной по окончанію настоящему времени: не отвинтить будет Л.

Сложныя формы прошедшаго времени — изъ прош. вр. способомогательного глагола и дѣенричастія прошедшаго спрягаемаго: онъ был ушодци, был вставши и т. п. — постоянно слышатся по всей губерніи.

Въ *словообразованіи* именъ міжъ встрѣтилась лишь одна особенность: употребленіе въ прилагательныхъ суффикса *ик* (и слѣдовательно *ык*) вмѣсто *ин*: знайко Бз. (ср. только Ол. г.).

Въ глаголахъ — словообразовательныхъ особенностей много.

Тема на *и* употребляется иногда вмѣсто темы на *а*: розгонил Бз.,

и вмѣсто темы на *иу*: обманился Ш. распяталися Бз.

Тема на *а* вм. темы на *я*: дыхать Нд.

Вмѣсто той же темы *я* иногда тема *ов-а*: не обидуйся Мтв.

Есть случаи уравненія темы неопр. накл. съ темой наст. вр: розгонил Бз. Сюда же относится, какъ то выше замѣчено, сясть.

Форма — наложаютъ Бз. или указывается на образование неоконч. вида отъ формы совершененнаго или предполагается существованіе, — теперь или прежде — формы ложати.

Въ словѣ — зажгено Зал. — причастная форма прош. вр. образована какъ бы отъ темы настоящаго.

Въ причастіи страдательномъ прош. вр. нѣкоторыхъ глаголовъ вмѣсто суффикса *тз* является *иѣ*: взято Пр.

Встрѣчается изрѣдка безирредложное употребленіе глаголовъ,

въ литературномъ языке слитыхъ съ предлогами: сидим Бз. (= посидим).

Вѣроятно стремлѣніемъ къ уравненію въ звуковомъ отношеніи различныхъ формъ слѣдуетъ объяснить употребленіе *е* вм. *о* въ — ле(о)жись Бз., лежится Ив. Б.

Глаголь — вынуть — я постоянно слышалъ въ правильной формѣ — вынять Бз. (= ложится).

Накоплешія предлоговъ при глаголахъ, столь обычаго въ языке пѣсенъ (вос-про... за-у... и т. п.) въ живой рѣчи народа я конечно нигдѣ не нашелъ. Слышалъ впрочемъ одинъ подходящій сюда примѣръ: исполадъ (устрой) Мтв.¹⁾.

(Относительно *синтаксиса* я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго въ живой рѣчи народа. Кое-что, впрочемъ, можно извлечь относительно народнаго синтаксиса изъ прилагаемыхъ сказокъ: записывая ихъ, я старался сохранить пріемы и обороты рѣчи разскажчика.

Различныя мѣстности Новгородской губерніи (какъ вѣроятно и многихъ другихъ) отличаются одна отъ другой по отношенію

¹⁾ Со стороны словообразованія стоять вниманія многія собственныя имена, названія мѣстностей въ Новгородской губ. Приведу здѣсь некоторые изъ такихъ названій.

Горыни, Воротыни — образованы, кажется, также какъ древнія — рабыни, пустыни и т. п.

Велегощи напоминаетъ: худощи, лѣнощи и т. п.

Часто встрѣчаются сложныя имена древняго образованія: Люболяды, Ладожиръ, Вѣцзеро и т. п.

Имена, сложныя съ предлогомъ *за*, постоянно оканчиваются на *е*: Задужье, Заключенье, Залѣсье, Замостье, Замошье, Заболотье, Заказарье и т. п.

Мѣстныя названія Новгородской губ. интересны впрочемъ не со стороны только языка, но и въ отношеніяхъ топо- и этнографическому.

Имена многихъ селъ и деревень повторяются какъ названія городовъ и сель въ разныхъ краяхъ Россіи: Кіено, Витебско, Большая и Малая Велички, Щуя, Вятцы, Иодолъ, Коростыни (ср. Коростень) и т. п.

Не лишены, конечно, своего значенія и такія имена, какъ Гридино, Смердячъ, Туриново, Тугариново, Заказарье, Ванда — село, Вандица — рѣка и т. п.

къ языку не только со стороны фонетики и формъ, но нерѣдко и особенностями лексическими.

Нѣкоторыя мѣстности имѣютъ свои особенныя слова, не употребляемыя въ другихъ, даже ближайшихъ къ нимъ. Такъ въ П. в. К. у. (если вѣрно сдѣланное мнѣ сообщеніе,—самъ я въ этой волости не былъ) есть слово — *изуффренно*, имѣющее значеніе — превосходно и неизвѣстное въ другихъ пунктахъ того же уѣзда.

Одному и тому же мѣстному слову въ разныхъ уѣздахъ придается иногда различное значеніе. Такъ слово борокъ въ В. значитъ кладбище, а въ Бх. У. у.—бусы, монисты; окрутить—въ Ст. Р. у. значитъ вообще снарядить, а въ Бз. только—повязать голову.

Наконецъ есть и такія мѣстности, въ которыхъ обще-русскія слова употребляются кромѣ прямаго ихъ значенія еще въ особенномъ. Такъ въ Бр. я слышалъ выраженіе — лошадь *прошла* — въ смыслѣ: лошадь пала, околѣла. Въ Г. говорять привелъ вм. привезть и обратно (батюшка, говорить мужикъ священнику, отслужи панихиду: я мертвѣца *привелъ*). Въ Ям. я слышалъ слово — *нѣсколько* въ значеніи очень много; въ В. и Нд. слово *преданіе* въ смыслѣ вещественныхъ остатковъ старинны.

Мѣста, близкія къ Ильменю, хранятъ много старинныхъ словъ. Въ Г. я слышалъ въ живомъ употребленіи слова: пѣстовать, челядь, довлѣть.

Особенныхъ мѣстныхъ словъ у меня, за время перѣездовъ по Новгородской губ., накопилось много; по провѣрка записанного по словарю Даля значительно уменьшила число ихъ¹⁾.

Въ нижеприведенномъ спискѣ особенныхъ словъ Новг. губ. я удержалъ однако не тѣ только слова, которыхъ у Даля не оказалось (такихъ очень немногого), и не тѣ только, которыя я слышалъ не въ томъ значеніи, какое имъ придано у него; но и тѣ,

¹⁾ Провѣрка эта вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не показать мнѣ ясно, какой важный трудъ имѣемъ мы въ словарѣ Даля и какого довѣрія этотъ словарь заслуживаетъ.

мѣсто употребленія которыхъ у него не обозначено; равно, на конецъ, и тѣ, которые отмѣчены имъ, какъ употребляющіяся только на востокѣ, или югѣ, или западѣ.

Въ синекѣ этомъ только часть такихъ словъ, которыхъ я слышалъ самъ въ живомъ употреблениі; многія слова внесены въ него на основаніи сдѣланныхъ мнѣ различными лицами сообщеній. Лексиконъ — это единственная сторона языка, по части которой мнѣ были полезны мѣстные жители.

Слова, сообщенные мнѣ даннымъ лицемъ, я старался привѣрить — или на мѣстѣ употребленія ихъ, или черезъ распросы другихъ лицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда проверка не могла быть сдѣлана, я при словѣ ставлю сокращенное обозначеніе фамиліи лица, отъ которого его слышалъ¹⁾; или — когда указаніе на лицо было бы бесполезно — отмѣчу (сбщ), т. е. сообщено.

Изъ лицъ, дѣлавшихъ мнѣ сообщенія, я нужнымъ считаю упомянуть здѣсь съ признакомъностью — протоіереевъ: Богословскаго²⁾ и Полетаева, Н. Ал. Дубинина (валдайскій купецъ, членъ новг. статист. комитета и Императорскаго Минералогическаго Общества) и Ф. Ф. Нардалоцкаго (бывшаго штатнаго смотрителя валдайскаго уѣзданаго училища)

Послѣдній обязательно передавалъ мнѣ цѣлую тетрадь, заключавшую собраніе мѣстныхъ боровицкихъ словъ. Словъ въ этомъ сборникеѣ было до сотни. При проверкѣ ихъ Словаремъ Даля оказалось однако нужнымъ удержать изъ нихъ не болѣе 10 — 15. Ниже они помѣщаются съ отмѣткою (Пр.).

¹⁾ (Б.) значитъ Богословскій.

(Н.л.) » Полетаевъ.

(Д.) » Дубининъ.

(Пр.) » Нардалоцкій.

²⁾ Секретарь новг. статист. комитета, редакторъ Новг. Сборн. Его съѣтами послѣдовала въ общемъ направлении своего пути по Новгородской губерніи

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СЛОВА, СОБРАННЫЯ М. А. КОЛОСОВЫМЪ ВЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В.

Баско — хорошо Бз.

Батулька — сказка, прибаутка Зм.

Бахилы — родъ калошъ, мужскихъ башмаковъ съ красною по верху оторочкою Брв.

Богомолье — говоръ Бз.

Божка — нянька П. в. (сбщ.).

Борина — отмель на рѣкѣ С.

Бреда — кора ракиты В.

Борок — 1) кладбище В., 2) бусы, манисты Бх. (сбщ.).

Брусинуть — отбивать головки льна В. у. (Д.).

В.

Вар — 1) смола для смазки колесь, 2) горячая вода, но не всякая, а именно та, которая употребляется при печеніи баранокъ. В. (Д.).

Вѣльги — покосъ на болотистомъ мѣстѣ У. у. (сбщ.).

Верещага — яичница — глазунья Н. у. В. у. Д. у.

Веснуха — весенняя лихорадка Г.

Вехоть — мочало для мытья половъ К.

Витчина — вѣтвь (Б.) Н. у.

Водолив = коренной Бз.

Выть (муха воѣт) Є.

Выскать (или Выскадь?) — стиняное дерево В. Бх.

Вѣстимо^у (уму ие —) Бз.

Вякать (кошка вячит) Є.

Г.

Глажі — морошка Брв.

Глушить рыбу Бз.

Глыза и глызка — груда, комъ земли Г. Рам.

Глызобойка — молотъ, которымъ разбиваютъ глызы Рам.
 Голубица } родъ черники Бри.
 Гоноболь }

Д.

Деряба — вздорливый, сварливый Брв. (Пр.).
 Долонись — третьяго года Ч. у.
 Дубом — вертикально Крц.
 Дянки см. у Даля дѣянки Брв. Ст. р.

Ж.

Живушник — срубъ, служащій садкомъ для рыбы Ям.
 Жито — ячмень В. у. Б. у.

З.

Заберёг — прибрежная вода по льду III.
 Забирщик — торговецъ, закупщикъ товару на мѣстѣ производства В. (Д.).
 Закутать — запереть Бх. Ч. у. К. завертывать Брв. (Пр.).
 Заплав см. у Даля залывъ Нд.
 Затопи — лодки, съѣдующія за тонями Зв.
 Зимарь — самый холодный вѣтеръ К.
 Зпимать — унимать Брв. (Пр.).
 Злойко — злойно Бз.

И.

Изневѣсть — печально В.
 Изуфреини — превосходно И. в. (сбщ.).
 Истёханный В. } см. у Д. истоконный.
 Истёхонный В. }

Источница — источникъ, ключъ В.

К.

Кавы — столбики, къ которымъ привязываются лодки Нд.
 Калика — брюква Бх.
 Кэрзин — подполье В. у. (Д.).
 Кастить — пачкать, марать Бз.

Кеп } цѣпъ Г.
Кенец }

? Кера — липкій, мокрый снѣгъ Бз. (сбщ.).

Кержанки (ложки —) — кленовыя ложки Бз.

Кій — большой деревянный молотъ Г. (П.).

Кіюра — молотокъ меньшаго размѣра (глызобойка) Г.

Клеч — родъ коромысла К. (сбщ.).

Кляч — обрубокъ дерева Кр.

Кѣкила — крюкъ, поддерживающій потокъ (желобъ) Брв. (Пр.).

Колобъ — 1) непомазанная творогомъ ватрушка В., 2) выбойки

изъ масла, — разведенныя въ водѣ служать пойломъ для скота Бх.

Кокора — дерево съ корнемъ клюкою, съ колѣномъ (Даль) Бз.

Кокорка — ватрушка П.

Кошушиник = забирщик В. (Д.).

Корѣжить — мять, ломать Э.

Костолон — сарафанъ съ косыми клиньями Бз. (сбщ.).

Кореннай — работникъ на судахъ, тоже что водолив — отливающій воду Бз.

Красная доска (у барки) Брв. см. у Даля.

Крылошане — духовенство Брв. Кр.

Кружалка — ватрушка Ив. Б.

Крянуться — тронуться, двинуться В.

Кувалда — большой желѣзный молотъ Г.

Кукка — пирожокъ изъ ржаной муки П.

Куриш — индюкъ У.¹⁾.

Л.

Ладиться — собираться, памѣреваться Э.

Лекало — форма для литья колоколовъ В.

Лисица — исподняя жердь въ повозкѣ.

¹⁾ Мальчики, гоняясь за индюкомъ, поютъ:

Куриш, Куриш не богат,

Нѣту каменныхъ палат,

Курица богаче.

Листопадина — осенняя лихорадка Г.

Ловец — рыбак Г.

Ложной дождь — проливной Грв.

Лучить рыбу см. у Даля. Пр.

Любовать — рассматривать В.

М.

Малёнка — мѣра К.

Малехтенный В. }
Малехотѣнныи Грв. } очень маленький.

Миляш — любовникъ Грв. (Пр.), К.

Могилёк — кошелекъ Бз. ¹⁾.

Морёные уголья — затушеванные, а не залитые В. (Д.).

Мурать — дразнить Ив. Б. К.

Мутникъ — родъ невода Бз.

? Мыргас — самый мелкій дождь Ч. (сбщ.).

Мыт — поносъ Н. у.

Мягкая погода — дождливая погода Кор.

Мямлина — слабый лѣсь на болотистомъ мѣстѣ Грв.

Н.

Налить ягодъ корзину — наполнить ее ими Г.

Напольно, напольное мѣсто — ровное, безлѣсное Э.

Небесный цвѣт — синій, голубой Зв.

Небозжики во рту не было — ни крошки Грв. (сбщ.).

Независтный — незавидный Зал.

Некореный лѣс — неочищенный отъ коры К. в. (сообщ.).

Никим коушки — ровно никого В. ²⁾.

О.

Обжарка — личница съ запеченымъ хлѣбомъ Бз.

Обиходовать — умѣть управляться съ чѣмъ Грв. (Пр.).

¹⁾ Это слово почти вышло изъ употребленія; можно его слышать только отъ нѣкоторыхъ старухъ.

²⁾ Въ Бз.: никим ково

- Обогнуться — укрыться одѣяломъ У. у. Ч. у.
 Оководничать: что тебѣ не молчится? Зачала оководничать. Бз.
 Окобрить } замерзнуть: руки окоркли В. (сбщ.).
 Окоркнуть }
 Окорить лѣсь — очистить отъ коры К. в. (сбщ.).
 Опакиш. См. у Даля. Нд.
 Остречёк — мелкая рыба изъ породы окуня Зв.
 ? Опоряк — понять Г. (П.).
 Остатній — послѣдній З. Mr.
 Отурить барку Брв. см. у Даля.
 Обрядиться — убраться съ домашней работой Брв. (Пр.).
 Обузовать — обуздать Брв. (Пр.).

II.

- Павозки — мелкія суда Брв.
 Папошник — бѣлый хлѣбъ Брв.
 Погоня — рыбацкія лодки, слѣдующія для лова за уносимымъ теченіемъ льдомъ Бз.
 Погонялка — кнутъ Бз.
 Подсѣки — вырубленный лѣсь У. у. (сбщ.).
 Полулодка — родъ судна Нд.
 Помахивать — походить Г.
 Порсок — мѣсто въ печи, куда загребаютъ уголья В. (Д.).
 Посад — свадебный столъ (передъ вѣнцомъ), за которымъ никто ничего не ёсть Бз.
 Правиться — оправдываться Бз.
 Праздникое — село, гдѣ храмовой праздникъ и самый день праздника Н. у.
 Прибатуривать — говорить побасенки, присказки З.
 Прибатурочка — присказка Бз.
 Привоза — рукоять цѣна Г.
 Присиживать вамъ! привѣтствіе сидящимъ Г.
 Притка б тя взяла! В. (Д.).
 Пришва — родъ пресса для капусты В. (Д.).

Пута см. у Даля — путье Г.

Прѣиуника — ватрушка Ив.

Р.

Разить — тащить: рази́ть-разиль бревно не въ моготу стало.

Брв. (Пр.). — (Не рубить ли?)

Райда — ива. П. в. (сбщ.).

Рёкать (о свиньѣ) Бз. (сбщ.).

Рель — поемный лугъ Нд.

Рёлка — съюкосъ В. (Д.).

Ржева — собирательное отъ рожъ Н. у. (Б.).

Ржинце — поле, застывшее рожью Г. (П.).

Рог, Рожок — отлогій мысъ В.

Рогулька — ватрушка Ив.

Роднѣть — причитаться къ кому въ родство: онъ къ тебѣ дюже близко роднѣть Брв. (Пр.).

Ростуриться — собраться съ средствами Брв. (сбщ.).

Рудовый лѣс — крѣпкій, красный лѣсъ, противоп. мямлинѣ Брв.

Руси см. у Даля. К. Бз.

Рыбак — продавецъ рыбы Г.

Рюхи см. у Даля. Нд.

С.

Самохотка — дѣвушка, спознавшаяся съ парнемъ до вѣнца Ив.

Стибии — поклоны во время стоянья Маріи Египетской К. (сбщ.).

Сдобляться — собираться К. Бз.

Сильно — хорошо Ив. (сбщ.).

Слав см. у Даля. В. Брв.

Слютить — соскучить. Н. у. (мѣстами). В. у. (Д.).

Слебовать — лакомиться, пользоваться великаго рода удовольствіями: были отъ отца оставшиись деньжонки, да всѣ прослебовали. Брв. (Пр.).

Смыкать платье — износить В.

Солотине — болотина — тонкое мѣсто Брв. (Пр.).

Сопка — горка Н. у. Д. у. В. у.

Сопилка — нижеколѣнная часть ноги. Г.

Сороковать — толковать, разговаривать Брв. (Пр.).

Спорынъ — прибыль, избытокъ: «Спорынъ въ тѣстѣ!» — привѣтствіе приготовляющимъ тѣсто. Отвѣтъ: «сто рублей въ мошню!» или — «здоровье въ голову!». Брв. (Пр.).

Спрошенница — певѣста Бз.

Спытаи — узнай Mr.

Стбистѣе — крѣпче, прочиѣе Бз.

Стойщик — содержатель станціи У. Ч.

Столѣчник см. у Даля. Брв. (Пр.).

Столечница см. у Даля. Брв. (Пр.).

Степенный житель — кореннай, не пришлый П.

Стырь — колъ, вбиваемый въ кадку съ капустой Брв. (сбщ.).

Сука — поплавокъ при якорѣ Гр.

Сульчина — ржаной блинъ, намазанный молочнай кашей съ коровьимъ масломъ и свернутый колбасой В. у.

Супротивный пирог — блинчатый пирогъ Ив.

Сумачей — разнощикъ В. (Д.).

Сучья — вырубленный лѣсъ. Сомино Ч. у. (сбщ.).

Сухмень — мѣста — въ рѣкѣ или въ озерѣ — поросшія деревою (глубиной нѣсколько аршинъ) Бх.

Сыпуха см. у Даля Нд.

Сяза см. у Даля шугъ. Бз.

Т.

Тайбола — лѣсь К. в. (сбщ.).

Талое мясо — мягкое, пѣжкое И. у. (Б.).

Трунье — тряпотье — ветоши Бз.

Тягуинка — обрубокъ дерева въ формѣ бутылки съ прорѣзомъ на одной изъ широкихъ сторонахъ. Тягушкой тянуть паромный канатъ, на который она накладывается прорѣзомъ.

Ш. ¹⁾

¹⁾ У Даля тягушки — теплые рукавицы. Въ такомъ значеніи этого слова я не слыхалъ.

У.

Уключины см. у Даля. В.

Улямить } замарать что въ грязь Брв. (Пр.).
Улюхать }

Умоскотать — уторговать Брв. (Пр.).

Уижак см. у Даля унженка. Бз.

Унакать — 1) угодить: на него не упакаешь Д., 2) посыть: до дождика упакали Бх.

Упетлять — опутать, обвязать Рк.

Утильный — крошечный Брв. (сбщ.).

Ф.

Фаты см. у Даля. К. Бз.

Х.

Хворост — зажаренные на масль завитки тѣста, пряженцы Ив.
Б. ¹⁾).

Хананыга } праздношатающійся Брв. (Пр.).
Хандрыга }

Хвостать — бить кнутомъ, прутомъ Бз.

Хлыщик — кнутъ Бз.

Ходовая вода — текучая Бз.

Ч.

Чардак — 1) этажъ Бз. 2) щели на льду Бѣлаго озера Бз. ²⁾.

Чвелочка — щелочка Ив. Б. ³⁾.

Чернолѣсье — лиственный лѣсъ Н. У. (Б.).

Череп (у барки) см. у Даля Брв.

Числяне — гости на свадьбѣ Брв. (сбщ.).

¹⁾ Иль и. роги (сбщ.).

²⁾ Ежегодно зимою на этомъ озерѣ съ трескомъ и гуломъ ледъ мѣстами раскалывается. Кажется, чардакомъ называются не только образующійся послѣ того щели, трещина, но и промя ихъ образования и процессъ его. Говорятъ: чардакъ пропалъ. И не могъ определенно выяснить себѣ то понятіе, которое у мѣстныхъ жителей соединяется съ этимъ словомъ.

³⁾ Слышалаъ только разъ.

Чиверить, чиврить — имѣть на тѣлѣ много струпьевъ Бrv.
(Пр.)¹⁾.

III.

Шабалá — голова гагары П. в. (сообщ.).

Шамга — толпа дѣтей Brv. (Пр.).

Шáвань — толна дѣтей; бранное слово Brv. (Пр.).

Шавитъ — бредить П. в. (сбщ.).

Шанóра — мелкая гагара П. в. (сбщ.).

Я.

Яровище — поле, засѣянное овсомъ Г. (П.).

Къ этимъ новгородскимъ словамъ присоединяю еще три слышанныя мною въ другихъ мѣстностяхъ: Биржевой поѣздъ — курьерскій, скорый. Царское Село (отъ кондуктора). Конка — конно-желѣзная дорога. Петербургъ. Пролёт — перегонъ поѣзда отъ станціи до станціи. Въ вагонѣ Минск.-Брестск. жел. дор.

2. Олонецкая губернія.

1.

Почти всѣ нижеприводимыя данныя языка Олонецкой губерніи сводятся къ немногимъ пунктамъ Каргопольского (по преимуществу) и Вытегорского (частію) уѣздовъ, именно къ слѣдующимъ:

Каргопольского уѣзда:

Каргополь

Есипо.

Игнатьевская.

Лекима.

Онимарино.

Шалга.

Шмаково.

Вытегорского уезда:

Вознесенский посадъ.

Береговая.

Кузнецкая.

Чуриловский посадъ.

Главною цѣлью моей поѣздки въ Олонецкую губернію было городъ Каргополь. На него было указано мнѣ Вторымъ Отдѣлениемъ, какъ на «пунктъ, богатый остатками народной старины въ преданіяхъ и языкахъ». Имѣя въ виду это указаніе, я оставался въ Каргополѣ довольно продолжительное время (съ 31 августа по 16 сентября).

Пребываніе мое въ Каргополѣ было не безплодно. Кромѣ отмѣтокъ по языку, сдѣланныхъ мною на основаніи обыденной живой рѣчи народа, мнѣ удалось собрать достаточно материала по части народной поэзіи. Значительная доля низкеприводимыхъ чертъ народнаго языка извлекается изъ записанныхъ мною въ Каргополѣ сказокъ. Приводимыми данными я не исчерпываю всего того, что даетъ прилагаемый материалъ. Ограничиваюсь немногими примѣрами.

Изъ того, что я могъ замѣтить и что сообщаю здѣсь, видно, что въ языкахъ Каргополя и его уѣзда немного такихъ чертъ, которыя можно считать важными остатками старины. Я не ошибусь даже, сказавъ, что въ некоторыхъ мѣстностяхъ новгородской губерніи народный языкъ несетъ на себѣ отпечатокъ большей древности.

Въ названныхъ выше пунктахъ вытегорского уѣзда я былъ только мимоѣздомъ (по дорогѣ изъ Бѣлозерска въ Каргополь и изъ Каргополя въ Вытегру и Вознесенскій посадъ). На сколько могъ замѣтить, въ говорѣ этого уѣзда сказываются тѣ же черты, что и въ каргопольскомъ.

Весьма вероятно, что долгіе и упорные поиски по олонецкой губерніи могли бы прибавить къ тѣмъ чертамъ языка ся, которыя намъ извѣстны, еще некоторые, и—быть можетъ—интересные. Но обѣ языки этого края и теперь — благодаря сборни-

камъ Барсова, Гильфердинга и Рыбникова, — мы знаемъ больше, чѣмъ о языке какой либо другой мѣстности Россіи. Думая поэтому, что благоразумно будетъ сохранить время для наблюденій въ другихъ краяхъ области сѣверного нарѣчія, намъ менѣе извѣстныхъ, я, исполнивъ, на сколько могъ, порученіе Отдѣленія относительно Каргополя, сѣбѣшиль оставить Олонецкую губернію.

Переходъ *a* въ *e* замѣчается: окоянной и т. п., но рѣдко.

Обратного явленія вовсе не встрѣтилось мнѣ. На возможность его (конечно, какъ явленія спорадического) указываютъ случаи смѣны *e* на *я*: чаѧ-(e)-м (см. прилагаемые пѣсни), кучяр (сказка № 6, но *ib.* и кучер), головяшка. (Шалга).

Не знаю, слѣдуетъ ли отнести сюда такие случаи, какъ — злодайка, видяли.

Имянной, стремяно, — конечно, сюда не относятся: въ нихъ я фактъ позднѣйшаго словообразованія, фактъ неправильной народной этимологіи.

Не предполагаетъ *e* и то *я*, которое является въ словахъ — камячу (стѣну —), пѣтлями (с тремій —): весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что *я* въ нихъ есть непосредственная эамѣна *a*.

И въ *e* не переходитъ рѣдко: девизія, некак нѣт, чье-(и), к невѣстену. Такихъ случаевъ, какъ — пер (= пир) и под., находящихся въ Онежскихъ былинахъ¹⁾, мнѣ не встрѣтилось вовсе.

Формы — ходѣ(с)ли, говорѣ(с)ли (Вознесенскій посадъ и Карг. у.), — быть можетъ, фактъ фонетики, а быть можетъ — и словообразованія.

Чаще слышится *и* вместо *e*: знает, скушает, с рибятами. И

¹⁾ Материалы для характеристики сѣверно-великорусского или окающаго нарѣчія. Стр. 10 — 11.

такихъ случаевъ, вирочемъ, немногого. Гласные звуки въ олонецкихъ говорахъ, какъ и въ новгородскихъ (и какъ-вѣроятно— вообще въ сѣверномъ нарѣчіи), являются довольно устойчивыми.

И вм. *и* встречается, но лишь спорадически; рѣдко въ корняхъ, чаще въ тематическомъ *и* глаголовъ: одіяло, одиться, діется, ричь, не смію, свигает, дитей, линив, облестить и т. н.

Е въ ё переходитъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ новгородской губ.: ёво, колёдовщик, царёвна (Чур. и.), денёжка, шёлк, утиральницѣк, платьё; калёну стрѣлу; будёш, настигаёт, ступаёт, накладывает и т. н.

Къ словамъ съ коренными ё вм. *e*, означенными въ § отчетѣ, можно добавить: тёсак, нёбо.

Случай смыны *о* на *у* я слышала въ одномъ только мѣстѣ (Лекима), отъ одного только лица и въ одномъ только словѣ: нудї (пойди), пудь (пойдь, подь).

Ой, *ей* вм. *ый*, *ий* являются постоянно, хотя и не всегда; *о*, *е* звучать въ этихъ формахъ отчетливо.

На мѣстѣ древняго глухаго *и* слышится изрѣдка (въ Шалгѣ) гласный чистый тамъ, гдѣ обыкновенно слѣдъ этого *и* замѣчается лишь на мягкости предъидущаго ему согласнаго звука: между лошадеми (между лошадьми), рѣдеки (рѣдьки).

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ *e* произносится ясно, во второмъ оно едва слышимо, являясь краткимъ, какъ бы глухимъ звукомъ. Лицо, употребившее (дважды) форму — рѣдеки, при переспросѣ сказали уже рѣдьки.

Очень важна и интересна эта звуковая форма, напоминающая пѣкоторые давнины сборника Гильфердинга, но ишо не подходящая подъ то объясненіе, которое можно приложить къ этимъ послѣднимъ¹⁾.

Къ сожалѣнію, она стоитъ для меня одиночнымъ фактомъ.

1) Материалъ и пр. стр. 18—19.

Удерживаюсь пока отъ всякихъ заключеній о ней. Считаю однако возможнымъ, что аналогичные съ даннымъ случаи еще встрѣтятся мѣрѣ гдѣ либо въ области съвернаго нарѣчія.

Измѣненіе *a* (я) въ *e*, — явленіе такъ называемаго нереглазованія, — встрѣчается очень часто. Въ замѣченныхъ мною примѣрахъ оно совершилось послѣ звуковъ:

и: осто(я)ться (Шалга), единъ едно(и), єдне(и) Чур. пос.)

и: повѣнце(я)лись (Шалга, но *ib.*: повѣнцили), запечелитсе *ib.*

з: зеть (зять), взе(я)ли *ib.*

и: исполнеть (— ять), минеть, понеть *ib.* едне(и) Чур. пос.

p: гре(я)зы *ib.*

л: легем (лягем, ляжем) Чур. пос.

m: перекресте(я)сь, натегивает *ib.*

и: чешша Чур. пос.

Придыхательными звуками при гласныхъ являются и *ө*: выонинъ; и *ү*: Егорыгій.

Слѣдъ древнаго смягченія гортанныхъ замѣтиль я лишь въ одномъ словѣ: лузя.

Въ спряженіи глаголовъ, тема которыхъ (= корню) оканчивается на *и*, звукъ этотъ остается въ 3 л. ед. ч. несмягченнымъ: стерегет.

Обратное явленіе — смягченіе *и* тамъ, гдѣ его не должно бытъ, въ глаголахъ этой категоріи: могут, — не относится, я думаю, къ области фонетики: ж въ этомъ случаѣ вызывается, вѣроятно, аналогіей съ другими лицами: можеш и пр.

Конечное *и* мѣстами (Шалга) звучить почти какъ *к*: рок(г) Конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь.

Ч есть *и* никогда не слыхать *и*; но обратное явленіе, за исключениемъ г. Киргополя, слышится во всѣхъ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ: (калац(ч)а).

Ц — мягко (хотя и не всегда — см. приложенія), но не въ такой степени, какъ мѣстами въ новгородской губ. Тамъ мягкость *и* приближаетъ его къ *ч*, здѣсь оно отчетливо слышно. Кажется, оно въ олонецкой губ. на пути къ отвердѣнію. Сочетаніе *иц* слы-

шится очень рѣдко: починить (Шалга), купци (ib.), но—сестрицы, пьяницы и т. п. (ib.); *и*, *иу* встречаются гораздо чаще: дворцю (Чур. пос.), лица, дѣвица, кунцю и т. п. (Шалга). Сочетанія *иу* не слыхаль я, по *иа* встречается изрѣдка: колаца (ib.), сейчас (Кузнец). *И* передъ согласными и въ концѣ словъ иногда мягко, иногда твердо: собацька, клиц.

С передъ суффиксомъ прилагательныхъ *ск* (ъск) мягко: русской, но на звукахъ *н* и *р*, предшествующихъ этому суффиксу, слѣдъ древняго *ъ* уже ничѣмъ не сказывается: царской, девицкой: *н* и *р* — тверды.

Случаевъ смѣшанія согласныхъ звуковъ въ олонецкой губ. много¹⁾.

Изъ замѣченыхъ мною упомяну о слѣдующихъ:

ф вм. *х*: куфарка (Берегов.).

д вм. *т*: д(т)ак.

к вм. *в* (только въ словѣ): кук(в)шинъ.

р вм. *в* (только въ словахъ): скр(в)озь р(в)и(ѣ)ки.

Твердость нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ вмѣсто обычной ихъ мягкости и наоборотъ, такъ нерѣдко встречающаяся въ новгородской губ., замѣчается и здѣсь: нижной (нижній), больнѣй (больной); во снях (во снах); сгоря(а)ет; первыи; шкатулька. Карг., Шалга.

Выпаденіе согласныхъ звуковъ замѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ:

н отпадаетъ передъ *т* въ началѣ слова: (н)таника, (н)таница; *б* выпадаетъ передъ *м*: о(б)мануль;

т — передъ *н*, *с*, *д* и *и*: о(т)пусти, о(т)стегнул, о(т)дай, сгло(т)нул (и передъ *и* глагольного слога *иу* остается: остеинул, роздиниули).

Конечное *т*, слѣдующее за *с*, опускается, какъ и въ новгородской губ. мѣстами: кос(т)ь, цес(т)ь.

Форма — оче вм. отче — представляетъ, я думаю, не просто

¹⁾ Материалъ и пр. Стр. 29 — 83.

вышаденіе *m*, а указываетъ на мягкость его въ этомъ словѣ (отъче), въ силу которой оно ассимилировалось съ *u*¹).

Постановка удареній въ Каргопольскомъ краѣ представляетъ иѣкоторыя особенности. Привожу рядъ примѣровъ.

а) Существительные имена:

улица. Каргоц.
дѣвбчка іб.
шахматнїца Шалга
чаща Чур. пос.
с треми пѣтлями
изъ двери въ двери
карандыш іб. и Чур. пос.
дроба Карг.
туловѣ
с берега
сокола (род. п.)
змѣя (род. п.) Игнаши. дер.
сахаромъ. Карг. (въ пѣснѣ).

б) Прилагательные имена:

пѣній
усталой
колькой час. Карг.
хорбина
другое слово

¹) О другихъ, здѣсь не упоминаемыхъ, явленіяхъ, въ области какъ согласныхъ, такъ и гласныхъ звуковъ, легко составить понятіе по прилагаемымъ даннымъ народнаго творчества.

éдин еди́во
éднево Чур. пос.

в) Глаголы:

пойдетé Карг.
выдаи(ё)м ib. (въ пѣснѣ)
ъдите
явите́сь
излови́ш
з ви́л
сикци.

г) Неизмѣняемые части рѣчи:

заутра
бпасно Карг.

Въ формахъ особенностей немного. Можно отметить слѣдующія.

Въ именахъ на *a* въ дат. и. ед. числа употребляется форма родительного: к воеводы, но и — к воеводѣ.

Въ твор. мн. числа сущ. ж. р. вмѣсто окончанія *ами* иногда *ми*: налицми.

Случаевъ смѣненія дат. мн. чис. съ творительнымъ мѣ не встрѣтилось.

Нѣкоторыя имена темы на *и* и согласной темы склоняются по темѣ на *a*: в грязѣ, в байнѣ, во ржѣ; стремяна (род. п.).

Йоть именительного падежа собирательныхъ на *ъя* сохраняетъ во всѣхъ падежахъ коcвенныхыхъ, не исключая родительного: братъей.

Удлиненныхъ формъ прилагательныхъ именъ, такъ часто встрѣчающихся въ былинахъ, въ обыденной рѣчи народа не встрѣчается.

Въ измѣненіи мѣстоименій личнаго 3 лица женс. рода замѣ-

чается употреблениe формы дат. п. вмѣсто винительного и твор. вм. родит.: схватил ей, вывел ей, но — увидал ее; за бѣлые руки ее взял, в сахарны уста цѣловал ей; снял с нею шеи..

Послѣдняя форма для меня непонятна; что касается до *ей* вм. *ее*, то, кажется, здѣсь фонетическое, а не формальное явленіе.

На ряду съ формами *ее* и *ей* употребляется мѣстами въ Каргопольскомъ уѣздѣ и древняя форма *ю*¹⁾.

Особенности словообразованія сводятся къ слѣдующимъ немногимъ чертамъ.

Нѣкоторыя имена употребляются въ первообразной, или относительно первообразной формѣ, сравнительно съ формами общеупотребительными:

пяла — пяльцы,
крѣпь — крѣпость.
тулова — туловища,
лягуха — лягушка,
улка — улица.

Сравнительная степень прилагательныхъ изрѣдка встрѣчается съ окончаніемъ на *яе*: поскоряе.

Въ глаголахъ замѣчается нерѣдко измѣненіе темы:

ть на *нү*: виснит — висит;
и на *ть*: ходѣли, говорѣли²⁾;
и на *а*: увидаси — увидини;
и на *ов* — *а*: запечаливался — запечалился.

¹⁾ Сообщаю это со словъ нижеупоминаемаго дважды протоіерея Попова, лица, стбящаго цолнаго донѣрія. Самъ я формы *ю* въ живой рѣчи ни разу не слышалъ. По увѣренію того же г. Попова, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каргопольского уѣзда есть и другой замѣчательный архаизмъ: форма *да(с)т* употребляется въ значеніи наст. времени.

²⁾ Ср. сказанное объ этихъ формахъ выше.

а на и: погонилися — погналися, постуд(ч)ился — постучался¹).

Образование формъ — заблудивши, ходивши вм. заблудивши, ходивши — для меня не ясно: въ неопр. наклоненій глаголовъ, отъ которыхъ произведены эти формы, сохраняется *и*: заблудить, ходить.

Для выражения повторяемости и многократности дѣйствія или возвышается коренней гласный звукъ: я не бирал (Игнаш. дер.); или тема глаголовъ, оканчивающаяся на гласный звукъ, расширяется слогомъ *ев*: не продаевали. (Чурил. нос.²).

Вместо *чи* встречается въ неопр. накл. болѣе древняя форма на *ци* (*чи*), при чёмъ однако не органически возстановляется коренней гортаанный звукъ: сикци.

Нарѣчіе хорошо, хорошенько, слышать я (между Вознесенскимъ посадомъ и Вытегрой) въ формѣ — хорошено.

Мѣстный синтаксисъ представляетъ нѣсколько стоящихъ вниманія особенностей.

Въ живой рѣчи Каргопольцевъ очень часто можно слышать оборотъ рѣчи, въ которомъ сказуемое вмѣсто дѣйствительного залога ставится въ страдательномъ: доученось до тово, что... вм. (мы, вы, они) доучились до тово, что....

У нас потруженось было вм. мы потрудились.

Изъ прилагаемаго материала можно по части синтаксиса извлечь слѣдующія данные.

При неопр. накл. глаголовъ существ. женск. рода ставится, какъ и въ новгородскихъ говорахъ, въ формѣ именительного пад. вм. винит.:

Нужно взять негодная скотина кос(т)ъ...

¹) Употребленіемъ выше выраженнымъ — изменение глагольной темы я не хочу сказать, что приподнятыя формы предполагаютъ общеупотребительныи: они могли существовать исконо наряду съ послѣдними.

²) Ср. ст. этиимъ аналогичные примѣры, представляемые Онеж. был. Г—га.

Не нужна солдата служба исполненная, а нужна солдата жена в замуж взять.

Часто дѣспричастіе замыняетъ въ сказуемомъ глагольную форму прош. вр. на *лѣ*:

...и павши лебедь в камыш траву... Царь уѣхал и заложивши он свое зало...

Церез трои сутки родивши она сына... Павши Михайло царевич въ колодезь, у нево приросли руки...

Там дѣцкіе игрушки на столѣ стоявши...

Царь Канрик пришедшіи въ преклонныя лѣта¹⁾...

Управлениѣ нѣкоторыхъ глаголовъ и предлоговъ разнится отъ общеупотребительного.

Глаголъ *стоять* употребляется (въ Каргополѣ) въ значеніи дѣйствительнаго въ выраженіи — стоять станцію, т. е. держать станцію²⁾.

При глаголѣ *жертвовать* ставится винит. пад.:

Царь их жертвовал.

При глаголѣ *показать* — родительный вм. вин.:

Покажи своеї молодой.

Выучить не чему, а *во что*

Выучил ево в полную грамоту.

Вм. дательного — винительный при предлогѣ *по* въ выраженіи: по усы текло.

Предлогъ *на* замѣненъ *въ* въ выраженіи: снесли въ рынок.

Межу требуетъ иногда продолжнаго вм. родит.:

Межу трех верстах они разѣхались.

Мимо и *вмѣсть* постоянно требуютъ винит. пад.:

Ходит мимо лѣтней сад царской. Возлѣ дорогу...

¹⁾ Приведенные примеры относятся къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ. Въ живой рѣчи этой особенности я однако ни разу не встрѣтилъ.

²⁾ Содержатель станціи — *стойник*, какъ и въ новгородской губерніи.

Значительная доля заключающихся въ прилагаемомъ спискѣ мѣстныхъ словъ сообщена мірѣ смотрителемъ Каргопольскаго духовнаго училища протоіереемъ Александромъ Ивановичемъ Поновыимъ. Живое участіе принятое этимъ почтеннymъ лицемъ въ моемъ дѣлѣ вызываетъ меня на заявление ему здѣсь искренней моей признательности.

Слова, мѣсто употребленія которыхъ не обозначено, относятся къ г. Каргополю, или Каргопольскому уѣзду¹).

В.

Бабье ухо — уродливый грибъ.

Болѣмога — по силѣ — возможности.

Буево — не только пустырь (какъ у Даля), но и площадь.

Буйлб — бревна, сдерживающія движенія пловучаго моста.

Бычек — корзина съ двумя ушками.

В.

Винокосина — притча, случай.

Вираж — остатокъ отъ пола.

Виранда — лгунъ.

Вырядить (изъ сѣдла) — выбить (изъ сѣдла).

Д.

Дождить — идти дождю.

Докука — потребность.

Ж.

Жаратка — см. у Даля: жаратокъ.

¹) Всѣ изложенія въ текстѣ отчета примѣры особенностей языка, не сопровождающіеся отмѣткой о мѣстѣ употребленія ихъ, заимствованы изъ прилагаемыхъ данныхъ народной поэзіи.

3.

Запомшиться — попрітчиться.

Застой }
Забѣги } пристанища для судовъ въ заливахъ Онежскаго озера.

Знаток — колдун.

И.

Иверень — кусочек.

Изнимок — бранное слово.

К.

Калитка — род ватрушки.

Капустник — огородъ.

Кеш — пойло для лошадей: из овсяной муки разболтанной водою.

Клин: посадить под клин — взять въ полицію.

Козни — бабки.

Кокач — пирог из ржанаго кислаго тѣста (Олон. у.).

Котач — род шила; употребляется при работѣ лаптей.

Колотливый = поколотка.

Кормыхаться — пробавляться.

Кус: пойти по кус — побираться.

Курьма — вёрша.

Л.

Ламан — бранное слово: ламан тя возьми!

Лаять — бранить.

Лепак — кусок, лоскут.

Либивый — изщуреній¹⁾ Петроз. у.

Линуть: дождь линул.

Липки — блестки, нашивасмыя, для украшенія, на полотенца, приготавляемыя въ Чурил. посадѣ.

Лобоз — помост межъ деревьями, въ лѣсу (шириною пол сажени, длиною сажень): съ него стрѣляютъ в медвѣдей.

¹⁾ У Даля съ вопросомъ сомнѣнія.

Ложить — наровить, отыскивать удобнаго случая.

Льдистан рѣка — рѣка съ крѣпкимъ льдомъ¹⁾

?Лѣнгарь — лѣнивец.

М.

Малег. см. у Даля: мѣлего.

Мелуз см. у Даля.

Моль — мелкая рыба.

Море — не только то, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ словомъ, т. е. большая масса соленої воды, но и такая же масса прѣсной воды: был в морѣ, пошел в море, говорятъ о плавающихъ или плававшихъ по Онежскому озеру. Взял. п.²⁾

Н.

Налобник — см. у Даля.

?Настольник — простыня.

Нерест — время, когда рыба мечет икру.

Нереститься (о рыбѣ) — выпускать икру.

Новины — новый хлѣб на подсѣкахъ.

О.

Оклитіян — скунецъ

Обмалахтаться — обѣдать дѣло, покончить съ нимъ.

Отпуски — длинныя веревки, к которымъ прикрѣпляются крючки для ловли рыбы.

П.

Панья — дама (в картах)

Пеледь см. у Даля.

Пѣрнива — тоже, по берегамъ Онежского озера, что въ Бѣлозерѣ, чѣрдакъ.

¹⁾ О рѣкѣ Онегѣ миѣ говорилъ одинъ Каргополь, что она не льдистая, въ томъ смыслѣ, что ледъ ея по глубок, не крѣпл, легко растасывает.

²⁾ Мысль о такомъ значеніи слово море въ древне-русскомъ высказана была, помнится инѣ, г. Потебилю, на основаніи памятниковъ (если не ошибаюсь, — въ статьѣ «о Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ»).

Плёсо — глубокое ме́сто в реке между двух порогов.

Пёрка — см. у Даля.

Площадка — кресало, огниво. Чур. пос.

Пожинахи — сельский праздник по окончании жатвы.

Поколотка — сварливый человек.

Пониток см. у Даля.

Попоначе — получше.

Почёнка — ручка из вицы (тойкаго прутья) у бурака (род корзины).

Поч(ц)инить — поправить, вылечить (см. приложенные сказки).

Потеси см. у Даля.

Просиво: пойти в просиво — пойти побираться, ниществовать.

Простни — натеки.

Прикобенить (на силу прикобенил) — убедить, уговорить.

Пячига — гной в глазах.

P.

?Ринс — рваная одежда.

C.

Сгибни — створцы, створчатые образы.

Склёмы — сiletни.

Собинка — ласкательное слово.

Сорога — см. у Даля.

Сопля (о штанах) см. у Даля.

Спольё — пространство между жилыми ме́стами и кладбищем.

T.

Тяпша — грязное, тонкое ме́сто.

Тетюньки — игрушки (см. прилагаемые сказки)

У.

Утробистый см. у Даля.

Ухтей — напрасно, даром: ухтей работать не станем.

Ф.

Фрянка — распутная женщина.

Фюс см. у Даля.

Х.

Хряночник — бранное слово.

Ц.

Цямка — связь колеса.

Ч.

Челядь (о насѣкомых: сколько челяди на лошадь наѣло!).

?Чика — двоюродная сестра. Вытег. у.

Чупа — неряха.

Ш.

Шалги — палки, замѣняющія веревки на качелях.

Шога — полевой шалаш из вѣтвей.

Шольга — прибрежная трава въ рѣкѣ.

Щ.

Щекатый см. у Даля.

Щипанцы — пирожки изъ ржанаго прѣснаго тѣста.

Изъ словъ, тожественныхъ по значенію съ находящимися въ Толковомъ словарѣ Даля, помѣщены здѣсь тѣ, которыя отнесены имъ только къ югу или западу Россіи, и тѣ, мѣсто употребленія которыхъ у него вовсе не обозначено.

3. Вятскій край.

Вятскій край и вятская губернія — понятія далеко не совпадающія. Въ тѣскомъ смыслѣ слова, подъ вятскимъ краемъ я разумѣю только ту часть вятской губерніи, на которой говорятъ населенія представлять иѣкоторыя специально ему свойственные особенности. Этотъ край составляютъ слѣдующіе уѣзды: полинский, вятский, орловскій, котельническій и — частіо — слободской. Первые четыре заселены почти исключительно русскими; въ слободскомъ около половины всего числа населенія составляютъ ипородцы. Такоже велико число ипородцевъ въ уѣздахъ малмыжскомъ и елабужскомъ; въ сарапульскомъ русскіе составляютъ $\frac{2}{3}$ населенія, а въ глазовскомъ, по преимуществу ипородческомъ, вотицкомъ, даже менѣе половины.

Процентъ ипородцевъ въ уѣздахъ уржумскомъ и яранскомъ не великъ, по русскіе жители того и другаго своею рѣчью почти не отличаются отъ жителей смежной съ вятскою казанской губерніи и слѣдовательно, въ племенному отношеніи, по всей вѣроятности не представляютъ тожества съ Вятчанами собственно. Тоже слѣдуетъ сказать и о русскомъ населеніи малмыжескаго, сарапульского и елабужскаго уѣздовъ. О глазовскомъ русскомъ населеніи не имѣю свѣдѣній. О сарапульскомъ и елабужскомъ уѣздахъ говорю на основаніи сообщеній. Все, что сказано выше и будетъ приведено ниже объ остальныхъ восьми уѣздахъ, основано на непосредственныхъ, личныхъ наблюденіяхъ.

Указать, въ какихъ уѣздахъ говорятъ такъ называемымъ вятскимъ нарѣчиемъ, я не могу определить точно естественныхъ границъ его на сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Съ южной стороны предѣломъ его служитъ теченіе Пижмы и Вятки, отъ устья Пижмы до устья Вой. Главинымъ центромъ вятскаго нарѣчія слѣдуетъ признать пынгѣшній вятскій уѣздъ и небольшую прилегающую къ нему часть слободскаго. Такъ и должно быть по

ходу заселенія края. На югъ отъ Вятки (города) до Вон говорѣ въ сущности тотъ же, что и на сѣверѣ отъ нея. Теченіе р. Вятки отъ устья Вон къ югу (уржумскій и малмыжскій уѣзды) не разграничиваетъ говоровъ. Не знаю, такъ ли къ сѣверу, отъ устья Пижмы до устья Моломы и но берегамъ послѣдней. Знать это было бы важно: извѣстно, что Котельничъ (по народному — *Котельница*) основанъ хотя почти и одновременно съ Хлыновымъ, но не той ватагой переселенцевъ, которая заложила послѣдній. По преданію та и другая ватага была по племени Новгородская¹⁾ Новгородцамъ же приписываются основаніе Орлова²⁾. Племенное тожество жителей этихъ трехъ городовъ, засвидѣтельствованное преданіемъ, подтверждается ли тожествомъ языка ихъ?

Застигнутый въ моихъ странствованіяхъ по вятской губерніи весеннюю распутицею, сдѣлавшій проселочныи дороги совершенно не проѣздными, я не могъ сдѣлать обстоятельный наблюденій надъ языкомъ жителей орловскаго и котельническаго уѣздовъ. Я проѣхалъ спѣшино, по большому тракту, не значительную часть первого и отъ Моломы до Пижмы второй. То, что я могъ замѣтить по пути, даетъ мнѣ основаніе орловцевъ и котельничанъ отнести къ вятчанамъ, но невольная поверхностность моихъ наблюденій въ двухъ уѣздахъ, о которыхъ говорю, препятствуетъ мнѣ сказать съ рѣшительностью, что орловцы и котельничане ничѣмъ существенно не разнятся другъ отъ друга и отъ жителей другихъ уѣзовъ, составляющихъ собственно вятскій край. Какъ бы то ни было, но представление вышее общее раздѣленіе русского населенія вятской губерніи на двѣ группы — вѣрно. Если, быть можетъ, орловецъ и котельничанинъ чѣмъ и отличаются отъ вятчанина и нолинца, то несомнѣнно, что каждый изъ нихъ рѣзко и опредѣленно, однѣми и тѣми же чертами, отличается отъ уржумца, малмыжца, яранца и т. д.

¹⁾ Повѣсть о градѣ Вяткѣ. — Исторія Вятки Вештомова. Казанскій Вѣстникъ 1824 — 26 гг. — Исторія Вятскаго края Васильева и Бехтерева.

²⁾ Памятная книжка Вятской губ. 1873 г.

Въ вятскую губернію я въѣхалъ изъ казанской и въ казанскую возвратился изъ нея. Знакомство мое съ вятчанами я началъ съ малмыжскаго уѣзда и закончилъ яранскимъ. Около 1000 верстъ проѣхалъ я по вятской губерніи. Путь мой образуетъ огромный уголъ, вершина котораго на сѣверѣ въ Слободскомъ, а концы сторонъ въ непримыкающихъ къ казанскою губерніей селахъ и деревняхъ уѣздовъ малмыжскаго и яранскаго. За исключениемъ весьма немногихъ словъ, сообщенныхъ мнѣ некоторыми лицами, всѣ остальные ниженприводимыя данныя добыты моими личными наблюденіями. Хотя, въѣзжая въ вятскую губернію, я и имѣлъ очень уважительное основаніе разсчитывать, что найду въ ней иѣсколько подготовленно для себя почву, но разсчетъ оказался невѣрнымъ. Наибольшее число наблюдений сдѣлано мною въ нолинскомъ и вятскомъ уѣздахъ. Предпосылаю сообщенію данныхъ перечень тѣхъ мѣстностей, къ которымъ онѣ относятся:

М. у: Малмыжскій уѣздъ:

Рж: Рожекъ.

У. у: Уржумскій уѣздъ:

Б. Р: Большой рой

Петропавловск

Н. у: Нолинскій уѣздъ:

Мл: Малышево

Ож: Ожоговское

Взи: Вознесенское

Юн: Юныга

Зил: Запольское

Ен: Енихова

Обх: Обуховщина

Сух: Сухарева

Си: Сунское

Двр: Дворищенская

Врх: Верхнесунское

В. у: Вятский уездъ:

В: Вятка

Шв: Швецова

Чц: Чепца

Баб: Бабино

Пр: Першина

Бс: Басаргина

Бх: Бахта

Шх: Шиховская

Кст: Кстинская

Кум: Куминское

Влч: Волчестроицкая

С. у: Слободской уездъ:

Сл: Слободской

Дм: Демьянка

Сп: Спасское

Ал: Алферово

Лз: Лузская

О. у: Орловский уездъ:

Ор: Орловъ

К. у: Котельничской уездъ:

Кч: Котельничъ

Ос: Освикина

Жкр: Жареныхъ

Зц: Зайцева

Пж: Пижемская

Яр. у: Яранский уездъ:

Кж: Кужа

ИЦ: Щеглова

Мр: Маркова

Выше употреблено не разъ выражение — вятское *нарѣчіе*. Конечно, это не точно: рѣчь вятчанъ не на столько обособлена, чтобы имѣть право называться нарѣчіемъ. Она не больше какъ *говорѣ*. Но если говорѣ, то *какого* нарѣчія?

Этотъ вопросъ кажется не возбуждаетъ спора. Сколько мнѣ известно, всѣ признаютъ вятчанъ потомками новгородскихъ выселенцевъ.

Такъ ли это? Вѣрно ли, что вятчане говорятъ новгородскимъ нарѣчіемъ?

Нижеприведеныя данины языка жителей вятской губерніи могутъ, я думаю, при сравненіи ихъ съ тѣми данными, которыя я сообщилъ въ первомъ моемъ отчетѣ, послужить, до нѣкоторой степени, къ решенію этого вопроса. Частностямъ моихъ настоящихъ замѣтокъ я считаю однако не лишнимъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о населеніи вятского края и о языкѣ его.

Раньше чѣмъ было обращено вниманіе на послѣдній, составилось и окрѣпло мнѣніе о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ. Оно основалось на свидѣтельствѣ Хлыновскаго лѣтописца. Древнейшія лѣтописи (не только лаврентьевская и ипатьевская, но и новгородская) ничего не говорить объ основаніи Хлынова и объ заселеніи вятского края. Хлыновскій лѣтописецъ, поздній по времени составленія и содержащий въ себѣ анахронизмы и баснословныя частности, не представляетъ достаточнаго ручательства за вѣрность сказаннаго преданія. Въ виду этого нѣкоторые историки (см. напр. Бестужева-Рюмина Русскую Исторію т. I, с. 385) указываютъ на черты языка и характеръ вятскихъ построекъ какъ на вѣское подтвержденіе преданія о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ.

Данины языка представляются здѣсь на общее обсужденіе для возможныхъ заключеній. Нѣкоторыя замѣчанія о немъ предложу ниже. Что касается до построекъ, то — на сколько могу судить — онѣ далеко не тождественны по характеру съ новгородскими. Не говоря уже о томъ, что въ вятскомъ краѣ нигдѣ не

видно того стремлениія къ украшенію жилищъ (снаружи), которое такъ часто бросается въ глаза въ новгородскихъ салахъ, указывая на эстетическія потребности населенія,—дома крестьянъ вятской губерніи ничѣмъ, на мой взглядъ, не отличаются отъ тѣхъ, которые можно наблюдать хотя бы напр. въ казанской губерніи.

Мнѣ кажется, что весьма существенною чертою новгородской постройки слѣдуетъ признать то, что отъ крыши избы всегда почти идетъ откосъ, накрывающій ходъ въ избу и часть надворного строенія. Такихъ откосовъ я не встрѣчалъ въ извѣстныхъ мнѣ салахъ и деревняхъ вятской губерніи¹⁾.

Впрочемъ сходство или несходство постройки еще не есть важный доводъ въ пользу мысли объ этнографическомъ тождествѣ или таковой разности населенія двухъ отдаленныхъ одна отъ другой областей. Черты языка въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе, но думаю, что и онѣ еще не решаютъ вопроса окончательно.

Мы знаемъ особенности древняго новгородского нарѣчія по памятникамъ, начиная съ XI вѣка, но не имѣемъ никакого понятія о языке многихъ другихъ русскихъ племенъ эпохи основанія Хлынова и болѣе древней. Быть можетъ, и весьма быть можетъ, что признаваемое исключительными чертами новгородского нарѣчія было въ такой же мѣрѣ свойственно и некоторымъ другимъ племенамъ. Такъ смѣну и на и обратно мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ такихъ иногда мѣстностяхъ, где иѣть основанія предполагать новгородскихъ выселенцевъ.

Изъ племенъ, перечисляемыхъ Несторомъ, къ концу XII ст. (времени основанія Хлынова) кажется этнографически сохранилось лишь одно — вятское. Мысль Надеждина о томъ, что это племя инородческое²⁾, едва ли кто теперь признаетъ состоятель-

1) Говорили мнѣ однако въ вятской губ. нѣкоторые лица, что прежде, при большомъ количествѣ лѣсовъ, тамъ строились избы съ откосами.

2) Надеждинъ. Опытъ исторической географіи русского міра. Б. для Чт. 1887 г. XXII. 60.

ною: нѣть никакихъ основаній заподозрѣвать славянство Вятичей и даже то родство ихъ (вмѣстѣ съ Радимичами) съ Ляхами, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Не знаю, высказывалъ ли кто и когда мысль о томъ, что вятчи колонизировали вятскій край. Мнѣ такая мысль не только не кажется странною, но — напротивъ — я готовъ признать ее вѣроятною. Доводы въ ея пользу, конечно, будутъ шатки, доказать ее съ очевидностью несомнѣнной истины нѣть возможности, но также трудно ее рѣшительно и опровергнуть.

Конечно, дѣласть честь нашимъ изслѣдователямъ, что ихъ не соблазнило сходство именъ *Вятichi* и *Вятchanе*. Но, съ другой стороны, не тоже ли звуковое сходство заставляетъ въ имени Вятчанъ видѣть Вотяковъ? Народъ, жившій въ нынѣшней вятской губерніи по обоимъ берегамъ главной рѣки ея русскіе переселенцы, измѣния его народное имя От—Ут., назвали сперва Вотами, потомъ Вотяками¹⁾). Край, населенный Вотяками, естественно было имъ назвать вотскимъ краемъ. Но какъ изъ *вот-* скій сдѣлалось *вят-* ской. Измѣненіе *вот* на *вят* по звуковымъ законамъ невоозможно. Правда, при видоизмѣненіи чужихъ словъ далеко не всегда соблюдаются дѣйствующіе въ языкѣ законы. Звуки данного иноязычного слова измѣняются иногда не органически, такъ какъ слово неизвѣстное ассимилируется извѣстнымъ, приспособливается въ звуковомъ отношеніи къ нему. Не потому напр. изъ слова *maraudeur* вышло *міродѣръ*, что *a* въ русскомъ языкѣ можетъ измѣниться на *i* (этого, какъ извѣстно, не бываетъ), а потому лишь, что слово *міродеръ* созвучно съ словомъ мародеръ, и послѣднее, какъ неопредѣленое, чужое, замѣнено первымъ — понятнымъ, своимъ. Но имя *вятскій* (край) не могло быть для новгородскихъ выселенцевъ понятнѣй имени *вотскій*. Со стороны же звуковой послѣднее слово не могло, конечно, затруднить пересе-

¹⁾ Островскій. Вотяки Казанской губ. Казань. 1873 г. (Приложеніе къ Трудамъ Общ. Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ, т. IV. № 1. Стр. 5. Пр. 2.)

ленцевъ: была же у нихъ *вотская* пятна. Вятчане могли получить свое имя отъ рѣки Вятки. Но какъ же объяснить название послѣдней? Въ имени ея видѣть указаціе на то, что по берегамъ ея жили Вотяки, и думаютъ, что она первоначально называлась не *Вятка*, а *Вотка*¹⁾. Но изъ Вотка также невозможна Вятка, какъ изъ Вотскій—Вятскій.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области, слѣдовательно, Оки, гдѣ нѣкогда жили Вятчи, есть селенія Вятское, Вятчина²⁾. Едва ли кто станетъ и эти названія производить отъ имени Вот, Вотякъ. И не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ, на столько одна отъ другой отдаленыхъ, какъ губерніи калужская и вятская.

Нисколько не отрицая возможности участія Новгородцевъ въ завоеваніи и заселеніи вятского края, я не вижу почему бы не признать, что то и другое совершилось при значительномъ количественномъ движеніи Вятчей на сѣверъ. На возможность такого движенія указываетъ уже то обстоятельство, что этому племени всего легче было проникнуть—но Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ—въ край Вотяковъ. Могло быть такъ, что толпа предпріимчивыхъ Новгородцевъ увлекла за собою массу Вятчей, которые дали свое имя покоренному краю и особый отг҃бликъ его исторіи. До самаго паденія Хлынова Вятка остается чуждою другимъ областямъ древней Руси; съ князьями и Новгородомъ Вятчане въ постоянной борьбѣ; христіанство среди нихъ прививается слабо; но характеру политического устройства вятская республика стоитъ одиноко. Въ исторіи Вятчей, какъ племени, нельзя не

¹⁾ Ibid. Стр. 3.

²⁾ Н. Барсонъ. Очерки русской исторической географіи. 136. По поводу этихъ имёнъ г. Барсонъ говоритъ, что о旣ъ «можеть быть, остатки земельного, имени Вятчей». Если иѣтъ оснований допустить, что въ этихъ селеніяхъ живутъ позднѣѣшніе населенцы изъ *вятской губерніи*, то слѣдовало бы сказать, по моему мнѣнію, не можетъ быть, а *несомнѣнно*.

замѣтить, по извѣстіямъ лѣтописи, аналогичныхъ съ этимъ чертѣ; они позже другихъ племенъ принимаютъ христіанство, долье другихъ сохраняютъ свою этнографическую особенность, долье другихъ борются за нее съ киевскими князьями.

Но при решеніи этнографическихъ вопросовъ, какъ то выше и замѣчено уже, нужно принять въ разсчетъ и привлечь къ сравненію не одну — двѣ, а очень много сторонъ народной жизни: народный бытъ, обычаи, преданья, повѣры, поэтическія произведенія, языкъ, одежду, постройки, и пр. Я въ вятскомъ краѣ специально наблюдалъ только языкъ и получилъ пѣ-которыя свѣдѣнія о народной поэзіи. О послѣдней нѣсколько словъ скажу въ своемъ мѣстѣ. О языке отмѣчаемыи ниже фактамъ предпосылаю теперь лишь одно замѣчаніе.

Мнѣ не разъ приходилось и читать и слышать, что вятскій край по отношенію къ языку — богатое хранилище далекой новгородской старины. Въ такомъ мнѣніи, послѣ личнаго знакомства съ краемъ, я вижу или недоразумѣніе или предубѣжденіе.

Сходство вятскихъ говоровъ съ новгородскими не отрицаемо, но ощутительна и разность. Разность эта проявляется съ двухъ сторонъ: она оказывается отсутствиемъ тѣхъ чертѣ, которыя встречаются въ новгородскихъ говорахъ, и присутствиемъ такихъ, которыхъ пѣть тамъ.

Но обращаюсь къ самимъ фактамъ, располагая ихъ въ той системѣ, которую принялъ въ первыхъ двухъ отчетахъ.

По словамъ Даля (о парѣчіихъ русскаго языка. Стр. 27 отд. оттиска) говоръ вятчанъ самый низкій.

Я не нахожу возможнымъ сказать тоже. Вятское о не рѣзко. Оно не поражаетъ такъ слуха, не отчеканивается, какъ во владимирской, ярославской и нерѣдко въ новгородской губерніяхъ. Оканье слабѣе къ югу, сильнѣе къ сѣверу.

На *а* говорятъ только пришлые люди, переселенцы. Такъ акаютъ въ уржумскомъ уѣздѣ—на заводахъ шурминскомъ и буйскомъ.

Начальное *а* измѣняется на *о*: Александр Ен. и т. п.

Случаевъ измѣненія *а* на *о* въ срединѣ словъ мнѣ не встрѣтилось.

За все время пребыванія моего въ вятской губерніи я только три раза слышалъ *а* вм. *о*: за поясишко (обыкновенно *ко* вм. *ка*: батюшко и т. п.) Еп., пальто Ож., саводни вм. саводни Шв. Сюда же слѣдуетъ отнести и форму: серядь вм. середь (середи) Ож.

О вм. начального *е* часто слышится въ словѣ *еще*: ошие Ал.

Въ одномъ словѣ *о* является на мѣстѣ *ы*: рохлый сиѣгъ, т. е. рыхлый Зил.

Полногласныхъ формъ, подобныхъ новгородскимъ — верёх, столоб въ вятскомъ краѣ я вовсе не слышалъ. При пѣсенномъ сокращеніи полногласныхъ формъ являются, какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, формы *ла*, *ра* вм. *оло*, *оро*, но разъ встрѣтилось *ло* вм. *оло*: по виноцьку по златому Дм. Такія формы сокращенія изрѣдка встрѣчаются въ Олонецкой губ.¹⁾.

По утвержденію Даля (о нарѣчіяхъ и пр. 27) «вятское *о* произносится мѣстами *уо* или *уы*, почти какъ въ задесніскомъ черниговскомъ краѣ: ничевую, спруос, собуолья».

Къ сожалѣнію, Даль не указываетъ, гдѣ именно въ вятской губ. пришло ему услышать этотъ двугласный звукъ. Я напрасно искалъ его. Такъ какъ мнѣ въ моихъ поѣздкахъ нигдѣ не удалось подмѣтить его и никто изъ мѣстныхъ жителей, къ которымъ я обращался по этому поводу съ вопросами, не слыхалъ такого звука, то я готовъ допустить, что Даль ошибся, что его обманулъ слухъ. Это легко могло случиться, такъ какъ мѣстами Вятчане говорятъ съ растяжениемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничевоо

¹⁾ Материалъ для характеристики Сѣв. великор. нарѣчія. С. 7.

и т. п. Но это растяжение замѣчается не на одномъ только звукѣ *o*; кажется всѣ гласные звуки могутъ имѣть долготу. Считаю возможнымъ употребить это слово — *долгота*, такъ какъ растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, на сколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ вятскомъ и слободскомъ уѣздахъ. Только разъ имѣлъ я случай наблюдать ее въ бесѣдѣ съ однимъ крестьяниномъ села Чепца. Очень жалѣю, что не могъ записать ни одной сказки отъ человѣка, въ рѣчи которого проявлялась бы эта особенность. Для уясненія дѣйствующаго въ пей закона требовалось бы собраніе множества данныхъ. Я могу привести лишь нѣсколько, схваченныхъ, такъ сказать, на лету:

вѣт (вбог)

ничево

говорят, уѣдут

снѣть

бзеро

возйтї, братї

пожалуста

И изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, что —

- 1) долгота гласнаго можетъ проявиться независимо отъ ударенія;
- 2) въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ, изъ которыхъ одинъ ударяемый.

Можно бы несомнѣваться въ вѣрности употребленнаго мною термина *долгота*, если бы не было (считаю необходимымъ эту оговорку) случаевъ, когда одно и тоже слово въ фразѣ, повторяясь, является и лишнимъ долготы и имѣющимъ ее:
не берут вѣдь уж, молодыс то не берут.

Въ этомъ случаѣ и подобныхъ — ясно, что строй фразы, тонъ рѣчи вызвалъ растяженіе гласнаго. Однако, что растяженіе это не играетъ той роли, какую имѣеть такъ называемое логическое удареніе, видно уже изъ того, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ.

«Нигдѣ не бѣть столько ё, іо, какъ на Вяткѣ», по словамъ Даля (О нарѣчіяхъ. 28). Это утвержденіе, по моему, невѣрно: ё въ вятскомъ краѣ слышиится гораздо рѣже, чѣмъ напр. въ новгородскомъ.

Могу привести только слѣдующіе случаи (опускаю аналогичные явленія) измѣненія звука *e*:

до нѣба Сух. вѣрх. Н. у. Сбщ. (никогда — верѣх).

рѣбро Еп.

спокойв Ож.

ёй У. у. о пѣй Шв. своей Ож. Устинѣй Чц.

сберѣгла Н. у. (Сбщ.)

поминаѣт Ож. пловѣт ів. Чц. тянѣ Чц. милуѣ ів. скажѣт ів.

можот Прш.

будѣт Кж.

проѣдѣш Еп.

поѣдѣм Ож.

спойтѣ Чц.

Число случаевъ съ ё вм. *e* въ вятскомъ краѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ окающаго нарѣчія, потому, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ё превратилось въ *o*; другими словами и, какъ думаю точнѣй, послѣ превращенія *e* въ *o* изчезла съ теченіемъ времени мягкость предшествовавшаго этому гласному согласного. Это явленіе въ вятчинѣ замѣчается не только при шипящихъ (именно же) можот Прш, но и при другихъ согласныхъ:

доржій Ож. дѣржит Вз.

занрягом Кум., Ор.

переволоком. Ор.

россѣком. Зил.

сводни. Ши., Ши.

Форму доржи вм. дѣржи (новг. дѣржі) можно слышать и въ казанской губернії; остальныхъ я нигдѣ не слыхалъ за исключеніемъ вятчины, почему и считаю такія явленія специально вятской особенностью.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнія въ томъ, что между формами, напр., россѣком, сводни и основными россѣком, севодни должны стоять посредствующія: россѣмъ, сѣводни. Такія формы, какъ извѣстно, не предполагаются только, а существуютъ въ другихъ краяхъ въ дѣйствительности. Они, но моему мнѣнію, представляютъ собою явленіе относящееся къ области не гласныхъ, а согласныхъ звуковъ. (Если же это такъ, то сказанное въ первомъ моемъ отчетѣ о ё—правильно).

Иногда *e* не измѣняется тамъ, где можно бы ожидать его измѣненія:

ee Ож. каленую ів. сѣ(е)дла ів. еще ів. ще ів. (штѣ Шв.)
е почти постоянно остается при своемъ звукѣ. Очень рѣдко вместо него является *и*:

бант Еп. проѣдите ів. нильзя Ож. исиню (еще) ів.

Еще рѣже обратное явленіе въ срединѣ словъ:
ле (=ли) Ож. и др. мѣстн., къ своем (къ своим) И. у. (Сбц.), дек (=дик) Ож. Эту послѣднюю форму я слышалъ только разъ, и никогда, за исключеніемъ описанной мѣстности, ея не встрѣтилъ.

О формѣ лежись вм. ложись я имѣль уже случай говорить (см. 2-й отчетъ).

о вм. начального *o* слышится мѣстами въ словѣ один: единово Сух. Чц., единово Еп. Это явленіе также было уже разъ отмѣчено и оговорено (см. 1-й отчетъ).

о вм. *e* въ срединѣ слова представляетъ только слово робенок Чц. Нѣтъ основанія, однако, видѣть здѣсь позднѣйшее звуковое видоизмѣненіе: форма роб... можетъ идти изстари.

Кажется, специальную вятскую особенность составляетъ встрѣчающееся мѣстами произношеніе *e*, которое звучитъ иногда тверже общерусского мягкаго *e* и мягче *э*. Такой звукъ слышился не только въ срединѣ словъ или въ концѣ послѣ согласнаго: не Шх. пень Зц., что можно бы объяснить отвердѣніемъ этого согласнаго, но и въ началѣ слова: етот Бс.

Не такъ ли звучитъ *e* и въ некоторыхъ мѣстахъ олонецкаго

края? Быть можетъ у Рыбникова, Гильфердинга и Барсова¹⁾ формы, подобныя эще, отец, молодецкая въ звуковомъ отношеніи переданы не точно?

Если явление о которомъ говорю, отнести на счетъ согласныхъ звуковъ, то съ нимъ будетъ однородна звуковая форма слова пятый, произносимаго пятью Чц., т. е. съ большею чѣмъ обыкновенно твердостью звука *n*.

Вполнѣ, на сколько мнѣ известно, специально вятскую особенность представляеть слышимое мѣстами *у* вм. *ы* въ некоторыхъ формахъ глагола быти:

було Шв. (по и—было *iв*) иобувал, бувал (никогда не бувал ище) Чц. не бувал. Зц.

это *у* не рѣзко, но его нельзя однако смѣшать ни съ какимъ другимъ звукомъ.

По словамъ Даля «бука *њ* на Вяткѣ только въ началѣ слова произносится какъ *и*; есть, издить;... очень рѣдко въ срединѣ, напр. въ слободскомъ: штѣ нюни ти повисихъ» (О нарѣчіяхъ 27.). Это невѣрно: *и* вм. *њ*, кромѣ случаевъ отмѣченныхъ Далемъ, встречается и въ срединѣ словъ. Привожу слышанныя мною слова съ *и* вм. *њ* въ корне:

обидня Сух. Шв.

писня Чц. писельник Юн.

рицыки Ен., но *iв*: рѣцьку

истрича *iв*.

дити *iв*.

дило *iв*.

звирь *iв*.

мисяця Влч.

ситъ Чц.

съяздить *iв*., но йхати Ен., йздя *iв*.

Нигдѣ въ ингерской губ. смына *њ* на *и* не выдерживается какъ

¹⁾ См. Рыбникова ибени III 318, 368, 381. Барсова Причитанія 101, 271. Гильфердинга Он. Былина 757--8, 780, 843.

постоянное явление: тамъ, гдѣ она имѣеть мѣсто, находимъ и *е* изъ *и*. Глаголъ *иитъ* часто слышится въ формѣ *нитъ*, ниту Чц. Шх. Приш. Кум. Вмѣсто здесь (здѣсь)—здесь Взн. Шв. Чц.

Въ глаголѣ смотрѣть вмѣсто темитического *и—и:* смотрить Сух. посмотрил Прш. Быть можетъ, однако, это особенность не фонетики, а словообразованія¹⁾. Въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій смѣны *и* на *и* мнѣ вовсе не встрѣтилось.

Во второмъ отчетѣ отмѣченъ мною случай глухаго *e* на мѣстѣ дрѣвняго *и*. Въ вятскомъ краѣ слышалъ я въ такомъ же случаѣ такое же *и:* моцики Приш., т. е. мочки, мочки (куделя). Къ сожалѣнію и этотъ случай единственный. Приведенную форму я слышалъ, что именно важно, въ живой рѣчи. Аналогичныя съ ней, которыя могъ бы привести здѣсь, относятся къ пѣсенной рѣчи, (колецико, сердецико, сударыка (— рка), гдѣ явленіе, понятно, можетъ получить уже иное объясненіе.

Стяженіе гласныхъ въ вятскомъ краѣ (шиша(е)м. Чц., ба(е)ш, ба(е)т Об.) имѣеть мѣсто, но слышится нечасто.

Перегласованіе можетъ опредѣлиться слѣдующими примѣрами:

и: евился Еп. евляться Шв.

и: забрецело, (забрецало, забренчало) Шх. завѣцею (завѣцаю, завѣчаю) ів. обвѣнцели Шв.

з: зеть Шв. взели Дм.

и: опеть Шв.

и: знили (сняли) Ож.

и: не гленится (не глянется=не понравится) Шх.

р: преники Врх.

Можетъ быть однако, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ *e* и не предполагаетъ *a* (и) явившись непосредственно изъ *a*.

Въ фонетикѣ согласныхъ вятской рѣчи обращаетъ прежде всего вниманіе на себя рѣзкая и грубая твердость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Выше уже отмѣчено нѣсколько случаевъ отвердѣнія

¹⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ р. яз. 77. пр. 3.

д, к, с при *о* изъ *е*. Въ уѣздахъ — ноличскомъ, уржумскомъ и котельническомъ слышится мѣстами вм. мягкаго твердое *л* въ словѣ большой, произносимомъ болшой.

ж и *ш* въ сочетаніяхъ съ *о* и *е* тверды: ошио Ал. ешио, также Шв. Но тѣ же звуки мѣстами мягки при сочетаніи съ *и*: музикъ Чц. шити Бс. произносятся такъ, какъ здѣсь написано.

Ц то твердо, то мягко. Такое колебаніе въ его произношеніи замѣчается иногда не только въ одной мѣстности, но и у одного и того же лица:

нацяльник Юн. цяшу Ож. птиця ів. цяря Шв. умняця ів. теперьца Шх. метелиця ів., но-крыльца Ож. сейчас Двр. яисница Ив. встріца Лз.

паршицѣк Юн. винцѣ Чц. молотцѣв Пр. ружьецо Шв. отци Ив. красавици Шв. попомарщики Ож.

кузницю Шх. хощю Прш.

куроцька Шх. Лукиць Юн.

Мягкость *и*, приближающая его къ *и* и образующая какъ бы средній звукъ между *ч* и *и* (см. 1-ї отчетъ), слышится рѣдко: сѣнц-ч-я Юн.

Чаще можно слышать виолѣ опредѣленное *ч* изъ *и*:

половичи Взн. овчи Зил. птичи Ен. руковичи Сн. чаря Шв.

Однако и это явленіе далеко не заурядно. Иное дѣло обратное: сѣнца *и* на *и*. Эту сѣнцу встрѣчаешь такъ часто, — въ нолинскомъ и вятскомъ уѣздахъ, — что невольно привыкаешь къ ней, какъ къ нормѣ мѣстнаго говора. Вотъ некоторые изъ множества примѣры цоконья:

через Еп. цетыре Ож. цецьверо Прш. щешу (чешу) ів. ноце-вать Ив. дево ів. целовик ів

плотницть Шв.

попомарщики Ож. учится Шв.

доцька Шв. рицьки Еп.¹⁾

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ текста, мною приводятся примѣры почти исключительно изъ живой рѣчи.

Мягкое *и* изъ *и* передъ *и* звучить какъ *с*: яисьница Щв. дивисьник ів. Изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ видно, что обьюдная мѣна звуковъ *ч* и *и* возможна для одной и той же мѣстности, но количество случаевъ *и* изъ *и* всегда несравненно меньшее случаевъ обратнаго явленія.

Мягкость звуковъ *и*, *p*, *c* передъ суффиксомъ *ск* (ъск) хотя и встречается въ вятскомъ краѣ, но далеко не выдерживается съ тѣмъ постоянствомъ, съ какимъ существуетъ это явленіе въ новгородскихъ говорахъ. Чаще можно слышать мягкое *с*, рѣже мягкое *и*, еще рѣже мягкое *p*. Послѣднее въ одномъ и томъ же словѣ произносится то твердо то мягко въ одной и той же мѣстности и даже однимъ и тѣмъ же лицомъ:

деревеньской Ож. Чд. ильинская Дм. правленьской Бс.

руськое Вzn. Жр. московськая Бс. (о почти не слышится)

царьской Щв., но царской и царство ів. боярской ів. боярьская Шх.

Мѣстами можно слышать мягкое *m* передъ тѣмъ же суффиксомъ: земькое Ос.

Отвердѣніе звуковъ *и*, *m* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ часто замѣчаемое въ новгородскихъ и олонецкихъ говорахъ¹), въ вятчинѣ слышится рѣдко:

верхній Ож. линную Шх.

Иногда мнѣ казалось, что я слышу вмѣсто ожидаемой мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ твердость ихъ и наоборотъ. Такъ *t* въ *пѣть* слышалось мнѣ (Чд.) мягче чѣмъ *тѣ* и тверже чѣмъ *тѣ*; *s* въ сейчасъ Ал. хорошосъ Чд. вчерасъ Ал., —²) тверже съ мягкое *съ*. *d* мягко въ словѣ пазадъ Щв., какъ въ новгородскихъ и олонецкихъ говорахъ.

Слuchaевъ смягченія гортанныхъ (разумѣю архаичеснія явленія) не встрѣтилъ; равно какъ и особенностей въ смягченіи зву-

¹⁾ См. 1 и 2 мои отчеты и брошюру Материалы и пр. стр. 21.

²⁾ Не въ смыслѣ вчерасъ, т. е. вчера, а въ смыслѣ вчера-съ. Впрочемъ по поводу формъ пѣтъ, вчерасъ, и пр. я долженъ сказать, что слышалъ ихъ только отъ двухъ лицъ (двухъ близлежащихъ мѣстностей).

ковъ *đ* и *m*. Касательно послѣдняго можно отмѣтить развѣ только форму цецьверо Прш. = ц(ч)етверо и предполагающую цетьверо.

и постоянно является нѣмымъ; но въ словахъ *господин*, *государь* оно должно быть звучало какъ *h*: мѣстами это слово имѣть форму — основодин Шв. основодином ів. осударь Ож. Конечное *i* произносится иногда какъ *k*: лѣг Ож, но — на берек(г) Шв. док(г) Шх.

Конечные губные и зубные часто изъ звучныхъ нереходятъ въ отзвучные: короп(б) Шв. вос(з) Ож.

Изъ случаевъ мѣны звуковъ, кромѣ вышеотмѣченной смѣны *u* на *ü* и обратно, могу привести слѣдующее:

щ рѣдко тернится, обыкновенно замѣняясь двойнымъ *ш*:
ешишо Еп. обвѣшишался ів. нушиш ів. свиниш Ож. мѣшишан ів. выпущшу Шв.

Вм. *x* — *ф* въ словѣ *фомяк* (крыса) Шв.

Вмѣсто *i* — *б* въ словѣ благолит. Дм. (только въ пѣснѣ № 15).

Вмѣсто того же звука *e* въ словѣ пов(г)ост. Шх.

e вмѣсто *x* встрѣтилось разъ въ выраженіи — на трёх дубах(х) Еп.¹⁾.

л вм. *n* въ словѣ — помл(н)или Еп.

л вм. *đ* въ — свал(д)ебная Шх, но ів. свадьба.

м вм. *n* въ словѣ — м(н)рав Ож.

o вм. *m* въ словѣ *o(m)ного* ів.

z вм. *ж* въ — зелѣзпой Дм. Шх. рогозка Жр.

Въ группахъ согласныхъ замѣчаются слѣдующія видоизмененія:

чи превращается въ *ин*, если, конечно, *u* не переходитъ въ *ü*: скучно Еп.

ливъ *ль*, *сь*: жизнь (жизнь) Еп. болѣсь (болѣзнь) ів.

¹⁾ Ср. аналогичный фактъ, приведенный въ 1 отчетѣ. Здѣсь и ниже я привожу данные, не разграничивая явленій несомнѣнно фонетическихъ отъѣхъ, которыхъ вынуждены аналогіей.

Въ сочетаніи зд, заканчивающемъ слово, д выпадаетъ: уѣз
(д) Баб.

стн=*эн*: груз(ст)но Еп.

дств=*дшв*: родш(ст)ва Ож.

т уподобляется д въ—од(т)дать Еп.

Вм. зл—дл въ словѣ—вод(з)лѣ Ож.

Вм. когда почти вездѣ слышится колды Чц. Шх. и пр., вѣро-
ятно черезъ формы: ковда, ковды.

Мѣстоимѣніе *что* въ собственно вятскомъ краѣ произносится
большею частію — щё, що, ище, штё. Об. Шх. Чц. и пр.

Сочеташе *тся* (въ глаголахъ) звучить различно. Я не нахо-
диль тожества въ его произношеніи даже у однихъ и тѣхъ же
лицъ. Мнѣ слышались и *тия* и *тиа* и *ция* и *тса*: ругаетца
Шв. женитца ів. дожидаются Шх. добраться Шв. собираются
Шх.

Изъ случаевъ опущенія звуковъ, кромѣ отмѣченныхъ, стоять
вниманія: опущеніе

й: овча (овчья) Ож. дяков (дьяков) ів. убира(ї)сь ів. по(ї)дём
Шв.;

е: за(в)се Чц (завсегда);

и: у (н)ево Дм. в (н)ём ів.

Иногда встрѣчается удвоеніе и, вызванное вѣроятно аналогіей: воронново Еп. коноплянна Ож.

Изъ случаевъ перестановки отмѣчу два: камешн(ни)ик Врх.
придикоте (= придитехо) Прш.

Особенностей въ удареніяхъ немного. Вотъ нѣкоторые, ха-
рактеризующіе его, случаи:

пастух Баб.

кбнѣй Ож.

холбд Шв., но ів.: хлодно.

на лошади Ож. на гору ів.

сълыхом Шв.

видом ів.

на цетырех лошадях Ал.

ймя Шх. (= им), обыкновенно слышится имѧ: с нимѧ Боб.

пропадите Еп. лежите ів. не полетите Кж. спите Боб.

послал Боб. погнал ів. понудил Ож.

ужаснулся Шв.

отдохнем ів.

долбили Еп.

Вятскимъ говорамъ, какъ и новгородскимъ, свойственно смѣшніе падежей дательного и творительного множественного числа. Это смѣшніе встрѣчается не только въ собственно вятскомъ краѣ, но, насколько знаю, почти по всей губерніи:

мѣстам(и) Рж. Б. Р полям(и) ів. с плечам Сух. за крутым горам Еп. с ножам Щ. над нам Еп. обѣим руками ів. к полатам ів.

Хотя эта особенность — одна изъ рѣзкихъ чертъ сходства вятской рѣчи съ новгородскою, но уже конечно не ею же можно подкрѣпить мысль о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ: эту особенность не могли принести съ собою новгородскіе выселенцы: какъ известно она совершенно чужда древней новгородской рѣчи. Эта особенность — явленіе новое. Въ вятскомъ краѣ она должна была развититься самостоятельно, независимо отъ Новгорода.

Почти вездѣ по вятской губ. можно слышать и странную форму — *имѧ* (д. п. мѣст.) Мл. Еп. Чц. и пр. вм. *имъз*.

Кажется, только эти двѣ черты — форма *имѧ* и смѣшніе падежей дат. и твор. — роднятъ рѣчу собственно вятского края съ рѣчью уѣздовъ — малмыжского, уржумского и яранского.

Древней черты съвернаго нарѣчія, сохраняемой и теперь новгородскими и олонецкими говорами, — употребленія вин. пад. женскаго рода единственнаго числа въ формѣ именительного при

неопределенному наклоненіи глаголовъ — я напрасно искалъ въ вятской губерніи. Только разъ и въ одной лишь фразѣ подмѣтилъ я ее: ошибка чтоб не сдѣлать Шх, но лицо, сказавшее такъ, въ другихъ случаяхъ употребляло при неопределенномъ наклоненіи винительный на *y*. Въ пѣснѣ, записанной въ той же мѣстности: жеравиха братъ.

Въ другихъ мѣстахъ не встрѣтилась мнѣ этой формы даже какъ архаизма.

Архаического въ именахъ вообще очень мало. Могу отмѣтить только древнюю форму имен. единственного слова дочь: дочи Еп. доци Ес. Км. (дочерь. Еп. (им.)).

Въ глаголахъ прежде всего поражаетъ ухо древняя форма неопределенного наклоненія на *ти*, встрѣчаемая очень часто въ живой рѣчи. Эта форма по преимуществу придаетъ вятскому нарѣчію отг҃енокъ древности.

Съяти Еп. ѿхати ів. пошѣти ів. иосвистати ів. выпити Чц. возити ів. заплатити ів. брати ів. шити Бс.

Употребленіе этой формы неопр. накл. не исключаетъ и поздней на мягкое *m*: съѣздить Чц. синѣть ів.

Глаголы съ звукомъ *ч*, изъ гортаннаго *-t-m*, въ неопр. накл. удерживая *ч*, неорганически возстановляютъ гортанный: запрек(г) чи Боб.

Въ настоящемъ времени замѣчается мѣстами опущеніе личнаго признака 3-го лица:

пойдѣ Взн. буде Еп. милуѣ Чц. ѿздя(т) Еп.

Дѣепричастія вмѣсто прошедшаго на *л(ъ)*, — замѣны столь употребительной въ новгородской губерніи, — въ вятской почти не встрѣчается. Только разъ слышалъ я такую форму: взявші = взялъ Еп.

Въ заключеніе этихъ немногихъ замѣтокъ о вятскихъ формахъ упомяну еще о частицахъ: *о*—*m*, *та*, *то*. Даль вѣрно замѣчаетъ, что онѣ «прилагаются на Вяткѣ не безразлично, а по родамъ» (О нарѣчіяхъ 28). Во множ. числѣ для всѣхъ родовъ безразлично одна форма — *ти*: гоны ти Взн. Въ вин. ед. ж. р.

ту: дорогу ту Еп. дѣвку ту Бх. Другихъ формъ не слыхалъ. Нужно замѣтить еще, что употребленіе этихъ частицъ далеко не общее явленіе въ вятскомъ краѣ.

Привожу нѣсколько замѣченныхъ мною данныхъ для характеристики вятского *словообразованія*:

братовья Еп.

лягуша (—шка) Шв.

ягунки (—нуга) Зпл.

тулово Боб.

ржинце Вzn.

ужина(ъ) Зпл.

по своей изможѣ Вzn.

колокольни́ца ів.

пословка (—ица) Ож.

посидѣнцы.

на єскорѣ (на скоро) В.

плесковская (плясовая) пѣсня Ож.

всяковато Б. Р.

одина(о)кoi Пв.

вѣсится (висит) Боб.

новѣнуло (новѣяло) Пв.

подавывал Боб.

удѣлатъ В. (слышится не только по всей вятской губ., въ смыслѣ обдѣлатъ, сдѣлатъ, но и въ казанской), лежись вм. ложись Пв. (см. выше)

загону Об.

запрекчи Ож.

воздымается Вzn.

обгорѣли = ногорѣли Нен.

промокнет = промочит Ож.

Характерной черты съвернаго словообразованія — сравни-тельной степени на *ле* — въ вятскомъ краѣ почти не слышится. Если, очень рѣдко, гдѣ и встрѣтится эта форма, то на ряду съ нею, и въ огромномъ большинствѣ при томъ случаевъ, является и форма на *ле*: мудреняе Шв., но хитрѣе ів.

Вятскій лексиконъ, при сходствѣ съ новгородскимъ, представляетъ и разности. Случаевъ разности можно бы привести много. Укажу на нѣкоторые.

Въ новгородской губ. почти везде вместо слова *лошадь* говорится *конь*; въ вятской наоборотъ — употребленіе слова лошадь преобладаетъ.

Ячмень въ новгородской губерніи зовутъ *жито*, въ вятской жито — яровой хлѣбъ.

Въ новг. губ. землю *oрутъ*, а избу *пашутъ*; въ вятской землю пашуть, избу метутъ.

Слово *очень* въ вятской губ., какъ и въ новгородской, почти не слышится, но въ послѣдней оно замѣняется словомъ *гораздо*, въ первой вместо его говорятъ *болно*.

Словъ — *рель*, *дянки*, *горой* (берегом), *сопка* и многихъ другихъ, весьма обычныхъ въ новгор. губ., въ вятской нѣть. За то въ ней есть свои особенные слова, которыхъ не знаетъ Новгородъ.

Списокъ вятскихъ словъ при этомъ прилагаю. И въ него, какъ и въ прежде сообщенные, вошли не новые только слова, но и тѣ, которые есть у Даля, но которыхъ мѣстность употребленія у него не обозначена или которымъ придано не то значеніе, въ какомъ я слышалъ ихъ.

Б.

Больно—очень, весьма.

В.

Ванда—рыболовный снарядъ Сл.

Вискирь—см. у Даля: выскирь Ш.

Волок — большой лѣсъ, не менѣе верстъ 15-ти, по которому пролегает дорога; ненроѣзжій же—раменъе. Еп. Чц. Ших. и пр.

Вѣнец: *вѣнец сронила* — нарушила супружескую вѣрность. Н. Сбщ.

Г.

Голка—см. у Даля: голица. Взн.

Гоны—длина полосы на паниѣ: 30—50 саж.; народная мѣра разстоянія. Взн.

Готово: на готово—окончательно. Н. у. Сбщ.

Грудица—10 споповъ яроваго хлѣба. Уц. Ших.

Д.

Дек: дек человѣкъ—веселый до безумія. Ож.

Декаться — веселиться. ib.

Дековство—баловство. Чц.

Дыгать—прыгать. См. сказку № 4-й, Шв.

Е.

Ерызнуть—ударить. Чц. Ших.

З.

Завсе—воегда. Взн.

Забродить: дѣвка забродила — сбилась с пути, спозналась с мужчиной Н. у. Сбщ.

Занос: *o заносѣ*—говорится о небѣ, когда оно дѣлается пасмурным. В.

Зарость — зависть Ожг.

Зарыск } околица, окольный путь. Кст. Чц.
Зарысь }

Заспа — крупка Сл.

И.

Изладиться — обрядиться, собраться Н. у. Сбщ.

К.

Кабан — стог сѣна круглой формы. Нѣсколько кабанов (неопределенное число) составляют *зарод*, — скирду продолговатой формы. Вzn. Зил.

Колѣно — куплет, часть нѣсни, повторяющаяся с небольшим измѣнением нѣсколько раз. См. напр. пѣсню № 7-й. Шв.

Крошки см. у Даля: крошни Шв.

Крыльца — плечи, спина Ен.

? Кусёр — лог, поросшій травою Н. у. Сбщ.

Кутник — полок. Чц. Ших.

Л.

Лавы — деревянные мостки, образующіе тротуар. Дм. Сл.

Лизун — коровій язык. Урж.

Лопотина — одежда Мли. Шв. Лопоть — тоже, въ собираят. значеніи. Шв.

Лукаться — бросаться чѣм Ал.

Лыва — лужа. Дем. Сл.

Лять (лядь? ледь?) — гололедица Чц.

М.

Мостица — сѣни Ен.

Молить — рѣзать скот. Кст. Чц. ¹⁾.

Н.

Назём — павоз. Сл.

Но — да. Чц.

¹⁾ Ibid. употребляется и рѣзать. Рѣзать можно все, молить — только скот.

Несручен — исискусен. Взп.¹⁾.

Несручино — неудобно Шв.

О.

Ординки — рукавицы, мѣхомъ наружу, выдѣланныя изъ шкуры
стениаго барана Взп.

Обретивться — сдѣлаться ретивымъ, воспринять бодрость Еп.

Обрыситься — осердиться, ощетиниться, Обх.

Обизорной — красивый? Шв.

П.

Подсад — мелкая трава, проросшая въ овсу Взп.

Подсада — мелкая трава, остающаяся под пашней Шв.

Посзгаться — пообѣщаться Чц. Ших.

Помзя — рыболовный снарядъ. Чц. Сп. Дм. Сл.

Поначе — лучше Шв.

Потерять — погубить Шв.

Потѣснить душеньку — наѣсться до отвалу, обожраться Н. у. Сбщ.

Поцалычить — поболтать Юн.

Причалить — привязать Еп.

Проворен — силён Еп.

Просьниь — поемые луга Ших.

Пѣстовать } см. у Даля. П. у Сбщ.
Пѣстунья }

С.

Сильки — циплята В.

Скленица — см. у Даля. Сп.

Сдѣлалось — пришлось. Еп.

Соковые ланти — ланти изъ луба, содранного весною. Сл. Ал.

Столованье — см. у Даля Н. у. Сбщ.

Сутки — передній уголъ въ изб. Чц. Ших.

¹⁾ Несручен? несручино?

У.

Убиваться — сожалѣть о ком. Бхт.

Узг—угол съ наружной стороны зданія. Чц. Шх. и въ другихъ мѣстах.

Утроба — живот. Пж.

Х.

Хлибить: *хлибит* — говорится о лошади, разбитой на ноги. Влячтр.¹⁾

Хлам — багаж, поклажа, имущество. Ос.

Ш.

Шубянка — мохнатая рукавица, противоположна голкѣ. Вzn.

Въ Вятской губерніи я записалъ пять сказокъ и 35 №№ пѣсень. Почти весь этотъ материалъ имѣеть значеніе только со стороны языка. По содержанію большая часть собранныхъ пѣсень ничтожны.

Кажется, Вятская губернія принадлежитъ къ числу очень бѣдныхъ народно поэтическими данными.

Древнихъ историческихъ и былевыхъ пѣсень въ ней, на сколько мнѣ известно, вовсе неѣтъ. Пѣсни повседневныя не отличаются поэтическими красотами. Даже въ свадебныхъ пѣсняхъ не много поэтическаго элемента. Нѣкоторыя изъ нихъ по своему содержанію даже грязны.

Изъ сказокъ по содержанію стоятъ вниманія двѣ былины въ прозаической формѣ. Подъ страннымъ именемъ Осипа Прекраснаго является никто другой какъ Илья Муромецъ.

¹⁾ Ежели звѣзда упадет на лошадь, то она хлибит задом или передом.
ibid.

Нѣкоторыи пѣсни записаны мною съ голоса, нѣкоторыя по пересказу. Замѣчательно, что весьма немногія лица способны пересказать пѣсню. При пересказѣ болышею частію выходитъ цутаница: вставляется одно, выпускается другое; являются не-нужные слова — *вѣдь*, *молг* и т. п. и исчезаютъ тѣ частицы, которыми условливается стройное теченіе пѣсенного стиха.

Собранный мною матеріалъ можетъ служить къ характеристикѣ говоровъ и — частію — народной поэзіи — двухъ только уѣздовъ: Вятскаго и Нолинскаго.

ЗАМЪТКИ

о

ЯЗЫКЪ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ВЪ ОБЛАСТИ СЪВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

М. А. Колосова

Отчеты Отдѣленію русскаго языка и словесности.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXX^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОММІСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б. Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1877 г.
Непремѣнныи Секретарь *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѣ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

~~~~~

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

4. Владимирско-суздальскій и ярославскій край.

Въ промежутокъ времени съ октября до половины декабря я объѣхалъ большую часть владимирской губерніи¹⁾, значительную часть ярославской²⁾, нижегородской³⁾ и казанской⁴⁾, и малую часть тверской⁵⁾ и вологодской⁶⁾ губ.

Въ вологодскую я только заглянулъ, въ тверской былъ лишь проѣздомъ; казанская и даже нижегородская (несмотря на всю важность, представляемую ею въ діалектическомъ отношеніи) имѣли для меня лишь второстепенный интересъ. Такъ какъ главною цѣлью я поставилъ для себя наблюденіе народнаго языка въ тѣхъ краяхъ, гдѣ русское населеніе осѣлось изстари; въ краяхъ, имѣющихъ значеніе историческихъ центровъ, то — послѣ новгородской области — въ предѣлахъ окающаго нарѣчія естественно должно было привлечь особенное мое вниманіе владимирско-суздальскій край и частью ярославскій.

1) Посѣтилъ слѣдующіе города и ихъ уѣзды: Владимиръ, Суздаль, Переяславль, Юрьевъ, Александровъ, Ковровъ, Шуя, Ивановъ-Вознесенскъ.

2) Ярославль, Ростовъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ.

3) Отъ Нижнаго до границы нижегородской губ. съ казанской.

4) Казань, Чебоксары, Свінжекъ, Царевококшайскъ.

5) Тверь.

6) Вологда, Грязовецъ.

Сообщеніе о томъ, что я вынѣсъ изъ путешествія по этимъ краямъ, могло-быть быть сдѣлано мною Отдѣленію еще въ началѣ текущаго года, слѣдовательно пѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Это сообщеніе замедлилось по непредвидѣннымъ мною и независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Считаю не лицинимъ упомянуть о нихъ.

Уже на первыхъ порахъ своихъ странствованій я убѣдился, какъ не только важна, но рѣшительно необходима помощь мѣстныхъ жителей въ такомъ дѣлѣ, какъ то, за которое я взялся. Мне казалось, что помочь эта не замедлится, — стоитъ только ясно выразить, въ чемъ должна состоять она. Отдѣленіе повидимому раздѣлило такое мое убѣжденіе, напечатавъ составленную мною «программу для сбиранія данныхъ въ области сѣверно-великорусского нарѣчія». Снабженій въ октябрѣ достаточнымъ количествомъ экземпляровъ ея, я думалъ, что болѣе, чѣмъ прежде, гарантированъ въ успѣхѣ дѣла. Личныя наблюденія тѣ сообщенія, которыя, на основаніи программы, предполагалось, сдѣлаютъ мнѣ, въ интересахъ науки, лица, знакомыя съ краемъ — должны были дать многое. Такое естественное ожиданіе оправдалось однако далеко не вполнѣ.

Между тѣми лицами, къ которымъ я обращался за содѣйствиемъ, нашелся линь одинъ человѣкъ, затруднившійся обѣщать мнѣ его¹⁾; всѣ остальные съ полною готовностью брались за дѣло, и — за двумя, тремя исключеніями — ровно ничего не сдѣлали.

Между тѣмъ мои личныя наблюденія во владимѣрской и ярославской губ. не были особенно счастливы. Не смотря на то, что я въ первой изъ нихъ посѣтилъ десятки сель и деревень, многое изъ того, что мнѣ хотѣлось знать, осталось для меня неизвѣстнымъ. Два мѣсяца провелъ я въ Казани, куда должны были послѣдовать изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ обѣщанныя мнѣ такъ обязательное сообщенія, долженствовавшія пополнить

¹⁾ Директоръ народныхъ училищъ нижегородской губ.

пробѣлы въ моихъ личныхъ наблюденіяхъ. Ожиданія этихъ сообщеній оказались однако напрасными. Въ половинѣ февраля я уѣхалъ въ вятскую губ., откуда возвратился въ концѣ марта. Сообщеній не было¹⁾.

Я увидѣлъ себя вынужденнымъ поѣтить еще разъ нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ былъ уже зимою и осенью. Отославъ въ Отдѣленіе отчетъ о вятскомъ краѣ, я, въ половинѣ апрѣля, съ первымъ пароходомъ, отиравшись снова во влади-

1) Не могу обвинить себя ить томъ, что доиѣрился сдѣланнѣмъ мнѣ обѣщаніямъ: они шли отъ лицъ министерства народного просвѣщенія; лицъ, слѣдовательно, близко стоящихъ къ наукѣ, интересы которой, казалось бы, не должны быть чужды имъ. Главнымъ образомъ разсчитывалъ я на директоровъ народныхъ училищъ и смотрителей уѣзденыхъ. Они, ревизуя училища по селамъ и деревнямъ, находятся въ частомъ общеніи съ народомъ, и, безъ особаго труда, при нѣкоторомъ вниманіи, могли бы сдѣлать не мало интересныхъ наблюденій надъ языкомъ его. Кромѣ того, находящіеся въ ихъ распоряженіи сельскіе учителя ис премишили бы, конечно, собрать и доставить имъ пригодный для дѣла матеріалъ, посѣдѣдъ только съ ихъ стороны хоть косвенное заявленіе желанія имѣть таковой Странно, что представители учебной администраціи въ 20, 30 и 40-хъ годахъ вовсе не отличались такимъ равнодушіемъ къ дѣлу науки, какъ нынѣшніе. Областной Словарь Академіи Наукъ составленъ, какъ известно, въ значительной степени на основаніи сообщеній директоровъ, учителей и штатныхъ смотрителей. Находились прежде директора училищъ, по собственному даже, какъ кажется, побужденію, заботившіеся о собраніи данныхъ для характеристики народнаго языка. Директоръ ярославской гимназіи передалъ мнѣ не вошедшее ить описание гимназического архива «дѣло о собраніи провинціальныхъ словъ». Въ «дѣлѣ» этомъ находится нѣсколько списковъ мѣстныхъ (углицкихъ, рыбинскихъ, ростовскихъ, мологскихъ, любимскихъ) словъ и рапорты смотрителей, препроводившихъ эти списки директору училищъ (Клименку), въ силу его предписанія. Не безъ интересны эти рапорты для лѣтописи русскаго просвѣщенія. Въ одномъ изъ нихъ «отъ угличскаго народнаго училища учителя и канонера Любимова», между прочимъ, есть слѣдующіи строки: «иъ разсужденій предписанія вашего ко мнѣ отъ 24 декабря прошлаго 1819 года № 288, о сдѣланіи вамъ каталога провинціальныхъ словъ... я отишепиѣмъ просить Земскій Судъ, чтобы благоволилъ дать знать мнѣ о таковыхъ, употребляемыхъ въ подвѣдомственномъ ему уѣздѣ слонахъ; на что сей Судъ отношеніемъ... извѣстилъ меня, что онъ касательно тѣхъ слонъ ить сноемъ уѣздѣ видимости не имѣть. По сему сколько могъ я самъ, собою отъ постороннихъ людей собрать такихъ речений, сдѣланнѣй мною оныхъ каталогъ, при семъ имѣю честь къ вамъ препроводить». Способъ собирания народныхъ словъ при посредствѣ Земскаго Суда, конечно, не можетъ не казаться забавнымъ, но неумѣлость вести дѣло все же лучше полнаго равнодушія къ нему.

мірскую губ. ¹⁾). Сверхъ владимірской, я, въ эту поѣздку, остановился (на короткое, впрочемъ, время) въ костромской губ. ²⁾.

Отмѣтивъ прискорбный фактъ равнодушія къ дѣлу науки тѣхъ, кому ея интересы должны бы быть дороги, я тѣмъ съ большей признательностью долженъ упомянуть о лицахъ, оказавшихъ мнѣ свое содѣйствіе не на словахъ только.

Члены владимірского статистического комитета, жители г. Мурома, — Н. Г. Добрынкинъ и Е. П. Добрынкина, въ особенности послѣдняя, сообщили мнѣ многое касательно языка населенія муромскаго уѣзда. Большая часть нижеприводимыхъ данныхъ, относящихся къ этой мѣстности, извлечена мною изъ письменныхъ сообщеній, обязательно сдѣланыхъ мнѣ г-жою Добрынкиной.

Г. Рогозинниковъ, инспекторъ ярославской гимназіи, сдѣлалъ чѣкоторые замѣчанія на поляхъ моей программы о языке населенія ярославской губ. и кашинскаго уѣзда тверской губ.

Этими материалами я располагалъ уже въ январѣ текущаго года. Въ сентябрѣ, уже по возвращенію въ Варшаву, я получилъ два экземпляра своей программы съ отмѣтками о языке населенія ярославской губерніи — отъ директора народныхъ училищъ этой губерніи, г. Шпеера ³⁾.

¹⁾ Здѣсь я убѣдился, что изъ лицъ, отъ которыхъ я ждалъ сообщеній никто и не подумалъ напечатать хотя бы самыи общи справки по вопросамъ мною намѣченнымъ. Вообще, безучастіе къ моему дѣлу, въ средѣ лицъ нашего вѣдомства, нигдѣ не обнаружилось, ни раньше ни позже, въ такой степени, какъ во владимірской губ.—Во вторую поѣздку свою въ эту губ. я, сверхъ владимірского и сузальскаго уѣздовъ, гдѣ бывъ и раньше, я посѣтилъ еще города Муромъ и Судогду съ частію уѣздовъ ихъ.

²⁾ Кострома, Кинешма и отъ Кинешмы внизъ по Волгѣ, по пути къ Нижнему.

³⁾ Кто именно дѣлалъ отмѣтки на поляхъ этихъ двухъ экземпляровъ программы, мнѣ осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Отмѣтки эти интересны и обстоятельны, и однако же липпъ весьма немногое я могу ввести изъ нихъ въ настоящій отчетъ. Это потому, что — къ крайнему сожалѣнію — въ отмѣткахъ этихъ липпъ не рѣдкихъ случаяхъ означена мѣстность, къ которой слѣдуетъ отнести ту или другую изъ сообщенныхъ звуковыхъ особенностей.

Въ разыѣздахъ моихъ по названнымъ выше губерніямъ (за исключениемъ Вологодской) я поставилъ себѣ главною цѣлью— опредѣлить отношеніе, существующее между такъ называемыми съвернымъ и восточнымъ нарѣчіями.

Я не признавалъ дѣленія велико-русскаго языка на четыре части по четыремъ странамъ свѣта, различая въ немъ только два нарѣчія: окающес (съверное) и акающес (южное). Но было важно выяснить, точно-ли первое имѣеть два подраздѣленія, какъ несомнѣнно имѣеть ихъ второе.

Даль говорить (О нарѣчіяхъ, 34), что между владимирскимъ (восточнымъ) и новгородскимъ (съвернымъ) нѣть ни одного всеобщаго отличительного признака, и что всѣ частные признаки— отрицательные. Но и отрицательныхъ признаковъ достаточно, чтобы признать разность двухъ нарѣчій, или по крайней мѣрѣ поднарѣчій. Меня занималъ поэтому вопросъ: точно ли отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимирскомъ.

Къ послѣднему Даль относитъ губерніи: Владимиrскую, Ярославскую, Костромскую (частію), Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую. Въ Оренбургской я не былъ. Изъ остальныхъ шести я, по вышеуказанной причинѣ, въ послѣдующемъ приведу данныя, касающіяся языка лишь первыхъ трехъ, по преимуществу — первыхъ двухъ, какъ наиболѣе типичныхъ въ области восточнаго (по Далю) нарѣчія.

Какъ первый признакъ восточнаго нарѣчія Даль ставить слѣдующее относительно его утвержденіе: «Говорь окающій, самый низкій; не только о никогда не обращается въ *a*, но даже и письменное *a* слышно тамъ только, гдѣ на него падаетъ удареніе; о произносится грубо, протяжно самою глубиною пасти, еще звучитъ, чѣмъ въ нарѣчіи съверномъ; равно буква *e* чаще произ-

носится ё; о никогда не обращается въ двугласную *уо* или *уы*» (О нарѣчіяхъ, 33).

Все это я долженъ признать или прямо не вѣрнымъ или не точнымъ. О звукахъ *a* и *o* въ восточномъ нарѣчіи¹⁾ я, по личнымъ моимъ наблюденіямъ и сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу утверждать слѣдующее:

1) Никакъ нельзя сказать, чтобы въ восточномъ нарѣчіи о *никогда* не обращалось въ *a*. Случай такого обращенія о въ *a* также спорадически встрѣчаются и здѣсь, какъ и на сѣверѣ. Въ Муромѣ, напр., говорятъ: какунка. Въ Зарѣченской (т. е. на правомъ берегу Оки) сторонѣ муромскаго уѣзда: кокушка, но — тамъ-же: карабь, залотой, скварница, слабода, ча(е)рдакъ, ма-лонья (но лѣвую сторону Оки — молонья), Михайла. Этими примѣрами исчерпываются кажется, всѣ случаи измѣненія о на *a* въ означенной мѣстности. Въ срединѣ владимирской губ. мнѣ такихъ случаевъ съ *a* вм. о не встрѣтилось²⁾.

Что приведенные примѣры *a* вм. о въ Зарѣченскомъ говорѣ нѣть нужды объяснять непремѣнно вліяніемъ рязанскаго нарѣчія, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются и на сѣверѣ³⁾. Кроме того, и въ ярославской губерніи, — по преимуществу, какъ мнѣ кажется, окающей, — встрѣчаются тоже случаи измѣненія о на *a*: во многихъ мѣстахъ — манастырь, манахъ, канвой, Расея; въ ростовскомъ уѣздѣ: карабь, мастовая, Михайла, Пётра (Петро); въ романовскомъ уѣздѣ слышится *a* вм. о въ род. пад. прil. м. р. ед. ч.: великова, доброва и т. п.⁴⁾.

Отъ случаевъ спорадического измѣненія о на *a* слѣдуетъ отличить *a* изъ *o* условленное вліяніемъ московскаго говора. Не смотря на близость къ Москвѣ, сношенія съ нею и отхожіе про-

1) Употребляя пока этотъ терминъ, я не придаю ему никакого дѣйствительного значенія.

2) Изъ чего я однако еще не заключаю, что ихъ вовсе нѣть тамъ.

3) Материалъ и пр. стр. 3.

4) И эти случаи не чужды сѣверу. Хотя мнѣ въ сѣверныхъ губ. и слышалась постоянно *ово*, но въ сборникахъ Гильфердинга и Барсова есть случаи окончанія прилагательныхъ на *ово* (см. *ibid.* I. c.).

, ярославцы относительно коренной черты своего нарѣчія (з сохраненія неударяемаго о — оказываются гораздо устойчивонѣхъ сосѣдей владимирцевъ. Я не встрѣтилъ въ ярославскѣи ни одного акающаго села; во Владимірской же въ тѣхъ

и деревняхъ, жители которыхъ ходятъ на заработки чаущественно во владимирскомъ и сузальскомъ уѣздахъ) дѣ развилось на столько, что говоръ почти не отличается отъ вавскаго¹⁾). Туже, и даже еще болыниу податливость къ чуневліянію, выказалъ говоръ костромичей. Въ костромской зи, по собраніемъ мною свѣдѣніямъ, аканье слышится во (в тѣхъ уѣздахъ, жители которыхъ занимаются отхожими обслами: перехтинскомъ, галицкомъ, солигаличскомъ, чухотмъ. И кажется, аканье распространяется: имъ заражаются чти тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились посредственнымъ вліяніемъ московскаго говора. Такъ творили, что въ плещеской волости солигаличскаго уѣзда, дѣшицъ съ буйскимъ, сильно акаютъ, несмотря на то, что жи-

гой волости отхожими промыслами занимаются мало²⁾). Въ смѣ уѣзы этой губерніи (ветлужскій, варнавинскій, коло-Сій, часть макарьевскаго) аканье, конечно, не проникло; осѣльшился оно и въ фабричныхъ уѣздахъ (костромскомъ, щекомъ и кинешемскомъ)³⁾.

по Невѣрно и то утверждѣшіе Даля, что *a* слышно лишь тамъ, об_____

'аково — для примѣра — село Борисовское, на большой дорогѣ между ромъ и Суздалемъ, населенное каменицками, природными владимирьицами однако по московски.

обицено секретаремъ костромского статистического комитета г. Пич.

оворя о смѣнѣ о на *a*, нельзя не отмѣтить слѣдующаго страннаго слѣ хотя оно и не принадлежитъ къ области собственно народныхъ говоръ г. Муромѣ есть нѣсколько кучеческихъ семействъ, члены которыхъ мѣш превращаются изъ *a*. Они говорятъ: май вм. мой, кашка вм. кошка, приодомъ и т. н. Куницы эти природные муромляне. Но крайней мѣрѣ извѣшъ ужъ нѣсколько поколѣній ихъ живетъ въ Муромѣ. Какъ и когда о шла въ ихъ языкѣ эта особенность (выдерживаемая, какъ меня увѣзвостоянно) — неизвѣстно (Сбщ. гг. Добриниными).

гдѣ на него падасть удареніе. Неударяемое *a* измѣняется на *o* нерѣдко, можетъ быть даже чаще чѣмъ на сѣверѣ, но все же гораздо больше случаевъ сохраненія неударяемаго *a*, чѣмъ перехода его въ *o*.

Начальное *a* измѣняется на *o* часто въ собственныхъ именахъ: Ондрей, Онтон, Окулина, Офанасей и т. п.¹⁾; рѣдко въ нарицательныхъ: онбар (Мур. у.)²⁾.

Въ срединѣ словъ — и во владимѣрской и въ ярославской губерніяхъ — постоянно, какъ и на сѣверѣ, *o* вм. *a* въ производныхъ отъ корня *роб* = *раб*: роботать, роботник и т. п. Постоянно же измѣняется *a* на *o* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.: *ово* и *ова* вм. *аво* (= *аго*)³⁾.

Въ концѣ словъ и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *o* вм. *a* только въ словахъ съ суффиксомъ *уш-ка* (*юш-ка*) муж. р.: батюнко, дядюшко⁴⁾.

3) Ярославское *o* произносится действительно звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ, — это рѣзко отчеканенный звукъ; но во владимѣрской и костромской губ. выговоръ *o* нисколько, по моимъ наблюденіямъ, не отличается степенью звучности отъ новгородскаго. Во владимѣрской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу.

4) Совершенно вѣрно утвержденіе Даля, что нигдѣ въ восточномъ *o* не переходитъ въ двугласный *уо*, *уы*, но, на сколько мнѣ известно, такого перехода нѣть и на сѣверѣ⁵⁾.

¹⁾ См. въ 3-мъ отчетѣ о вятскомъ *уо*. Если даже и допустить, что гдѣ либо въ Вятчинѣ слышится такой звукъ, то все же нельзя его признать однимъ изъ отличительныхъ звуковыхъ признаковъ сѣвернаго нарѣчія по сравненію съ восточнымъ.

²⁾ Такъ по многихъ мѣстахъ и владимѣрской и ярославской губ.

³⁾ Другихъ примѣровъ не знаю, но конечно они есть.

⁴⁾ *ово* вм. *аво* представляетъ измѣненіе на *o* звука *a*, слѣдующаго за ударяемымъ слогомъ: дѣбрано. Во всѣхъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, случаяхъ перехода *a* въ *o*, — *a* предпестнуется ударяемому слогу: боран, ломпѣдка, локѣй, не зомай и т. п. (См. Потебни Два изслѣд. 76. Ср. Материалъ и пр. 6.).

⁵⁾ Есть-ли однако основаніе считать въ подобныхъ случаяхъ суффиксъ *ка* болѣе первичнымъ, чѣмъ *ко*?

Встрѣчающіеся изрѣдка на съверѣ случаи измѣненія *о* на *у* и обратно изрѣдка же встречаются и въ восточномъ нарѣчіи. Въ Мур. уѣздѣ можно слышать — Бу(о)городица (дер. Корниловка), ко(у)кушка (Зарѣченская сторона того же уѣзда); въ Яросл. губ.: и — коковать и — куковать¹⁾). По аналогіи съ измѣненіемъ *о* на *у* есть случаи измѣненія *е* на *ю*. Знаю, вирочемъ, только одинъ относящейся сюда примѣръ: очо(е)нь (Зарѣч. стор. М. у.). Въ такой формѣ это слово мѣстами слышиится и на съверѣ²⁾.

Не оправдывается, кажется мнѣ, и то положеніе Даля, по которому *е* въ восточномъ, по его термину, нарѣчіи произносится чаще какъ ё, чѣмъ въ съверномъ. По моимъ наблюденіямъ, во владимірской губерніи (за исключеніемъ муромскаго уѣзда) такое превращеніе *e* встрѣчаются не чаще, чѣмъ, напримѣръ, въ новгородской.

Тѣмъ не менѣе, число случаевъ съ ё вм. *e*, какъ во владимірской такъ и въ ярославской губ., — огромно.

Случаи эти тѣже, что на съверѣ. Даже кругъ словъ съ корневымъ ё вм. *e* — тотъ-же, или почти тотъ же. Привожу въ доказательство сказаннаго рядъ словъ, записанныхъ въ муромскомъ, судогодскомъ и переславскомъ уѣздахъ: бѣда, бѣдро, бѣрёгъ; вѣника (вѣха), вѣрста, вѣнцої, вылѣтать; дѣржит; ёда, ёво; нѣсла; бѣпѣхнуть; нѣсок; рѣка; сёло, слѣза, сёстра.

Слѣдовательно, не только ё изъ основнаго *e*, но и изъ *e*, смѣнившаго *ю*. Случаевъ послѣдняго рода въ ярославской губ. не знаю.

Излишне было бы приводить здѣсь всѣ известныя мнѣ — по личнымъ наблюденіямъ и полученнымъ отъ вышеназванныхъ лицъ сообщеніямъ — случаи перехода некоренного *e* въ ё. Ограничусь

1) Въ одномъ изъ экземпляровъ программъ, пересланныхъ мнѣ г. Шпесромъ, при рубрикѣ *о* — *у* приведены слова: пу(ой)дем, у(о)кунись, у(о)городи. Самъ я никогда такихъ случаевъ не встрѣтилъ, и не знаю, какой именно мѣстности губерніи принадлежать они.

2) Въ Кижахъ олонецкой г. См. Сборникъ Гильфердинга стр. 471.

общимъ замѣчаніемъ, что на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ¹⁾ примѣры могутъ быть приведены²⁾. Иногда и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *e* остается при своемъ звукѣ, не переходя въ *о* (ё), при условіяхъ, которыя въ южно-великорусскомъ неизбѣжно вызвали бы такое превращеніе. Въ ярославской губ. я не встрѣтилъ такихъ случаевъ, но во владимѣрской (въ переславскомъ и владимѣрскомъ уѣздахъ) слышалъ: далѣко, чёрненькой, тѣпленькой.

Въ щуйскомъ уѣздѣ слышалъ я — сожгомъ вм. сожгомъ. Въ губерніяхъ, о которыхъ я говорю теперь, — это единственный извѣстный мигъ случай явленія, которое нерѣдко встрѣчается въ говорѣ Витчанъ. Я былъ, слѣдовательно, не совсѣмъ правъ, посмотрѣвши на формы, подобныя — россѣкомъ, переволокомъ и т. п., какъ на специальную вятскую особенность³⁾. Вѣрою однако то, что подобный звуковыя формы чрезвычайная рѣдкость во всѣхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ, за исключеніемъ вятскаго, по чьему и могутъ быть признаны характерной чертой говора Вятчанъ.

Начальное *e* обращается въ восточномъ нарѣчіи, какъ и на сѣверѣ, въ однихъ случаяхъ въ *йо*, въ другихъ въ *о*.

Древняя форма — още=еще слышится мѣстами въ ярославской губ. (романовскій уѣздъ); во владимѣрской я ее не встрѣтилъ.

Превращеніе начального *e* въ *о* и *йо* (йово=ево и т. п.) въ окающемся нарѣчіи совершается независимо отъ ударенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, чѣмъ условливаются измѣненіе *e* и разность этого измѣненія (*о* и *йо*)?

Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что дѣйствующая причина явле-

¹⁾ Стр. 6—8 отдѣльного оттиска программы; стр. 100—102 отд. оттиски первыхъ двухъ отчетовъ моихъ.

²⁾ Конечно, если взять въ разсчетъ различные говоры владимѣрской и ярославской губ. (исключая одинако пошеконскій и ситскій послѣдней, которые я не имѣю въ виду).

³⁾ См. 3-й отчетъ мой: Витскій край. Въ олонецкой губ. (Кигли) есть, какъ видно изъ сборн. Рыбиникона (л. 70), форма — бодрущ бѣдру (Материалъ 23). Сюда же слѣдуетъ отнести и формы съ *со* вместо ся черезъ се—сѣ. См. Материалъ 22.

нія въ обоихъ случаяхъ одна: стремлениe языка избѣжать начальнаго *e*. Это стремлениe породило въ древне-русскомъ рядъ словъ съ начальнымъ *o* вм. *e*. Разумѣю здѣсь не такіе случаи, какъ обще-русскія формы — олень и под., а такіе какъ съверно-великорусскія — още, Олена и т. д.¹⁾. Эти формы и подобныи имъ предполагаютъ, по моему мнѣнию, не формы — юще, Елена (їеще, Йелена), а формы еще, Елена, т. е. формы съ чистымъ не йотованнымъ *e*. Тѣ слова, въ началѣ которыхъ *к* а не *e* (ево и т. п.), даютъ формы съ *ao*, а не *o* (йово-вно). Форма *къщо* (їещо), являющаяся при оице, не предполагается послѣднею и не противорѣчить сказанному: мѣстами въ окающемся нарѣчіи сохраняется и нейотованное начальное *e*. Къ отмѣченнымъ уже случаямъ такого рода²⁾ могу теперь добавить — муромское *ешо* (эшо) и (по сообщенію) кологривское — если (если).

e на *и* измѣняется рѣдко какъ и на съверѣ. Вообще можно сказать, что въ восточномъ, какъ и въ съверномъ нарѣчіи, гласные звуки отличаются несравненно большею устойчивостью, чѣмъ въ южномъ.

Словъ съ *e* вм. *i* я въ восточномъ не слышалъ вовсе³⁾. Что такое измѣненіе спорадически встрѣчается и здѣсь, можно заключить изъ прилагаемой сказки. Въ ней вм. барин — барец⁴⁾ вм. поставил — поставил, вм. положил — положел. Форма — гнѣт

1) Быть можетъ такія формы (какъ и формы съ начальнымъ *o* и *a*) составляли никогда принадлежность всего русского языка. Южно-великорусск. *Алёна* не могло явиться непосредственно изъ *Елена*, а предполагаетъ непосредственную форму *Олена*; генѣ — южно-велико-русское, илиющеся и на съверѣ на ряду съ оице, быть можетъ, явилось изъ послѣдней формы, черезъ позднѣйшую йотацію *o* и видоизмѣненіе этого послѣдняго подъ влияніемъ йоты. Ср. сказанное въ первомъ отчетѣ о формахъ, подобныхъ — Езеро, Един.

2) См. 8-й отчетъ.

3) Формъ, подобныхъ — на лошадѣ, к матери (яросл. г.) не беру и въ разсчетѣ: онѣ представляютъ собою, безъ сомнѣнія, не фонетическое, а формальное явленіе.

4) Ср. псковское воен вм. воин. (Шейнъ, Русскія народныи пѣсни 551).

вм. гніёт (Зарѣч. ст. м. у.) быть можетъ должна быть объясненіемъ уподобленіемъ звуковъ.

Формы съ *eij* вм. *ii*, свойственныя съверу, нерѣдко встречаются и здѣсь. Чаще такое измѣненіе имѣеть мѣсто въ собственныхъ именахъ Василей и т. п.; рѣже въ прилагательныхъ, въ которыхъ *e* большею частію слышится не вполнѣ ясно¹).

Вмѣсто *ii* я вездѣ слышалъ *oi* независимо отъ ударенія: тихой и т. п.

Въ срединѣ словъ *ы* переходитъ въ *о* только въ словѣ *нонѣ*, какъ въ древне-русскомъ и современномъ съверно-великорусскомъ.

ы им. *у* только въ словахъ — бытто, слыхъ, слѣдовательно опять таки въ тѣхъ же случаяхъ, что и на съверѣ.

О мѣнѣ *и* съ *и* сказано ниже.

Второй признакъ, отличающій восточное нарѣчіе отъ съвернаго по Далю слѣдующій: «никогда не произносятъ (въ восточномъ нарѣчіи) *и* вм. *и*, ниже я вм. *e*, ни на оборотъ». (О нарѣчіяхъ 33).

Измѣненіе *e* на *я*, какъ известно, на столько же не свойственно окающему нарѣчію, какъ и смѣна *o* на *a*. Вѣроятно Даль разумѣеть здѣсь такие случаи, какъ имянинникъ, сѣмяна и т. п., чо это явленіе, имѣющее мѣсто и въ восточномъ нарѣчіи, не принадлежитъ, по моему мнѣнію къ области фонетики, а объясняются народной этимологіей²).

Обратное явленіе *e* вм. *я* есть такъ называемое перегласованіе, о которомъ — ниже.

Смѣна *и* на *и* считается обыкновенно одною изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ съверной или новгородской фонетики. Если бы дѣйствительно оказалось, что восточному или владимирско-суздальскому нарѣчію смѣна эта вполнѣ чужда, слѣдовало бы признать его относительную особность отъ съвернаго, уже въ силу

¹⁾ Ср. замѣченіе объ этомъ звуковомъ явленіи во 2-мъ отчетѣ стр. 120.

²⁾ См. Материалъ стр. 41.

отсутствія въ немъ одной только этой черты. Но оказывается, что спорадическое случаи смѣны *и* на *и* встречаются и здѣсь. Нельзя не вспомнить при этомъ, что и въ новгородскомъ нарѣчіи лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ новгородской губ. выдерживается эта смѣна, какъ болѣе или менѣе постоянное явленіе; затѣмъ, въ большей части мѣстностей этой губ. и всѣхъ другихъ, отчисляемыхъ къ сѣверному нарѣчію и вм. *и* является лишь изрѣдка, въ ограниченномъ кругу словъ, нерѣдко въ двухъ только: *исть* и *издѣть*¹⁾.

Сporadicheskie случаи измѣненія *и* на *и* въ восточномъ нарѣчіи отмѣчаются и Даль, опредѣляя признаки говоровъ по уѣзdamъ.

Bo владимирской губ. онъ указываетъ на ковровское: засмотрѣлся. Глаголь смотрѣть я слышалъ въ формѣ смотрѣть (посмотрѣть, до-смотрѣть) не только въ ковровскомъ, но и въ уѣздахъ владимирскомъ (къ югу отъ Владимира) и судогодскомъ (вблизи Судогды). Въ послѣднемъ (деревня Сойма) слышалъ я, сверхъ того, поисти (пойсти = поѣсть)²⁾. Въ ростовскомъ у., яросл. г., мѣстами єсть = ись (но, какъ и въ судогодскомъ владим. г., на сколько знаю, — єздить, а не издѣть). Тамъ же изрѣдка слышиштся, свойственно сѣверу, здѣсь вм. здѣсь (здесь). Въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій и вм. *и* я нигдѣ не слышалъ ни во владимирской ни въ ярославской губ. Не встрѣтилъ ни въ той, ни въ другой и смѣны коренного *и* на *и*³⁾.

1) См. 1-й отчетъ.

2) Тамъ-же, пѣроятно, по аналогіи съ петь=ѣсть, и есть (3 л. п. пр. глагола быти) произносится почти какъ исть.

3) Весьма однако пѣроятно, что при болѣниемъ знакомствѣ съ краемъ отыскались бы и такіе случаи. Меня уѣрили, что въ судогодскомъ уѣзде можно слышать мѣстами (но, где именно, указано не было) — писня. Въ виду меленковского хлеба, приводимаго Далемъ (О нарѣчіяхъ 36), можно придать вѣроятность этому сообщенію. Въ одной изъ программъ, доставленныхъ мнѣ г. Шпееромъ, есть следующая отмѣтка: «*мѣстностями* (въ яросл. г.) выдерживается измѣненіе *и* на *и* почти постоянно: недиля, мисто, медвѣдь, бида, сивер, звирь, свит и пр.». Понятно, что такимъ неопределѣленнымъ сообщеніемъ воспользоваться нельзя. Самъ я такихъ мѣстностей не встрѣтилъ, и ни отъ кого о нихъ не слыхалъ. Справка по этому поводу будетъ наведена.

Въ селѣ Карочаровѣ слышалъ — сивер. Но — не лишнее будетъ при этомъ замѣтить — и въ области южно-великорусского можно слышать мѣстами сиверко (по однако же — сѣвер) ¹⁾.

Въ костромской губ. случаи смѣны *и* на *и* чаще, чѣмъ въ двухъ вышенназванныхъ. Даль говоритъ, что «гдѣ окаютъ, тамъ (въ костромской губ.) смѣняютъ въ глаголахъ *и* на *и*. (О нарѣчіяхъ 38). Но кромѣ тематического *и* глаголовъ, встрѣчается эта смѣна и въ корняхъ словъ. Случаи этой смѣны представляютъ не только сѣверные уѣзды, пограничные съ вологодской губ., и восточные (ветлужскій, вариавинскій), по говору, какъ кажется, примыкающіе къ Вяткѣ, но и пограничный съ ярославской губ. костромской уѣздъ ²⁾.

Свойственное сѣверу *и* въ окончаніи сравнительной степени прилагательныхъ, оказывается не чуждымъ и восточному нарѣчію. Во владимирской губ. такихъ формъ я не встрѣтилъ; въ ярославской мѣстами онѣ слышатся: свѣтляе, бѣляе, тепляе — говорятъ въ юго-восточномъ углу ярославского уѣзда, вѣроятно и еще гдѣ либо.

«Никогда, говоритъ Даль, буквы *у*, *ю* не замѣняются (въ восточномъ нарѣчіи) одна другою, какъ въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчіи». (О нарѣчіяхъ 34).

До справедливо ³⁾). Но и въ новгородскомъ видѣ нарѣчій смѣна *и* и *ю* такое рѣдкое явленіе, свойственное столь немногимъ мѣстностямъ и столь немногимъ словамъ, что конечно отнюдь не можетъ считаться характерною для него чертою.

Остальные звуковыя черты, указанныя Далемъ, какъ отличительныя для сѣвера и востока, относятся къ области соглас-

¹⁾ Слыхали чисто *и* въ курской губ., при томъ тамъ, гдѣ нельзя предполагать малорусского влиянія. У Дали при формѣ сиверко (въ Словарѣ) указано только на *сиво* и *вост.*

²⁾ Деревни: Саметь, Шунги, Мизкое.

³⁾ Не принимаю иль разсчетъ сообщенной мнѣ формы *вдарил*, которая слышится въ Стародубѣ (мур. у.). На говорѣ Стародубья могло въ этомъ случаѣ оказать свое влияніе южно-великорусское (ризанское) нарѣчіе.

ныхъ звуковъ. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, сдѣлаю еще не-
сколько замѣчаній о гласныхъ.

Формы *втораго* полногласія (столоб, верѣх, смерѣгушка) и т.
п., — одна изъ отличительныхъ чертъ съверной фонетики.

Такихъ формъ въ восточномъ, на сколько знаю, неѣтъ. Ис-
ключение—вышеприведенное муромское молонья, встрѣчающееся
и въ романовскомъ уѣздѣ ярославской губ.

Изъ словъ перваго полногласія, не встрѣчающихся па югѣ
Россіи но свойственныхъ съверу, въ тѣхъ же двухъ уѣздахъ
слышится мѣстами: оболоко, оболокоться (мур. у.), вередить
(ром. у.).

Изрѣдка встрѣчающееся на съверѣ сокращеніе полноглас-
ныхъ формъ *оро* и *оло* въ ро и ло¹⁾ — въ восточномъ мѣста, ка-
жется, не имѣть.

Случаевъ глухаго произношенія *e* и *u*²⁾ не встрѣтилось; не
могу привести ни одного примѣра и съ гласнымъ чистымъ на
мѣстѣ древняго глухаго въ концѣ словъ³⁾.

Вместо формъ ржаной, лыняной (рѣж—, лын—) слышится
(въ судогодскомъ уѣздѣ) — рожаной, ленная, съ постояннымъ *o*,
e на мѣстѣ древняго глухаго.

Стиженіе гласныхъ (отдѣлат = отдѣляет, знаи = знаешь)
чаще слышалось миѣ въ ярославской губ., чѣмъ во владимѣрской;
въ послѣдней чаще въ муромскомъ и судогодскомъ уѣздахъ,
чѣмъ въ другихъ.

Опускаются гласные звуки не рѣдко, — чаще въ началѣ
(Лексѣй вм. Олексѣй, мепины вм. именины), рѣже въ срединѣ
словъ: плит вм. палит (мур. у.).

Есть случаи встанокъ гласнаго звука, условленныхъ группой
согласныхъ: искары, скаворец (ib.; въ другихъ мѣстностяхъ не
слышалъ).

1) См. Матеріалъ и пр. стр. 7 и первые три отчета мои.

2) См. второй и третій отчеты.

3) Разумѣю здѣсь случаи, подобные отмѣченнымъ въ «Матеріалѣ» и пр.
на стр. 17—20.

Случаевъ перегласованія во владимірско-суздальскомъ и ярославскомъ краяхъ меныше чѣмъ на сѣверѣ: *е* вм. *а* слышалъ я только послѣ йота и — изрѣдка — послѣ шишиящихъ.

Обращаюсь къ замѣчаніямъ Даля касательно особенностей согласныхъ звуковъ въ восточномъ нарѣчіи.

«Буква *г* произносится твердо, никогда не обращаясь въ придыхаше». (О нарѣчіяхъ 33).

Но-тоже и на сѣверѣ... Впрочемъ нельзя сказать, что *г* никогда не произносится какъ *h*. Въ очень немногихъ словахъ такое произношеніе встречается и на сѣверѣ и на востокѣ¹⁾.

«Въ окончаній прилагательныхъ *аго*, *яго*, *его* произносять вм. *г*, но не по московски, а съ оканьемъ» (*ibid.*). Но — какъ известно — тоже самое по всему сѣверу. Ни въ новгородской, ни въ вятской, ни — даже — въ олонецкой я не слышалъ *г* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. рода. Въ послѣдней мѣстами *г* въ этой формѣ сохраняется²⁾, но и въ немногихъ мѣстно стяхъ тѣхъ губерній, которые относятъ Даль къ восточному нарѣчію, можно слышать *аго*, *яго*, какъ то видно изъ его же статьи³⁾.

«Дзеканье, свойственное сплошь западному говору и перешедшее мѣстами въ сѣверное, нигдѣ не встречается въ томъ же видѣ въ нарѣчіи восточномъ» (*ibid.*).

По дзеканье слѣдуетъ, по моему мнѣнію, признать исключительно западно-русской принадлежностью; оно на столько же несвойственно восточному нарѣчію, на сколько и сѣверному⁴⁾.

¹⁾ См. третій отчетъ. Въ казанской губ. *г* почти какъ *h* произносится въ словѣ *богатый*.

²⁾ Гдѣ именно, Даляр неопредѣляетъ (О нарѣчіяхъ 31). Въ сборникѣ онежскихъ былинъ Гильфердинга и *аго*, *яго* и *аво*, *ово*. Тоже и у Рыбникова. См. Материалы. 42—9.

³⁾ О нарѣчіяхъ 38. Въ Судогдѣ на ярмаркѣ, толкаясь межъ народомъ, я слышалъ, между прочимъ, отчетливое *г* въ формѣ *чего*. Но мнѣ осталось неизвѣстнымъ, изт. какой мѣстности лицо, такъ зговорившее. Вообще замѣчу, что наблюденія надъ языками народа въ сборныхъ пунктахъ очень ненадежны.

⁴⁾ См. первый отчетъ мой. Стр. 2 и 21. — Жители дзекающихъ мѣстно-

«Никогда не замѣняютъ буквъ *ф*, *в* буквами *х*, *хв*, ниже на оборотъ, какъ въ рязанскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчіи» (*ibid.* 34).

И въ новгородскомъ такая смѣна — рѣдкость; рѣдкость она и во владимѣрскомъ. Но и въ послѣднемъ можно однако отмѣтить нѣкоторыя, сюда относящіеся случаи. Такъ въ муромскомъ уѣзде слышится мѣстами — Хавроны, Хевраль (дер. Корниловка), куфарка, куфия (Муромъ и его окрестности). Слѣдовательно, вм. *ф* иногда является *х* и вм. *х — ф*; *хв* вм. *ф* нигдѣ мигъ не встрѣтилось.

«Частица *что* всюду на востокѣ произносится *што*» (*ibid.*).

Это вѣрно. Но вѣдь и на сѣверѣ *што* является господствующею формой. Съ другой стороны, *шо* и *ште*, свойственное нѣкоторымъ мѣстностямъ сѣвера, не составляетъ его исключительной принадлежности, встрѣчаясь кое гдѣ и въ области южно-великорусского нарѣчія¹⁾.

Я коснулся всѣхъ выставленныхъ Далемъ *отличительныхъ* признаковъ восточнаго нарѣчія, по сравненію его съ сѣвернымъ. Вмѣсто ожидаемой разности, оказалось между тѣмъ и другимъ сходство, доходящее почти до тожества.

Повторяются въ восточномъ и другія черты, свойственные согласнымъ звукамъ сѣвера.

Такъ отвердѣніе однихъ согласныхъ и умягченіе другихъ — явленіе, столь не рѣдкое на сѣверѣ²⁾ — встрѣчается, хотя и не часто, и въ восточномъ нарѣчіи.

И въ ярославской и во владимѣрской губерніяхъ вмѣсто — прежней, утреннея, поздняя, сиальни, простыни — слышится мѣ-

стей тверской губерніи — очевидно белорусскаго происхожденія. Во владимѣрской губ. я дзекани и нигдѣ не встрѣтиль, хотя, по Далю, оно встрѣчается въ ней «на весьма ограниченной мѣстности» (О нарѣчіяхъ 33), именно въ судогодскомъ и визниковскомъ уѣздахъ (*ibid.* 36). Въ ярославской, какъ извѣстно, дзекаютъ только ситакри.

²⁾ Потебня. Два изслѣдованія 70.

¹⁾ См. «Материалъ» и первые три отчета.

стами: прежней, утреннею, позднюю, спальна, простина. Т. е. вм. *и-ей* и пр. *и-ый* и пр.; вм. *я* (*и'а*) — *на*.

Губные въ концѣ словъ болынею частью мягки въ обѣихъ губерніяхъ: корабъ, рушъ (рубль), кровъ, оставъ.

Изрѣдка слышится въ концѣ словъ мягкое *и* вм. твердаго: серпъ, ястребъ (дер. Корниловка).

Вмѣсто польза — пользя (Зарѣч. сторона мур. у.; *ibid.* и — польга).

Вмѣсто дупло — дуплѣ (*ibid.*).

Въ противоположность этому послѣднему примѣру, представляющему умягченіе *и*, можно привести нѣсколько случаевъ отвердѣнія этого звука: столарь, злущан (Корниловка), петелка (кажется, вездѣ на сѣверо-востокѣ).

Изрѣдка умягчается и отвердѣваетъ и другой плавный — *p*: грыбы, крык (въ обѣихъ губ.), но — криса, царяпать, дряница (Мур. у. Зарѣч. см.).

Имя города Владимір произносится въ болѣе древней формѣ, т. е. съ мягкимъ *p*: Владимірь — Владимірія.

Мягкаго *и* не слышалъ я ни во владимірской, ни въ ярославской губ.¹⁾.

Шипящіе болынею частью тверды. Формы, подобныя — пошёл (Карабарово) слышатся очень рѣдко.

Во многихъ мѣстностяхъ *s*, въ нѣкоторыхъ *и* мягки передъ суффиксомъ прилагательныхъ *ск* (ъск): деревенськой, французьская рубаха, сиаськой монастырь и т. п. Такія формы слышалъ я въ переславскомъ, юрьевскомъ, суздальскомъ и муромскомъ уѣздахъ. Въ каждомъ — мѣстами. Въ ярославской губ. такихъ случаевъ миѣ не встрѣтилось.

Гдѣ въ означенномъ случаѣ *s* произносится мягко, тамъ предшествующее ему *o* почти не слышится, какъ и на сѣверѣ²⁾.

¹⁾ Суздальскій уѣздъ, теченіемъ рѣки Нерли раздѣляется на двѣ части: лѣсную и опольную. Миѣ говорили, что въ первой мѣстами слышится мягкое *и*.

²⁾ См. первый и третій отчеты.

Мягкаго *p* передъ суфиксомъ *ск* я не слышалъ¹⁾.

в древняго суфикса *иц* (конъць — конъци и т. п.) въ рѣчи ярославцевъ и владимирцевъ изчезъ безслѣдно, равно какъ и въ суфикса *иство:* вездѣ слышалъ я — конца, царство, а не — конъца, царьство.

Смѣщеніе согласныхъ, ихъ взаимная мѣна, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ восточнаго нарѣчія, замѣчается такъ же часто, какъ и на сѣверѣ.

Случаи смѣщенія разнообразны.

Привожу для примѣра нѣкоторые, относящіеся къ муромскому уѣзду.

б вм. *п:* сабоги, сабожник (вблизи Мурома).

в вм. *б:* волшебница (Корниловка).

м вм. *в:* мнук (дер. Иванищи).

м вм. *и:* мырять (Муромъ и его окрестности).

ф вм. *х* и *х* вм. *в* (см. выше).

т вм. *д:* гамит.

т вм. *к:* трахмал.

х вм. *к:* балхон.

г вм. *к:* сковига, клушига.

ж вм. *и:* поледѣльник (село Озябліковскій погостъ).

й вм. *э:* рай (вм. разъ, — сокращенное развѣ).

с вм. *и:* свѣты.

с вм. *и:* салан (Озябл. погостъ).

и вм. *с:* ошмѣлися (дер. Пестенькино).

Почти всѣмъ приведеннымъ примѣрамъ находятся соотвѣтствующіе въ сѣверномъ нарѣчіи.

Наконецъ, и та звуковая черта, которая считается одною изъ характериѣйшихъ чертъ фонетики этого послѣдняго — мѣна *ч* и *и* — имѣеть мѣсто и въ восточномъ нарѣчіи.

Въ ярославской губ., за исключениемъ Ситчины и Пошехонья,

1) Ср. сказанное во 2-мъ и 3-мъ отчетахъ о мягкости *и*, *p*, с передъ суфиксомъ *ск*.

нигдѣ не цокаютъ и не чакаютъ; но во владимѣрской, какъ видно и изъ статьи Даля о нарѣчінхъ, цоканье встрѣчается не рѣдко; мѣстами же слышно и вм. и.

Несомнѣнно, что явленія цоканья и чаканья охватываютъ въ предѣлахъ сѣвернаго нарѣчія болѣшія пространства, встрѣчаются чаще, чѣмъ въ восточномъ. Но для вопроса объ отношеніи рѣчи края, о которомъ говорю, къ рѣчи сѣверныхъ губерній важно во первыхъ то, что и въ немъ есть эта звуковая мѣна, во вторыхъ то, что она далеко не повсемѣстна и въ сѣверномъ нарѣчіи.

Смѣна и на и встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ обратная.

Я чакающихъ селеній во владимѣрской губ. не встрѣтилъ вовсе, но не сомнѣваюсь, что такія селенія есть, хотя ихъ и немногій¹⁾.

Цокающія села и деревни я встрѣчалъ въ уѣздахъ: переславскомъ, юрьевскомъ, сузальскомъ, владимѣрскомъ, ковровскомъ и муромскомъ.

Цоканье въ ярославской губ. заключено въ опредѣленныя границы, свойственно лишь извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ ли во владимѣрской? Замкнуто ли и въ послѣдней цоканье въ извѣстные предѣлы, идетъ ли оно и въ ней сплошною полосой, или проявляется разбросанно? Рѣшеніе этого вопроса я считалъ (и считаю) важнымъ, но — не смотря на двукратную поѣздку мою во владимѣрскую губернию — не могу отвѣтить на него съ увѣренностью.

Этотъ вопросъ есть вопросъ о естественныхъ границахъ говоровъ, принадлежитъ, слѣдовательно къ числу тѣхъ, рѣшеніе которыхъ дается лишь продолжительнымъ пребываніемъ въ краѣ, долгимъ и обстоятельнымъ знакомствомъ съ нимъ.

Впрочемъ, я думаю, что даже и за тотъ промежутокъ времени, который я употребилъ на разѣзы по владимѣрской губер-

¹⁾ По Даля — въ гороховскомъ и вязниковскомъ уѣздахъ. Въ этихъ уѣздахъ я не останавливался. По сообщенію гг. Добрыниныхъ и на и смѣняется въ сѣверо-восточной части меленковскаго уѣзда: дер. Мичково и нѣкоторыя другія. Тамъ я тоже не былъ.

нії, можно бы было опредѣлить, хотя мѣстами, топографію говоровъ въ ся предѣлахъ, если бы только разъезды эти производились по плану, составленному на основаніи указаній мѣстныхъ жителей. Но — если гдѣ и случалось получать эти указанія — онѣ были такого рода, что я не могъ придать имъ ни вѣры ни цѣны¹⁾.

На сколько могу положиться на свои наблюденія, цоканье во владимирской губ. не имѣеть естественныхъ границъ²⁾. Проѣзжая отъ Переяславля въ Сузdalъ, черезъ Юрьевъ, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ, въ сторонѣ отъ большої дороги, встрѣчались цокающія селенія, но на ряду съ ними и чистый говоръ.

Не останавливаясь на другихъ явленіяхъ въ области согласныхъ звуковъ ярославско-владимирского края, замѣчу вообще, что имѣющее мѣсто на сѣверѣ большою частію повторяется и здѣсь, и наоборотъ. Такъ — для примѣра — и здѣсь, какъ и на сѣверѣ не терпится сочетаніе *ст* въ концѣ словъ (хвосъ, тросъ, рѣчисъ, сѣсь вм. хвостъ, трость, рѣчистъ, сѣсть — часто слышится въ ярославской губ.); нерѣдко вынадаетъ *и* (да'ка, подѣмъ вм. дайка, пойдемъ — мур. и судог. уѣзды), *и* (съ йимъ — сузд. у.), начальное *с* передъ *т* ((с)только, (с)туnай — муром. *т*), *а* въ род. пад. мѣст. 2 лица и возвратнаго (тесъ, сея вм. теби, себи — мур и судог. у.) и пр.

1) Въ образецъ того, какъ надежны такія указанія, приведу слѣдующій примѣръ. Въ Суздалѣ Владимирѣ я разспрашивалъ лицъ, знакомыхъ съ краемъ, о мѣстностяхъ смѣняющихъ *и* на *и* въ сузальскомъ уѣздѣ. По словамъ однихъ, слѣдовало искать такія мѣстности къ сѣверо-востоку отъ Суздаля, по направлению къ Шубѣ, но словамъ другихъ — къ юго-западу. И это не значило, что тамъ *и* тамъ, а *или* тамъ, *или* тамъ...

2) Кажется, ковровскій уѣздъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе: если не ошибаюсь, Клизыма раздѣляетъ говоры и въ этомъ уѣздѣ: на правомъ берегу ся цокаютъ, на лѣвомъ говорятъ чище. Населеніе лѣваго берега, кажется, однородно съ шуйскимъ; населеніе праваго сближается съ муромскимъ и судогодскимъ. Замѣчательно, что Ока не раздѣляетъ говоровъ: цокающія селенія въ муромскомъ уѣздѣ истрѣчаются по обоимъ берегамъ ея. Такъ теперь, но вѣроятно не такъ было прежде.

И относительно *удареній* восточное нарѣчіе сходится съ сѣвернымъ.

Приведу иѣкоторые примѣры постановки ударенія во владимирской и ярославской губ.:

слѣбода, Мур. у.;

платъя́ *ibid.* (собир. значеніе. Ср. новгородское — братъя́ и т. п.);

яблонѣй *ib.*;

вёрстá, но — двѣ вёрсты переясл. у.;

дó гор. Муромъ;

лёгбк Люб. у.;

большá сестра Мур. у.;

каждиной день Сузд. у.;

йдут (кажется, вездѣ въ восточныхъ губерніяхъ);

йкатъ

вбопить } Мур. у.;

пбзвал }

пбложил *ib.*, но *ibid.* — предположил;

обробѣла Алекс. у.;

спитё Яр. у.;

бпасно Сузд. у.;

высбоко Люб. у.;

далéко Персея. у.;

волбковато (долго, продолжительно) Судог. у.;

Не рѣдко, какъ видно и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, удареніе переносится съ корня слова на предлогъ, управляющій именемъ, или сложный съ глаголомъ.

И со стороны *формъ*, по мнѣнию Даля, восточное нарѣчіе является обособленнымъ отрицательными признаками. Три та-

кихъ признака выставлено имъ. Одинъ изъ нихъ долженъ быть устраниенъ, такъ какъ разграничиваетъ восточное нарѣчіе отъ южнаго, а ис сѣвернаго¹⁾). Остальными двумя восточное противопоставляется новгородскому.

«Никогда не откидываются въ З. л. глаголовъ окончанія *тъ*. (О нар. 34).

Кажется, это вѣрно. Мнѣ говорили, что въ суздальскомъ уѣздѣ «кое гдѣ» слышится З. л. глаголовъ наст. врем. безъ личнаго признака. Но я такихъ формъ не встрѣтилъ ни въ этомъ уѣздѣ, ни въ другихъ владимирской и ярославской губ.²⁾.

«Обычно не замѣняются одинъ другимъ дательные и дательные падежи множественного числа, ни родительный и предложный средняго рода единственнаго числа (но гдѣ же есть такая смѣна?), ни, наконецъ, именительный женскаго рода единственнаго числа не употребляютъ вместо винительного» (*ibid.*).

Послѣдней черты дѣйствительно пѣть въ восточномъ; но она свойственна и не всему сѣверу³⁾.

Что касается до мѣны дательного и творительного, то она встречается и въ восточномъ, хотя и гораздо рѣже чѣмъ въ сѣверномъ. И здѣсь, какъ и на сѣверѣ дательный вм. творительного слышится чаще, чѣмъ обратное явленіе, но и это послѣднее кое гдѣ встречается.

Въ извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ владимирской губ. я этой мѣны не замѣтилъ⁴⁾; въ ярославской дательный вм. творительного (съ вами, ходить за ягодам) — въ ростовскомъ и ярославскомъ

¹⁾ Третье лицо глаголовъ оканчиваются твердо, какъ въ сѣверномъ (О нарѣчіяхъ 38).

²⁾ Этимъ и ис хочу сказать, что формъ съ опущенiemъ *тъ* вовсе не бываетъ въ восточномъ нарѣчіи: я познакомился съ краемъ, на сколько позволяло время и другія условія.

³⁾ См. третій отчетъ мой.

⁴⁾ По Далю дат. вм. твор. употребляются во влад. губ. въ уѣздахъ — городовецкомъ и (судя по примѣру: «приглашаются сосѣдку со всѣмъ дочерямъ») — въ муромскомъ. Въ первомъ я не останавливался; въ послѣднемъ этой смѣны не слышалъ.

уѣздахъ; творительный вмѣсто дательного (лошадь бѣгаєт по грядами) — въ сѣверо-восточной части ростовского уѣзда¹⁾.

Тѣхъ архаическихъ формъ, которыя мѣстами встрѣчаются въ сѣверномъ нарѣчіи²⁾, въ краѣ о которомъ говорю, я не встрѣтилъ.

Нерѣдко въ ярославской и владимирской губ. (чаще въ послѣдней) слышится краткая форма вмѣсто полной въ именительномъ единственного: дѣбре село, красно село (но — новое село), жидко мѣсто (сузд. у.), тѣмна ноц, друга сестра, иици (мур. у.).

Ударенія въ подобныхъ случаяхъ показываютъ, что эти краткія формы не остатокъ древности, а нозднѣйшія сокращенія полныхъ.

Изъ позднѣйшихъ формъ, не встрѣтившихся мнѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, замѣтилъ я лишь одну въ восточныхъ. Это употребленіе въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ предложного падежа въ формѣ творительного: на бѣльним (на большем), на любым мѣстѣ, въ эвтим, съ юим. Эти и подобные имъ случаи мнѣ не разъ приходилось слышать въ губ.: тверской, ярославской, владимирской и казанской³⁾.

Въ рѣчи Муромцевъ слышится иногда отъ именъ на *и(з)* творительный множественного съ окончаніемъ *ими* вм. *ами*: столбиками.

Глагольныя формы во владимирско-ярославскомъ краѣ не представляютъ, на сколько знаю, никакихъ замѣчательныхъ особенностей⁴⁾.

¹⁾ Мѣна твор. на дательный, кажется, не есть исключительная принадлежность виающаго нарѣчія. Она, если только можно въ настоящемъ случаѣ положиться на изыск. Шесентъ, встрѣчается мѣстами и въ Бѣлоруссії. См. въ Бѣлорусскихъ и Есенихъ Шейна (1874.) стр. 233, 309, 310, 323, 322, 458, 485.

²⁾ Ноoir. иакл. на *ти*, формы *даен* и *лси*, то (вин. мѣст. 3 л. ж. р.) и пр. См. первые три отчета.

³⁾ Эта особенность имѣется мѣсто и въ южно-великорусскомъ. См. Шейна Бѣлорусскія иѣни стр. 328, 358, 367.

⁴⁾ Въ восточныхъ уѣздахъ костромской губерніи встречается будущее сложное: иму дѣлатъ и т. п.

Отмѣчу только одну форму глагола пѣть, поразившую меня сначала своею странностью. Въ муромскомъ и судогодскомъ уѣздахъ вмѣсто пѣлъ, пѣла говорятъ мѣстами пѣилъ, пѣила. Такъ я пишу эти формы, и не сомнѣваюсь что пишу правильно. Считаю невозможнымъ писать пеилъ, пеила и видѣть въ *см* слѣдъ прадавней двугласности *п*. Я не слыхалъ, къ сожалѣнію, формъ настоящаго времени отъ пѣть, но думаю, что они должны быть — не пою, поешь, а плю, пѣешь. Т. е., я считаю вѣрнымъ, что настоящее время этого глагола образовано по аналогіи съ формами его отъ глагола сѣять. Хотя прошедшее время и происходитъ отъ темы неопределеннаго наклоненія, по аналогія могла коснуться и его¹⁾.

По отдѣламъ *словообразованія, синтаксиса и словаря* не могу сообщить на этотъ разъ, никакихъ особенностей.

Словъ, казавшихся мнѣ новыми, я за время разыѣздовъ встрѣтилъ не мало. Изъ нихъ только слѣдующихъ пись не оказалось въ словарѣ Даля и областномъ академическомъ.

Волоковато (Сдг. у.) — длино, долго, медленно.

Опослины (Сзд. у.) — пиръ послѣ вѣница²⁾. (Сбц.).

Послѣднее (Вл. и Юр. у.) = Опослины. (Сбц.).

Розгонная лапша (Вл. и Юр. у.) — послѣднее кушанье на свадебномъ пиру; послѣ него гости разыѣжаются. (Сбц.).

¹⁾ Не знаю есть ли такая форма прошедшаго времени въ южно-великорусскомъ, но указаныя формы настоящаго времени имѣютъ мѣсто и въ томъ и въ другомъ. См. въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ Шейна стр. 11, 171, 226 и пр. Въ малорусскомъ подобныя формы встречаются въ «казкахъ» Ігнатія зъ Никловичъ». См. Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Драгоманона. Кіевъ. 1876.

²⁾ Въ Суздаль и уѣздѣ, и также въ уѣздахъ юрьевскомъ и владимирскомъ, родственники невѣсты, и, особенно отецъ и мать ея, не бываютъ въ церкви при вѣнчаніи. Послѣ вѣница ихъ приглашаются на пиръ, который и называется опослины или послѣднее (сбц.).

Солонины (Яр. г.) -- заговѣнье передъ Петровымъ постомъ.
(Сбщ. ¹⁾).

Въ предъидущемъ я нѣсколько отступилъ отъ того пріема изложенія, котораго держался въ первыхъ трехъ своихъ отчетахъ. Это отступленіе условилось цѣлью, которую я имѣлъ какъ при составленіи настоящаго отчета, такъ и при разыѣздахъ своихъ по владимирско-ярославскому краю. На цѣль эту выше уже указано.

Что же по отношенію къ вопросу, которымъ задавался я, даются вышеприведенные факты?

Точно ли есть — не восточное *наричіе* (о томъ и вопроса не было), а — восточное *поднаричіе* окающаго нарѣчія?

Все сказанное выше ведеть къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Никакихъ обосабливающихъ это поднаричіе признаковъ не оказывается.

Тожество языка ведеть ли къ заключенію объ этнографическомъ тожествѣ населенія двухъ краевъ?

Не разъ высказано было у насъ мнѣніе, что лингвистическія изслѣдованія всего лучше могутъ послужить къ рѣшенію этнографическихъ вопросовъ. По сущности мнѣніе это вѣрно. Гдѣ есть русскій языкъ, — тамъ русская народность; гдѣ великорусское нарѣчіе — тамъ великорусское племя и т. д.; т. е. родовыя и видовыя понятія общаго понятія *языкъ* будутъ находиться въ соотвѣтствіи съ родовыми и видовыми понятіями общаго понятія *народъ*. Но все это вѣрно лишь по отношенію *къ настоящему*. Корелы или вотяки, забывшіе свой языкъ и вполнѣ усвоившіе себѣ русскій, уже въ силу того — русскіе, а не корелы, или во-

¹⁾ Слово это сообщено мнѣ вышеупомянутымъ г. Рагозинниковымъ, который съ большою, какъ мнѣ кажется, вѣроятностью ставить его въ связь не съ словомъ *соль*, а съ словомъ *солница*. См. его статью въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1865 г. № 27: «По поводу одного изъ слѣдовъ мифическихъ вѣрованій въ ярославскомъ провинциальному нарѣчію».

тяки. Но для племенной истории важно знать именно то, — привить ли языкъ населенію данной мѣстности, или онъ является его прирожденнымъ достояніемъ. Этотъ вопросъ *исторической этнографіи* лингвистической изслѣдовашія сами по себѣ порѣшить не могутъ. При решеніи его, кромѣ данныхъ по языку, требуются еще иныя свѣдѣнія.

Можно утверждать, какъ видно изъ предыдущаго, что мѣстами во владимѣрскомъ (по Далю) нарѣчіи повторяются черты новгородскаго, и это замѣчается не тамъ только, гдѣ то и другое нарѣчія географически соприкасаются, а нерѣдко и тамъ, гдѣ обоюднаго вліянія, взаимодѣйствія, или воздействиія одного на другое предположить нельзя.

Ярославская губернія имѣеть въ большей части мѣстностей говоръ, близко подходящій къ тому, что въ звуковомъ и даже формальномъ отношеніи принято считать за норму великорусскаго языка. Но и въ ней, — оставляя даже въ сторонѣ Ситкарей и Пошехонцевъ, — сказываются мѣстами въ рѣчи населенія особенности, свойственныя новгородскому нарѣчію. Гораздо въ большей степени замѣчаются эти особенности во владимѣрской и костромской губ.

Встрѣчая въ той, другой и третьей населеніе съ чертами сѣвернаго говора, думаешь на троє: или населеніе такъ говорящее, есть остатокъ древнихъ новгородскихъ колонистовъ; или это позднѣйше выселенцы съ сѣвера; или это остатокъ племени, по рѣчи тожественнаго съ новгородскимъ. Чтобы порѣшить вопросъ такъ или иначе, прежде всего надо знать, на сколько давне населеніе въ извѣстной мѣстности, коренное оно или пришло, и — если постѣднее, то откуда и когда пришло.

Было бы большой ошибкой построить какіе либо этнографические выводы на данныхъ языка, не выискавъ предварительно отвѣта на поставленные здѣсь вопросы. Лингвистическая данныя для этнографическихъ выводовъ нуждаются въ помощи исторіи, и безъ нея не приведутъ къ прочнымъ заключеніямъ. И важно въ этомъ случаѣ знать не давній только ходъ заселенія края, а

позднѣйшее движеніе населенія въ немъ, въ него и изъ него. Гдѣ найти такого рода свѣдѣнія, я не знаю¹⁾.

Удерживаясь по этому отъ всякихъ этнографическихъ соображеній, я, на основаніи извѣстныхъ мѣръ вышеуказанныхъ данныхъ языка владимирско-ярославскаго края, делаю лишь слѣдующій выводъ: *не только восточного нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ*: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками.

Это вѣрно, если взять въ разсчетъ *всю сумму* тѣхъ вышеуказанныхъ чертъ языка, которыя встречаются *разсплошно* по владимирско-ярославскому краю. Если же (на что однако нѣть достаточныхъ оснований) и признать смѣну *и* на *и* и *и* на *и* исключительной отличительной чертой новгородского нарѣчія²⁾ и считать *и* = *и*, *и* = *и* заносными чертами во владимирское, — все таки послѣднее съ первымъ, какъ по звуковому такъ и по формальному строю, представляетъ одно цѣлое, противопоставляемое южно-великорусскому въ совокупности частей этого послѣдняго.

Сѣверо-восточное (окающее) нарѣчіе сохранило болѣе древности чѣмъ юго-западное (акающее). Послѣднее развило въ себѣ много такихъ чертъ, которыя древне-русскому были не свойственны. Самая яркая изъ этихъ чертъ — *аканье*.

Мы знаемъ приблизительно когда появилось оно, но не знаемъ, что именно его вызвало.

То обстоятельство, что *а* изъ *о* является подъ условiemъ неударяемости перваго, указываетъ, независимо отъ свидѣтельства памятниковъ, на относительно позднѣе возникновеніе этого явленія. Но, безъ сомнѣнія, эта звуковая особенность южно-великорусскаго стоитъ въ связи съ древними звуковыми свойствами

¹⁾ На сколько мнѣ известно, у насъ нѣть такого научнаго труда, изъ котораго можно было бы извлечь такого рода свѣдѣнія. Списки населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи, къ сожалѣнію, не даютъ при перечнѣ мѣстностей никакихъ относительно ихъ историческихъ указаній.

²⁾ Смѣна *и* на *и* встрѣчается и въ области южно-великорусскаго нарѣчія, именно — мѣна эта есть и въ Бѣлорусскомъ поднарѣчіи (а можетъ быть и еще гдѣ въ южной Руси): см. Бѣлорусскія пѣсни Шнейна — стр. 132, 165, 179, 216, 452, 483. Мѣстами въ немъ встрѣчается даже смѣна *и* на *и*. См. ibid. стр. 375.

рѣчи тѣхъ илменій, среди которыхъ впослѣдствії оно обнаружилось. Не климатическія же условія вызвали это превращеніе? Если *ne*, то причина превращенія о въ *a* должна лежать въ общемъ строѣ фонетики древне-русскаго языка той полосы Россіи, гдѣ теперь акаютъ. Если же это такъ, то становится крайне сомнительнымъ, съ точки зренія языка, допускаемое нѣкоторыми отожествленіе по племени Кривичей, потомки которыхъ акаютъ, съ Новгородцами, потомки которыхъ сохраняютъ неизмѣнно основное *o*...

Приведенныхъ выше данныхъ народной рѣчи я не могу на этотъ разъ, къ крайнему моему сожалѣнію, подкрѣпить приложениемъ образцовъ народной рѣчи: мнѣ не удалось записать ни пѣсень, ни сказокъ.

Пѣсень по селамъ и деревнямъ я слышалъ не мало, но ни одной такой, которая со стороны языка заслуживала бы вниманія. Да и со стороны содержанія все то, что я слышалъ, было повтореніемъ, или по крайней мѣрѣ близкимъ варьантомъ, уже известнаго въ печати.

Тоже долженъ сказать я и о сказкахъ. Неудача полная: именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ являлся для меня прямой интересъ записать сказку, я не слыхалъ ни одной.

Былевой поэзіи во владимірской и ярославской губерніяхъ я не встрѣтилъ и слѣдовъ. На родинѣ Ильи Муромца, въ селѣ Каракаровѣ, я не только не нашелъ пѣсень о немъ, но даже и такихъ преданій, которые представляли бы какія либо новыя данные.

Имя Ильи знакомо каждому Каракаровцу и Муромцу, но въ народѣ встречаются уже лица, слившія въ одно смутное представление образъ Ильи богатыря и Ильи пророка¹⁾.

Каракаровцы знаютъ, что Илья до 30 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; былъ изѣленъ калѣками; что помогъ своимъ родителямъ очистить лѣсъ, проявивъ при этой работе неожиданно для всѣхъ

свою богатырскую силу; знаютъ — наконецъ — объ ускокахъ его коня, но — и только.

Престарѣлый священникъ села Караварова, живущій тамъ уже полстолѣтія, говорилъ мнѣ, что прежде знали объ Ильѣ больше. Но изъ того, что онъ могъ припомнить, видно что и прежде, какъ и теперь, народъ ничего не зналъ о службѣ Ильи въ Киевѣ, объ отношеніяхъ его къ Владиміру и о тѣхъ богатырскихъ подвигахъ, о которыхъ хранится столько былевыхъ пѣсенъ въ олонецкомъ краѣ.

Припоминая слышанное имъ когда-то, караваровскій священникъ сообщилъ мнѣ объ Ильѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Были у Ильи товарищи. Сидѣлъ опь разъ съ ними на крутомъ берегу Оки. Видитъ — внизу наложены бревна. Кто, спрашивается Илья у своихъ товарищѣй, можетъ перенести всѣ тѣ бревна на гору?. Никто не могъ. А Илья взялъ да и перетаскалъ ихъ. Съ тѣхъ поръ и признали за нимъ богатырскую силу.

Это — ничтожный варъянтъ къ извѣстной чицобѣ лѣса. Кажется, опь не былъ нигдѣ напечатанъ. Все остальное, что слышалъ я въ Караваровѣ объ Ильѣ Муромцѣ, не представляетъ ровно ничего новаго.

Историческихъ пѣсенъ нигдѣ не слышалъ. Надѣялся найти или пѣсни, или хоть преданіе объ Иванѣ Грозномъ въ г. Александровѣ и его окрестностяхъ. Но въ поискахъ своихъ здѣсь я былъ такъ же «счастливъ» какъ Шевыревъ, 30 лѣтъ тому назадъ²...

¹⁾ На полдорогѣ отъ Мурома въ Караварово стоитъ среди поля, совершенно одиноко деревянная своеобразной постройки церковь (рисунокъ и описание ея г. Н. Добрынкина см. въ Ежегодникѣ владимирскаго губернскаго статистическаго комитета за 1875 г.). Я спросилъ извоющика, который везъ меня, почему построена эта церковь на полѣ, вдали отъ села. Извощикъ (горожанинъ, муромскій мѣщанинъ) объяснилъ мнѣ, что по этому полю проѣзжалъ когда то Илья пророкъ; на томъ мѣстѣ, где стоять теперь церковь, конь Ильи ударилъ копытомъ, отъ чего проявился ключъ; надѣя ключемъ и поставлена церковь. — Кудаѣхалъ Илья пророкъ, о томъ извощикъ ничего не зналъ. На вопросъ мой — не разъказываютъ ли чего въ Муромѣ объ Ильѣ Муромцѣ, онъ отвѣчалъ: да вотъ это же и есть Илья Муромецъ — Илья Пророкъ.

²⁾ Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Часть I, стр. 46—7.

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѣ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

5. Архангельская, Вологодская и Пермская губерніи.

Далекій сѣверо-востокъ оказался гораздо болѣе сочувственнымъ дѣлу науки, чѣмъ губерніи средней полосы.

Если въ IV моемъ отчетѣ я счелъ не лишнимъ заявить Отдѣленію, что, мѣстами, въ средней полосѣ Россіи встрѣтилъ полное равнодушіе къ научнымъ вопросамъ со стороны лицъ ученаго вѣдомства, то теперь — наоборотъ — я считаю пріятнымъ для себя долгомъ заявить, что на сѣверо-востокѣ нашлись люди того же вѣдомства, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнесшіеся къ моему дѣлу и принявшиye на себя трудъ собрать и сообщить мицѣ цѣлый рядъ данихъ, касающихся народнаго языка.

Въ вологодской и пермской губерніяхъ я оставался недолго; въ архангельской вовсе не былъ. Поэтому данныя народнаго языка послѣдней и большая часть относящихся къ первымъ двумъ, извлекаются мною изъ сообщеній, которыя обязательно сдѣлали миѣ слѣдующія лица:

- 1) Преподаватель архангельской гимназіи И. М. Бѣлорусовъ,
- 2) Инспекторъ той же гимназіи г. Протопоповъ,

3) Директоръ вологодской гимназіи И. И. Красовъ,

4) Директоръ народныхъ училищъ вологодской губерніи Н. П. Левицкій,

5) Директоръ народныхъ училищъ пермской губ. г. Чоглоковъ. Особенno важны сообщенія гг. Бѣлорусова и Левицкаго.

Послѣдній препроводилъ мнѣ экземпляръ моей программы съ отмѣтками на поляхъ ея учителей вологодской губерніи — сольвычегодского, великоустюжскаго и яренскаго уѣздовъ. Полностью и обстоятельно изъ этихъ отмѣтокъ по преимуществу отличаются тѣ, которыя сдѣланы (неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ) о языке населенія сольвычегодскаго уѣзда. Сверхъ программы, г. Левицкій доставилъ мнѣ обстоятельную записку о народной рѣчи въ тотемскомъ и кадниковскомъ уѣздахъ, составленную учителемъ тотемскаго уѣздиаго училища г. Ю. Ивановымъ.

Г. Бѣлорусовъ въ нѣсколькихъ письмахъ сообщилъ мнѣ свои наблюденія надъ народнымъ языкомъ нѣкоторыхъ мѣстностей архангельской и въ особенности — вологодской губерній (по преимуществу тотемскаго, частію никольскаго, кадниковскаго и др. уѣзовъ).

Сообщенные мнѣ, а равно и подмѣченные мною, данныя народнаго языка названныхъ трехъ губерній, группирую въ послѣдующемъ по тѣмъ рубрикамъ, которыя приняты были мною въ первыхъ отчетахъ моихъ.

Звукъ *o*, спорадически, какъ и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, сменяется на *a*. По преимуществу замѣчается эта смена въ словахъ иностраннѣхъ, видимо въ такой формѣ занесенныхъ на сѣверъ изъ области южнаго нарѣчія: афицер, манах (тотемскій и кадниковскій уѣзды), салдат, кантора (сольвычегодскій уѣздъ).

Изъ туземныхъ словъ: карал (великоустюжскій уѣздъ), ка-

рапъ (яренскій) по и — коран (сольвычегодскій), пароход (ирбитскій, тотемскій и кадниковскій уѣзды). Въ послѣднемъ словѣ второе *a* вѣроятно вызвано ассимилирующимъ вліяніемъ первого, въ — каран (корабль) — наоборотъ.

Во многихъ мѣстахъ архангельской, пермской и вологодской губерній въ родительномъ падежѣ единственнаго числа прилагательныхъ —ава вмѣсто ово. Въ вологодской губерніи такъ говорятъ въ тотемскомъ, кадниковскомъ, великоустюжскомъ и яренскомъ уѣздахъ.

о вм. *a* — въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ появляется нѣредко.

Начальное *a* собственныхъ именъ почти постоянно смыняется на *о*: Олексѣй, Оандреї, Ографёна (кадниковскомъ, тотемскомъ, сольвычегодскомъ уѣздахъ) и пр. Въ именахъ малоупотребительныхъ *a* остается: Имя Аниа постоянно сохраняется *a*.

Въ нарицательныхъ именахъ измѣненіе начального *a* на *о* замѣчается относительно рѣдко: ортиль = артель (permской губ.), омвон, олтарь (великоуст.).

Въ срединѣ словъ смына эта встрѣчается постоянно въ предлогѣ раз вм. раз при его сложеніи съ глаголами и именами:

роспуски, розвалы, роснаика (сольвычег. у.), роспустить, распахать (*ibid.*, и кажется — повсемѣстно).

Постоянно *о* вм. *a* въ словахъ, производныхъ отъ корня *роб*: робота, роботник (во всѣхъ трехъ губерніяхъ), рѣбить (арх., сольвычег.).

Часто встрѣчается тоже измѣненіе въ кориѣ слѣдующихъ словъ: лодья, локей (сольвычег. у.), пороход (никол. у., perm. г.) пором, рокита (perm. г., ник. у.), ровиѣть, ростп (сольвычег. у.), тощовать (*ibid.*).

Слѣдовательно, тѣ же случаи, что и въ другихъ частяхъ оказавшаго нарѣчія.

И конечно *a* на *о* смыняется лишь въ томъ единственномъ случаѣ, какой представляютъ другіе края этого нарѣчія, т. е.

въ именахъ мужескаго рода съ суффиксомъ *ушка* (*юшка*) и *ка*: батюшко, дѣдушко, Иванушко, батько, дѣдко и т. п.

Имена женскаго рода съ тѣмъ же суффиксомъ этого измѣненія не допускаются: бабушка, тетушка¹⁾.

Мѣстами *к-о* вм. *к-а* въ именахъ мужескаго рода замѣчается, какъ постоянное явленіе, независящее отъ того, какой смыслъ слову придается образующимъ его суффиксомъ. Такъ, на сколько миѣ известно, въ пермской губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сольвычегодскій и великоустюжскій уѣзды вологодской губ.) *к-о* вм. *к-а* только въ именахъ ласкателнаго значенія; уничижительныя имѣютъ *к-а*: Петрушка, Ванька, Васька и т. п.

Отъ такихъ формъ различаются, поэтому, со стороны значенія формы (великоустюжскія), подобныя слѣдующимъ: Ванькѣ, Олькѣ, Сашкѣ, Пашкѣ, браткѣ.

И ласкателныя удерживаются суфиксъ *ка*, если онъ является въ сложеніи съ предшествующимъ ему *енъ*: Васенька и т. п. (сольвычег., великоуст.).

Начальное *е* измѣняется на *о*: въ собственныхъ именахъ: Олѣна, Офим и т. п. (арх., волог., перм. губ.); въ нарицательныхъ: ѿще (перм.), ошишо (сольвычег.), одва (арх., великоуст.). Въ срединѣ словъ постоянно *о* вм. *е* въ — робята и робенок. иногда — тонерь, тонеря (кадн. и тот. у.).

О на *у* измѣняется очень рѣдко: у(о)гурцы (волог. у.), бутинки (перм.). Обратное измѣненіе: коконать (перм.). Вместо *е* — *ю* въ словѣ очонь (только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тотемскаго уѣзда).

Двугласный *ую* вм. *о*: труось = трость, спроосить только въ вологодской губ. на ограниченномъ пространствѣ, въ уѣздахъ тотемскомъ (на Толимѣ, Купижѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ) и кадниконскомъ (въ устьянской и васъяновской волостяхъ). Въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ и великоустюжскомъ появляется

¹⁾ Ср. сказанное объ этомъ явленіи въ IV отчетѣ.

этотъ двугласный вмѣсто конечнаго *o*, но только въ звательномъ падежѣ: батюшкоѣ.

Тамъ же и въ томъ же только случаѣ является *ay* вмѣсто конечнаго *a*: матушкаѣ.

Въ кадниковскомъ уѣздѣ это *ay* обнаруживается въ звательномъ падежѣ линь тогда, когда лицо, къ которому обращаются, находится отъ говорящаго, или — вѣрище — призывающаго на значительномъ разстоянії¹⁾.

Не знаю, такъ ли въ другихъ выисченомъ уѣздахъ²⁾. Если такъ, то *u* есть только отзвукъ напряженаго голоса и двугласного *au* (и *ou*) въ формѣ звательнаго падежа, значитъ, не существуетъ.

Вмѣсто *ыи* въ окончаніи прилагательныхъ является *ой* независимо отъ ударенія во всѣхъ трехъ губерніяхъ: красной, бѣлой и тому под.

Вмѣсто *ий* часто *ей* (видоизменяемое нерѣдко въ *ѣй* и *оїй*): Божей, волчей, лисей; Господией, синей, весенней.

Ы на *о* смыняется, кромѣ слова понь (имѣющаго разнобразныя формы: понѣ, пони, понечи, пониче, поничи, понеча, поничи, — сольвычег. и яр. *уу*.) въ слѣдующихъ: полонья (но и — полынья), баропя и барони, барошня и баронии, госуда роня и государони, осударони (кади., тот., великоуст., сольвычег. и яр. *уу*).

Ы вм. *у* и обратно очень рѣдко: слых (великоуст.), сколубаться (перм.).

У и *в* сближаются въ нѣкоторыхъ словахъ только по р. Толшѣ въ тотемскомъ уѣздѣ вологодской губ.³⁾. Въ сольвычегод-

¹⁾ Сообщеніе г. Иванова, который думаетъ, что «этотъ переходъ, по всейѣроятности, происходитъ отъ сліянія существительнаго съ междометіемъ *ay*, потому что въ обыкновенной рѣчи говорится: матушка» и т. п.

²⁾ Въ Пермской губ. *ay* вм. конечнаго *a* также только при призываѣ.

³⁾ Такъ по одному сообщенію (г. Бѣлорусова); другое (г. Иванова) не упоминаетъ объ этомъ явленіи.

скомъ уѣздѣ въ словѣ *пиво* (и другихъ подобныхъ?) «*в* имѣеть неясный выговоръ, похожій и на *у* и какъ бы на *л*»¹):

Какой то средній звукъ между *в*, *у* и *л* слышился (по сообщенію того же лица) тамъ же и въ формахъ прошедшаго времени: *ходил* и т. п.²).

И въ *e* переходитъ очень рѣдко: квартера (сольвычег.) фатера (том. и кадн.), мундер (*ibid.*), жолет и жолетка из жолет, жолетка (сольвычег.)³).

Чаще встрѣчается смѣна *e* на *и*; это явленіе по преимуществу развито въ сольвычегодскомъ уѣздѣ: поти(е)ре(я)ть, поти(е)ря, ви(е)ди, пови(е)ду, ли(е)бедь, либедка, сило, овичка, ти(е)чѣт, пистик, писс(есч)иной, си(е)бѣ и т. п.

Въ великоуст. и яр. уу. такихъ случаевъ нѣть; въ другихъ уѣздахъ вологодской, а равно и въ губерніяхъ архангельской и пермской, смѣна *e* на *и* проявляется рѣдко: сибѣ, тибѣ (кадн., Грязов., волог. уу.), ищѣ (*ibid.*, перм.), питля (*ib.*), либедь, пистик (tot., кадн. уу.).

Переходъ *e* въ ё совершаются часто. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно было бы привести примѣры такого перехода на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ. Нѣть однако ни одной мѣстности, къ которой бы относились всѣ случаи этой смѣны. Они разбиты по мѣстностямъ и слѣдовательно по говорамъ. Въ одномъ говорѣ замѣчается больше такихъ случаевъ, въ другомъ менѣе; въ одномъ — одни случаи, въ другомъ — другие. Кажется, всего болѣе распространены переходъ *e* въ ё въ вологодской губерніи; всего менѣе — въ архангельской.

¹⁾ Слова неизвѣстнаго мнѣ лица, сдѣлавшаго отмѣтки о языке населенія сольвычегодского уѣзда.

²⁾ Въ Этнографическомъ Сборникѣ томъ V, въ свадебныхъ пѣсняхъ Сельскаго уѣзда для такихъ случаевъ употреблена буква *у*.

³⁾ Формы, подобныя — пер, мер (т. е. пир, мир — см. Материалъ и пр. стр. 10) по сообщенію г. Бѣлорусова слышатся въ тотемскомъ уѣздѣ; сообщеніе г. Иванова не подтверждаетъ этого. И по отношенію къ формамъ, представляющимъ смѣну конечнаго *и* на *e* (см. Материалъ, программу и первые отчеты), сообщенія, различныхъ лицъ стоятъ между собой въ противорѣчіи.

Перехода втораго е полногласныхъ формъ въ ё (берёг, верёх) нигдѣ не замѣчается.

Сохраненіе въ слогахъ ударяемыхъ встрѣчается очень рѣдко и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ: юбра вм. юбра (перм., тут.), Лёв, Петр. (перм.).

Ѣ смыняется на и. Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта смыня замѣчается только въ иѣкоторыхъ иль словахъ; въ большинствѣ же случавъ на мѣсть ѿстоитъ е. Въ другихъ и вмѣсто ѿ предстаилъ почти постоянное явленіе. Рѣдко слышится и вм. ѿ въ архангельской губерніи, перѣдко въ пермской, часто въ вологодской. По преимуществу проявляется такая замѣна ѿ въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ, кадниковскомъ и тотемскомъ.

Привожу для примѣра рядъ сообщенныхъ миѣ словъ, смынившихъ корениое ѿ па и въ рѣчи населенія первого изъ этихъ уѣздовъ:

вики (ми. отъ вмк)

виник

висить

звирь

віесть (т. е. вѣять)

витёр

дивка, дивишик

ротозій

лисница

лития пора

клить

плissenъ

лини

полинцѣ (== полѣнце)

хлиб

минеть (== минять)

мидъ, миденица

миреть (== мѣрять)

мистечко

мисеца (= мѣсяц)

митить (= мѣтить)

пить, писня, пинье (= пѣть и пр.)

прить (= прѣть)

встрича, стрича

стрилеть (= стрѣлять)

рипище (поле, засѣянное рѣпой)

ричка

ричь

сивер

сини

синцѣ (= сѣнцо)

ситка, ситочка

сіеть (= сѣять)

систи

сидѣлко (через-сѣдѣльникъ)

тинь

тильцѣ

затія

цидить

цинь

Есть слова, въ которыхъ на мѣстѣ корешаго *и* является *и* въ одиѣхъ формахъ, *и* въ другихъ:

в нигѣ живѣт, по пыга,

недъля — па ницилѣ,

невѣста — по пивистѣ.

Изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ видно, что слогъ съ *и* вм. *и*, ассимилируетъ съ собою предъидущій слогъ, превращая въ немъ *и* въ *и*.

Почему *и* и *и* на мѣстѣ *и* чередуются иногда въ корнѣ одного и того же слова при его измѣненіяхъ — не ясно. Вышеприведенные примѣры показываютъ, что качество слога на ноявленіе той.

или другой замѣны *и* не имѣть вліянія¹⁾). Не стоятъ эти замѣны въ зависимости и отъ ударенія.

Слова, въ литературномъ языкѣ употребляющіяся съ *е* вместо древнаго *и*: время и песокъ имѣютъ такую же звуковую форму и въ народномъ языкѣ арх., перм. и волог. губ.²⁾.

Тематическое *и* глаголовъ смѣняется на *и* во многихъ мѣстностяхъ этихъ губерній³⁾.

Въ глаголахъ *и*сть и *и*здить почти вездѣ *и* на мѣстѣ *и*.

Въ сольвычег. у. *и* вм. *и* втораго изъ этихъ глаголовъ является только въ неопределенномъ наклоненіи; но когда глаголь сложенъ съ предлогами смѣна эта имѣеть мѣсто и въ другихъ формахъ.

Конечное *и* флексій не смѣняется на *и* даже тамъ, где смѣна эта въ корняхъ является особенно распространеною.

Нарѣчіе *гдѣ* произносится где,—въ пермской и вологодской обыкновенно съ приставкою *ка*: *гдѣ-ка*. Но нарѣчіе здѣсь чаще встрѣчается въ формѣ здѣсь.

Въ сравнительной степени прилагательныхъ именъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ вмѣсто *ие*, въ большинствѣ мѣстностей употребляется *яе*. Конечный гласный звукъ этого суффикса произносится неодинаково: кромѣ *яе* (арх., перм. г. ирбитскій уѣздъ), встрѣчается *яѣ*: тепляѣ, норняѣ (отъ порпый—сильный, крѣпкій), голодняѣ и т. п. (kadниковскій и тотемскій уѣзды) и *яѧ*: свѣтляѧ, умняѧ, скоряѧ, добряѧ, миляѧ и т. п. (кунгурскій и пермскій уѣзды пермской губ., сольвычегодскій — вологодской).

Въ неопределенномъ наклоненіи и прошедшемъ времени глагола сѣсть вм. *и* — *я*: сясть, сял. (перм.); тематическое *и* глагола

¹⁾ И тѣ данные, которыхъ приведены, касательно смѣны *и* на *и*, въ первыхъ четырехъ моихъ отчетахъ не подтверждаютъ мнѣнія А. А. Потебни о зависимости замѣны *и* вт. съверно-великорусскомъ отъ качества слова. См. Два изслѣдованія, стр. 81—3.

²⁾ Въ сольвычегодскомъ уѣздѣ: времѣ, но — вримечко.

³⁾ Въ сольвычегодскомъ уѣздѣ эта смѣна чаше въ настоящемъ времени, чѣмъ въ неопределенномъ наклоненіи.

видѣть мѣстами тоже смыняется на я: видял (сольвычегодскій уѣздъ).

Эти два явленія встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ другихъ частяхъ сѣверо-великорусскаго¹⁾. Въ вологодскомъ краѣ (грязовецкомъ у.) есть, сверхъ того, формы поляз = полѣз, пояду = поѣду, въ другихъ краяхъ сѣв.-вост. нарѣчія мнѣ не встрѣтившіяся.

Въ сольвычегодскомъ народномъ говорѣ есть, какъ видно изъ сдѣланнаго мнѣ сообщенія, еще три слова, смыняющія на я коренное ъ: прясной, цвяток, сячется.

Это — замѣчательное явленіе, надъ объясненіемъ котораго нельзя не призадуматься въ виду того, что въ говорѣ этомъ ъ обычно смыняется на и, а е не переходитъ въ я.

На мѣстѣ древнихъ глухихъ — обычныя общерусскія замѣны.

На мѣстѣ конечныхъ ы, ы нигдѣ не употребляютъ чистыхъ гласныхъ.

Есть случаи постояннаго гласнаго звука на мѣсто бѣлага, смынившаго древній глухой: колодцы, молебны (кунг. и перм. у. пермской губ., тотемскій — вологодской), лоб — лоба (великоуст., тотемск. и кадн. уу.), в роту (великоуст. у.).

Е въ ен словъ, подобныхъ — корень, мѣстами удерживается въ косвенныхъ падежахъ (перм., кунг.).

Слово — ровъ не выпускаетъ о въ косвенныхъ падежахъ: рова и т. д. (*ibid.*).

Изъ формъ первого полногласія употребляются, кроме обычныхъ, слѣдующія: веремя (мезенск., арх. г.), вередить (*ibid.*) тотемск. и сольвычег. уу. волог. губ., ирбитскій — пермской) хороброй (мезен.), морок (= мрак) (великоуст.). Муравей, журавль имѣютъ формы: моровей (гряз.), жаравій (солевычег. у.).

Формъ втораго полногласія, такихъ, какъ новгородскія — ѿрѣхъ, столоб, вовсе не встрѣчается. Нѣть и новгородско-олонецкой формы — смерѣтушка.

¹⁾ См. первые два мои Отчета.

Употребляется только — молоныя (шенкурск. у. арх. г., сольвычегодск. — вологодской, ирбитской, кунгурской — пермской)¹).

Выпадение гласныхъ звуковъ, не условленное стяженіемъ, ассимиляціей ихъ, замѣчается рѣдко.

По сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу отмѣтить лишь два относящихся сюда слова: пугвица (арх., тотемск.), плящій вм. палящій (тот., великоуст., яренск., сольвычег.). Это послѣднее слово въ такой формѣ слышится большей частію тогда, когда оно является эпитетомъ слова морозъ. Вместо плящій мѣстами, въ этомъ случаѣ, говорять — плющій (сольвычег.).

Стяженіе гласныхъ въ настоящемъ времени глаголовъ первого спряженія, т. е. ассимиляція соединительного гласнаго звука съ тематическимъ или кореннымъ *a* — сильно распространенное явленіе во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Этимъ стяженіемъ условливается меньшее количество случаевъ съ ё вм. *e* въ 2 и 3 лицахъ единственнаго и множественнаго глаголовъ настоящаго времени. Гдѣ нѣтъ стяженія, тамъ напримѣръ, читаѣш, гдѣ есть оно — читаш и т. п. Не знаю, предполагаетъ ли форма читаш форму читаѣш, или явилась непосредственно изъ читаеш.

Въ великоустюжскомъ, тотемскомъ, грязовецкомъ и кадниковскомъ уѣздахъ преобладаютъ стяженія формы; въ сольвычегодскомъ, за исключеніемъ 2 лица единственнаго числа, стяженіе встрѣчается рѣдко, почему въ 3 л. ед. ч. н. вр. глаголовъ съ тематическимъ *a*, соединительный гласный звукъ *e* произносится или какъ ё или какъ э: он читаетъ книгу²).

Приставныя гласныя встрѣчаются очень рѣдко: авторник (тот. и кадн. у.).

Перегласованіе *a* въ *e* распространено повсемѣстно.

¹⁾ По сообщенію г. Протопопова въ Арх. губ. вм. молоныя встрѣчается форма *молюна*. Ва какой именно мѣстности есть такая странная форма, того къ сожалѣнію не сообщено.

²⁾ «Вообще *e* въ этомъ отношеніи произносится не ясно; какъ бы выпускается, но не совсѣмъ». Такъ сказано въ сообщеніи, изъ котораго взятъ мною приведенный примѣръ. Можетъ быть э въ читаетъ есть нейотированное *e?*

Всего чаще встречается оно подъ влияниемъ юта. Кажется даже, я (я) неизбѣжно превращается въ е (е): егненок, едро, ечмень, если, ейцо, естреб, емской, еровой, езвить, еишица; вѣть, сіеть, стоесть; заец и т. п. Такъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ.

Кромѣ ю, перегласованіе замѣщается при слѣдующихъ звукахъ:

и: чеща (арх., тот.), чесовой (ирб.), начелѣник, качеть, качей и т. п. (сольвычег.);

ю: везать (арх., тот., ирб.);

о: дедя = дядя (тот., кадн., сольвычег.);

э: зеть (perm.);

а: гулетъ (сольвычег.), угледать (ирб.);

и: ронеть (тот., кадн.), ногоней, ровней = погоняй, ровняй, погонеть, ровнетъ (сольвычег.), пея (perm.);

е: време и времё (арх., тот.);

ю: петь (perm., яренск.);

о: се и сё (арх., волог.), седь = сядь (ирб.);

р: ребой (сольвычег.), ковыреть (великоуст.), крежи, но — кряж (ирб.).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что *е* изъ *а* послѣ означенныхъ звуковъ независимо отъ того, есть ли это *а* (я) основное, или стоитъ оно на мѣстѣ *а*.

Какъ должны были произноситься слова вязать, дядя и ироціе вышеупомянутыя, чтобы видоизмѣниться въ везать, дедя: какъ в'язать (вязать), д'ад'а (дядьба), или какъ в'язать, д'ядя?

Вместо *е*—обратное предыдущему явленіе—изрѣдка встречается *я*. Такое превращеніе, какъ и въ другихъ краяхъ съвернаго нарѣчія, имѣть лишь то *е*, которое въ сочетаніи съ *и* (еи) = *я*: сѣмян (сольвычег., ирб., тотемск., кадн.)¹).

Придыхательнымъ звукомъ при начальныхъ гласныхъ является *ю*: Восподь = Господь (сольвычег., тот., кадн., ирб.), воспа, вострой, вотчим (сольвычег.).

¹ Объ этомъ явленіи см. въ первыхъ отчетахъ.

Слово Господь чаще употребляется въ формѣ Осподь (тот., кадн., сольвычег., великоуст.), предполагающей придыхательное *h*.

Слово государыня является, какъ и слово Господь, въ двухъ формахъ: осударыня и *осударьни*. Вместо государь обыкновенно осударь (сольвычег.).

Въ области согласныхъ звуковъ большею частію повторяются черты, свойственные и другимъ частямъ окаюЩаго нарѣчія.

Въ порядкѣ вопросовъ, поставленныхъ мною въ программѣ, привожу относящіяся къ согласнымъ важнѣйшія явленія.

Къ суфиксамъ *иц* большею частію оставляетъ свой слѣдъ на смягченіи предшествующихъ ему согласныхъ *и*, *р*, *с*. По преимуществу замѣчается это явленіе въ вологодской губерніи и частію въ пермской. Въ архангельской, на сколько можно судить по сообщеніямъ, оно встрѣчается рѣдко.

Вологодской же губ. но преимуществу свойственно умягченіе тѣхъ же согласныхъ передъ суфиксами *ьк*, *ьск*, *ьств*. Въ пермской и архангельской¹⁾ передъ этими суфиксами смягчается только *иц*: молодецкой, но царской, деревенской.

Въ волог. губ. это смягченіе всего болѣе выдержано въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ, великоустюжскомъ, тотемскомъ и кадниковскомъ.

Передъ суфиксомъ *ство* (*ьств-о*) *р* мягко только въ послѣднихъ двухъ: царьство или чарьство.

Передъ суф. *иц* въ сольвычег., великоуст. мягки не только выше означеные звуки, но и *и*, *иц*: куньцю, отьца.

Тамъ же передъ суф. *ьск* мягко произносятся звуки *в* коронной и *с* суfixa: земльской.

Въ словахъ, подобныхъ московская, — *о*, какъ и въ другихъ частяхъ окаюЩаго нарѣчія, неслышится, а *с* предшествующее суфиксу, произносится мягко²⁾.

1) Объ языкѣ населенія архангельской губерніи — считаю нужнымъ напомнить это — я говорю исключительно на основаніи сообщеній.

2) Въ tot. и кадн. уу. это слово, по сообщенію г. Иванова, звучитъ московская. Вѣрно ли?

Звукъ *u* и въ концѣ и въ срединѣ словъ во всѣхъ трехъ губ., большою частію, произносится мягко: молодецъ, сонцѣ, отцю, куница.

Есть мѣстности (кадн., тот., перм., кунг.), въ которыхъ *u* въ подобныхъ случаяхъ произносится и твердо и мягко.

Шипящіе, за исключеніемъ *ч*, большою частію тверды: жона, попол. Такъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, но не повсемѣстно: въ Грязовцѣ я слышалъ: дѣтушиѣк и под.

C въ возвратномъ *ся*, въ концѣ глаголовъ звучитъ неодинаково: *са* (великоуст., сольвычег., ирб., кунг.), *сё* (арх.), *со* и *са* (мез.): училса и т. д.

Когда звуку *c* этого мѣстоименія, предпествуетъ *т* (учится) группа *тс* большей частію переходитъ въ *ти*: учитца и учитця (великоуст., сольвычег., яренск.). битцо (тот., кадн.).

Губные въ концѣ словъ большей частію сохраняютъ мягкость: кровь, карапъ. Великоуст. и сольвычег. у. Въ послѣднемъ изрѣдка встречаются и твердые *в*, *н*: кров, корап, церков. Такъ и въ ирб. у. Въ перм., кунг. — мягко.

Л мягко въ словѣ дятел — сольвычег., ирб. уу.

Твердое *л* передъ *и*, условленное безслѣднымъ изчезновеніемъ *и* суfixa *ын*, довольно часто встречается въ вологодской губ.: болной, печалной, хмѣлной (великоуст., сольвычег., тот., кадн., гряз.).

Въ Грязовцѣ *л* въ прошедшемъ времени, въ первыхъ трехъ лицахъ ед. ч., произносится мягко: съѣл — почти какъ съѣль¹⁾. Твердое *р* вместо мягкаго и обратно — въ немногихъ словахъ немногихъ мѣстностей: крык, тюрма (ольвычег.), вверху (ирб.), завтра и завтрѣ (великоуст. у.).

Въ конечномъ слогѣ *иля* именъ существительныхъ, если ему

¹⁾ Считаю нужнымъ замѣтить при этомъ, что форму эту, а равно ниже приводимыя формы неопр. наклоненія съ отвердѣвшимъ *т* я слышалъ только отъ дѣтей (учениковъ и ученицъ народного и уѣзднаго училища и женской прогимназии). Но, по увѣренію грязовецкаго штатнаго смотрителя, такъ говорятъ и взрослые.

предшествуетъ мягкое *л* (*ль*), *н* отвердѣваетъ и вмѣсто *ня* слышится *на*: колокольна, купальна, швальна и т. п. Такъ постоянно въ сольвычег., яренск. и—иногда — въ великоуст., тот. и кадн. уу. Не чужда эта особенность и пермской рѣчи (кунг., ирб.); замѣчается она и въ архангельской.

Вмѣсто *н-ій* въ прилагательныхъ часто *н-ой*, конечно, черезъ форму *н-ѣй*: осениой, ранная и т. п. (великоуст., сольвычег., ирб., тот., кадн., арх.).

Обратнаго явленія (т. е. превращенія *н-ый* въ *н-ій*) нѣть.

Т въ окончаніи неопр. иакл. глаголовъ мѣстами отвердѣваетъ. Такъ въ Грязовцѣ вм. *нѣтъ*, бытъ я слышалъ почти *нѣт*, *бытъ*.

К сочетается съ ё въ окончаніи прилагательныхъ *ёй* вм. *еї* изъ *ії*: заморскѣй, молодецкѣй и т. п. (тот. и кадн. у.), но — русской, деревеньской (ib.).

Конечно, послѣднія формы образовались изъ первыхъ (*ії-еї-ёй-ой*), какъ формы запрягом, сожгот (никольскій уѣздъ, на Кокшенгѣ) изъ формъ запрягом, сожгѣт.

Въ Грязовцѣ *ð* произносится мягко въ словѣ предыки.

Случаевъ отвердѣнія *ð*, кажется, нѣть; равно какъ и всѣхъ тѣхъ, неупомянутыхъ здѣсь, случаевъ смѣны твердаго согласнаго на мягкий и наоборотъ, которые изчислены въ моей программѣ и упомянуты въ предыдущихъ отчетахъ.

Такъ какъ *щ*, въ срединѣ и концѣ словъ, болышею частію произносится мягко, то естественно¹⁾, что оно мѣстами смѣняется на *ч*. Смѣна эта однако далеко не заурядное явленіе там, где *щ* мягко. Так въ великоуст. у. не чакают. Въ сольвычег. или остается мягкое *щ* при своем звукѣ, или слышится вмѣсто определенного звука *щ* нѣчто среднее между *щ* и *ч*. Въ никольскомъ уѣздѣ вм. *чуя*, *чуо* и т. д. слышится определенное *на*, *чу* и пр.

Въ тотемскомъ мѣстами *щ* сохраняется: улицы (Кокиенъга) или переходитъ въ *ч*: заеч, улича (с. Леденгское). Мѣстами въ

¹⁾ См. обѣ этомъ явленіи 1-й отчетъ.

этомъ уѣздѣ слышится то *и*, то *ч* въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ: чарь и царь, словчѣ и словцѣ¹⁾). Въ кадник. уѣздѣ *ч* изъ *и* постоянно мягко: конечь, овчя. Нечасто встречается *ч* вм. *и* и въ губ. арх. и пермской (арх., перм., кунг. уу.).

Ч вмѣсто *и* слышиится во всѣхъ трехъ губерніяхъ; но не вездѣ эта смѣна имѣеть одинаковую степень распространенности. Такъ въ кадн. у. почти каждое *ч* смѣняется на *и*: цистить, церной и т. п.; въ сольвычег. же случаи этой смѣны рѣдки: цей (чей), цья, пощему, охочь и немногія другія.

Передъ *ч* звукъ *и* изъ *ч* переходитъ въ *с*: молосной (кадн.); иногда и передъ *т*: сто (вм. что = что) (волог., тот.). Тамъ, где есть смѣна *чи* на *си* (черезъ *чи*), встречается на мѣстѣ первой изъ этихъ группъ и *ши*: мушиной, яшиной, лавопник, истошник (кадн.).

Конечно *и* въ такихъ словахъ должно было явиться непосредственно изъ *ч* и непредполагаетъ смѣны его на *и*.

Иногда *с* изъ *и* является какъ результатъ ассимиляціи звуковъ: пессяной вм. несциянай изъ песчаной (сольвычег.).

Основное *и* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пермской и вологодской губерній смѣняется на *с* передъ гласнымъ звукомъ: улиса, тарь (ирб. у.), сапля (ib., тот., кадн. у.).

Существование этого явленія въ пермской губ. давно уже засвидѣтельствовано Далемъ²⁾). Такъ какъ смѣну эту мнѣ приходилось въ восточныхъ губерніяхъ слышать только отъ инородцевъ³⁾, то я сомнѣвался, чтобъ она была свойственна рѣчи природныхъ русскихъ. Однако, полученные мною сообщенія устраиваютъ это сомнѣніе: въ пермской губ. приведенные выше звуковыя формы съ *с* вм. *и* слышатся въ средѣ не обрусѣлаго, а природно-русскаго (по преимуществу заводскаго) населенія.

Передъ согласными смѣны этой нѣть, за исключеніемъ одного

¹⁾ По сообщенію г. Бѣлорусова цокаютъ исключительно женщины, мужчины же чакаютъ.

²⁾ О нарѣчіяхъ. 29.

³⁾ Такъ Чуваша въ казанской губ. говорить *с(з)онт* и т. п.

слова: свѣты (ib.), которое, впрочемъ встрѣчается мѣстами, въ такой формѣ не только въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, но даже и акающаго.

З на *ж* не смыняется. Обратная смына замѣчается въ слѣдующихъ словахъ: рогозка, залѣзо, порозной (ник., кади., тот., великоуст., сольвычег., арх., ирб.).

Весьма распространена замѣна *щ* на *ш* и *ши*: оню, синю, священник (арх.), еиню, ченина, сланине, суншій (сольвычег., тот., кади.). Мѣстами, вслѣдствіе диссимилляціи: иеню, сининать (ирб. у.).

М менѣется на *в* въ словѣ: впого (великоуст., сольвычег.).

Л вм. *в* только въ словѣ: треложить (сольвычег., перм., кунг.).

Чаще замѣчается обратное явленіе. Смыну *л* на *в* — одна изъ характерныхъ чертъ нѣкоторыхъ вологодскихъ говоровъ — представляютъ слѣдующія слова: савдат (тот. у.), товковать, повзать, довбитъ, новно (сольвычег., яренск. великоуст. уу.)⁵⁾.

За исключеніемъ первого изъ приведенныхъ словъ, — чужаго, заноснаго, — во всѣхъ остальныхъ *ов* вм. *ол* = древнему *зл*.

Не менѣе замѣчательна сродная съ этой, хотя и не тожественная съ ней, другая черта нѣкоторыхъ вологодскихъ говоровъ: смына въ прошедшемъ времени *л(з)* на *в(з)*. Впрочемъ, какъ то выше уже замѣчено, нѣкоторое послѣднєе случай слынится не *в*, а нѣчто среднее между *в* и *у*, какъ бы краткое *у*: ходиу, думау и т. п. (сольвычег., великоуст.).

Эта особенность выдѣляетъ тѣ вологодскіе говоры, которымъ она свойственна, изъ всѣхъ остальныхъ области окающаго нарѣчія.

Ф на *н* не менѣется и не замѣняетъ собою сочетанія *кв*; *хв* вм. *х* только въ словѣ охват (арх.).

Ф вм. *х* только въ — куфарка, куфня (ирб., сольвычег., великоуст., яренск.).

⁵⁾ Послѣднее слово въ такой формѣ встрѣчается и въ пермской губ. (ирб. у.); въ архангельской поўно (арх. у.).

X вм. *ф* тоже лишь въ иноzemныхъ — штох, полштоха (ib.).
X вм. *с* никогда не встречается.

Г постоянно имѣть характеръ звучнаго. Въ концѣ словъ произносится въ одиѣхъ словахъ какъ *г*, въ другихъ какъ *х* или *h*: мок = мог, Boh = Бог (арх.). Въ род. над. ед. ч. прилагательныхъ *г* постоянно переходитъ въ *в*.

Слѣдовъ смягченія гортанныхъ въ живой рѣчи нѣть.

д и *т* имѣютъ обще русское смягченіе; но вм. *ж* изъ *д* встречается изрѣдка и *жд*: урождай (в. уст., слвч., иро., арх.), приходить (тот.), прихождане (арх.), но — прибуждане (ib.), обвождять лошадь = обводить (тот. у.), горождане, обиждаться (ib., кадн. у.) съижденіе = съѣденіе (тот. у.). Въ одномъ только словѣ *жд* па мѣстѣ *ж* изъ *г*: ублаждать (в. уст., слвчг., арх.).

Вмѣсто пріѣзжать мѣстами пріѣждѣть (тот. у., кадн. у.).

Мѣстоименіе *что* произносится въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаково: што (яр., арх.), што, штѣ, щѣ (тот., кадн. в. уст.), щѣ (шенк), чо и цо (кемскій, прм., кунг).

Изъ случаевъ опущенія согласныхъ звуковъ особенно часто замѣчается, какъ и въ другихъ мѣстахъ окающаго нарѣчія, опущеніе *т* и *д* послѣ *с* (з): пусь = пусть (слвчг. в. уст. яр.), куст = куст (ib.), гвось = гвоздь (в. уст.), грусь = грусть = грузд (ib.), хвос, трось, сись, кось и т. п. (во всѣхъ трехъ губ.).

Весьма распространенное явленіе и опущеніе *д* и *т* въ группѣ *дство*: росво, слѣсво (ирб., в. уст., слвчг, тот.); но — и слѣдство, родство (слвчг), сротственник (яр.).

Мѣстоименіе 3 лица въ косвенныхъ падежахъ употребляется нерѣдко безъ *и*: отъ её и т. п.

Въ нѣкоторыхъ словахъ опускаются цѣлые слоги: кѣстить (крестить), сенни (сегодня), гыт (говорит), паре(нь), вре(ш) и т. п. (влг., арх.).

Перестановки звуковъ всего чаще при *р*: вратъ лён, т. е. рвать лен, горовлю = говорю, чевряк = червяк (Вотча). Иногда и при другихъ словахъ согласныхъ: незамог = занемог. (Гряз.).

Въ постановкѣ удареній, сравнительно съ другими частями окающаго нарѣчія, особенностей, кажется пять.

Одно лишь явленіе, свойственное рѣчи населенія ирбитскаго уѣзда пермской губерніи, не повторяется, на сколько знаю, въ другихъ мѣстахъ. Это удареніе на послѣднемъ слогѣ творительного падежа, употребленіаго вместо дательного: ходите к намъ в гости, он понюл къ вами и т. и.

Въ отдѣлахъ словообразованія и формъ тоже немного особенностей.

Наиболѣе рѣзкая изъ формальныхъ особенностей, это—окончаніе творительного падежа множественнаго числа именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ на *има*, *ыма*, вм. *ами*, *ями*.

По преимуществу эта особенность свойственна рѣчи населенія сольвычегодскаго уѣзда вологодской губерніи; встрѣчается, сверхъ того въ шенкурскомъ архангельской¹⁾). Вотъ некоторые примѣры употребленія этого окончанія: чашкима, ложкима, кипгима, дѣвкима, работникима, деньгима, сарафаныма, огородыма, конима и т. и. (слвчг. у.), орѣхима (шенк. у.); красныма, хорошима, бойкима (слвчг. у.); двоима (ів. и шенк. у.), троима и трѣма, четверыма, шестима (слвчг. у.).

Всего чаще встрѣчается это окончаніе въ числительныхъ.

и или *ы* этой формы являются въ ней, смотря по тому, какъ оканчивается именительный падежъ множественнаго числа: *и-ма* — тогда, когда им. мн. оканчивается на *и*, *ы-ма* — когда его окончаніе *ы*. Тотъ и другой звуки имѣютъ слѣдовательно значеніе тематическихъ звуковъ; суффиксъ формы твор. падежа должно быть поэтому признано не *има*, *ыма*, а только *ма*.

1) Такъ — по сообщеніямъ, сдѣланнымъ мнѣ. А быть можетъ, кругъ распространенія этой формы и гораздо шире.

Какъ смотрѣть на это *ма?* Имѣемъ ли въ немъ случай возобладанія формы двойственного числа, или позднѣйшаго видоизмѣненія суффикса множественнаго?

Вѣроятно первое: измѣненіе *ми* на *ма* со стороны звуковъ совершенно немыслимо; а аналогіи для такой формы (*ма*) въ другихъ падежныхъ формахъ нѣтъ.

Если бы твор. над. постоянно встрѣчался въ формѣ *и-ма*, можно было бы объяснить образованіе ея черезъ звуковую перестановку: *и-м-а* вм. *а-м-и*; но звукъ *и* передъ суффиксомъ *ма*, какъ уже сказано выше, является лишь въ извѣстномъ определенномъ случаѣ.

Дател. множественнаго вм. творительного въ большей части вологодской губ. употребляется почти постоянно; гораздо рѣже замѣчается обратное явленіе. Въ пермской мѣстами (ирб. у.), кажется, употребляется твор. вм. дат. на столько же обычно, какъ и дат. вм. тв.

Въ арх. г. замѣчается смышеніе дат. и предл. п. ед. ч. съ родительнымъ: дат. п.: — матушки, сестры, Александры; пр. п.: — на головы, на картины, по воды (арх. у.).

Слово — день — склоняется по темѣ на *и*: р. п. дни (влг. г.).

Слово — мать — въ им. п. ед. ч. встрѣчается въ древней формѣ: матери, иногда — матерь, рѣдко — мать (Вотча. тот. у.).

Вместо *силою* — *силом*: силом взять (ib.)¹⁾.

Имя сущ. при числите два иногда ставится не въ двойств., а во множ. ч.: два рубли (Гризовецъ).

Прилагательные въ им. п. ед. ч. встрѣчаются и въ полной и въ краткой формѣ: неправильпа(я) (ib.).

Для выраженія превосходной степени прилагательныхъ употребляются формы ни *ющий*: сильнѣющій, умнѣющій (вл. г.).

Род. п. прил. ед. ч. ж. рода имѣеть мѣстами форму — ыѣ: молодыѣ (Тот. у.), форму очень древнюю, представляющую первую ступень видоизмѣненія основной формы ыя (ыѣ).

¹⁾ См. Материалъ и пр. стр. 47.

Свойственная вятской рѣчи форма дат. и. мн. ч. мѣст. 3 лица — имѣ встречается и въ пермской губ.

Въ глаголахъ замѣчается стремлѣніе къ уравненію темъ неопредел. накл. и наст. вр.: брехай (вл. г.).

Иногда средній залогъ является въ формѣ возвратного: проживались = проживали (тот. у.).

Форма обдуело = обдуло (тот. у.), вѣроятно, предполагаетъ неопр. наклоненіе — обдуеть изъ обдуяты.

Форма невѣрши (ib.) по всей вѣроятности не формальное, а фонетическое явленіе, условленное выпадениемъ слога *ио:* не вѣр-(ив)ши.

Есть случаи образования будущаго времени изъ глагола *иму* и неопределеннаго наклоненія спрягаемаго глагола: иму дѣлать, имѣм дѣлать (грязов. у.).

Встрѣчаются древнія формы неопредел. накл. на *ти:* снати (см. приложенную сказку).

Признакъ 3 лица въ глаголахъ настоящаго времени, на сколько мнѣ известно, не отбрасывается.

Случаевъ вокализаціи личнаго окончанія нѣть¹⁾.

Нарѣчія когда, тогда имѣютъ формы — ковды, товды (слвчг. у.) и койдў, тойдў (арх.).

Глаголь мстить сохраняетъ древнее управление: онъ требуетъ вин. пад.: мстит ево (гряз. у.).

Дѣепричастная форма употребляется иногда вместо формы прошедшаго времени: взявші да и пошол (тот. у.).

¹⁾ По словамъ Даля, нѣкоторымъ мѣстностямъ пермской губерніи свойственна чрезвычайно странная особенность: употребленіе 1 л. ед. ч. наст. вр. въ формѣ 3-го: я сдѣлает. и т. п. Такъ въ Верхотуры и Шадринскѣ. Изъ этихъ мѣстностей я спѣдѣнъ не имѣю. Всѣ тѣ лица, къ которымъ я обращался въ пермской губ. съ распросами объ этихъ формахъ, отвѣчали мнѣ, что никогда не слыхали ничего подобнаго. Можетъ быть эти формы существуютъ въ рѣчи обрусѣлыхъ инородцевъ?

Вин, п. им. сущ. ж. р. ед. числа при неопр. наклоненіи глаголовъ имѣеть форму, именительного: косить трава, творить квашня и т. п. (яренскій, устьсыольскій, устюжскій уѣзды; вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ).

Странно, что при словѣ змѣя прилагательныя и мѣстоименія ставятся, какъ и слѣдуетъ, въ женскомъ родѣ, а глаголъ прошедшаго времени въ мужескомъ: дал ему вторая змѣя, наѣлся змѣя и пр. (см. прилагательную форму).

Слѣдующихъ, употребляемыхъ, въ вологодской и архангельской губерніи словъ, или нѣть ни въ Толковомъ словарѣ Даля, ни въ Областномъ академическомъ; или они помѣщены въ иномъ значеніи; или не обозначена мѣстность употребленія ихъ; или — наконецъ — отнесены они исключительно къ южному нарѣчію¹⁾.

Б.

? Буркалы — нижеколѣнная часть ноги. Гряз. В. г.²⁾.

Бычек — небольшое облачко. Тот. у. на *Вотчи*.

В.

Вино — водка *ib.*

Водка — вино виноградное *ib.*

---

¹⁾ Лишь очень немногія изъ приводимыхъ здѣсь словъ, сообщенныхыхъ мнѣ разными лицами, могъ я провѣрить личными наблюденіями. Большая часть (всѣ относящіяся къ тотемскому уѣзду) словъ сообщена мнѣ г. Бѣлорусовымъ нѣкоторые (грязовецкія) смотрителемъ грязов. уѣздн. училища г. Пономаревымъ и учителемъ того-же училища г. Фаевымъ. При словахъ, въ точномъ опредѣленіи значенія которыхъ я не увѣренъ, поставленъ вопросительный знакъ.

²⁾ Такая форма этого слова вызвана, мѣстами, особенностью словообразованія: въ сольвычегодскомъ уѣзде суфиксъ *ч-ий* обыкновенно смѣняется на *ч-ин*: лѣсничин — лѣсничій и т. п.

Г.

Грамота — всякая бумага, — писанная или неписанная, писчая и неиспичная ів.

Глупый, глупенький — молодой, недозрѣлый: глупый плод ів.
Городничин — городничій (Слвчг. у.).

Е.

Ерушиник — Слвчг. Яр. у. — см. Ярушиник въ О. сл.

Ж.

Жатель. Важбал. Тот. у. см. Пригиёт.

Животок — молодое животное. *Вотча*.

З.

Злыдни — несчастные, бѣдные люди ів.

Заутро — ів. См. Дон. къ О. сл.

И.

Йокнуть — дрогнуть ів.

Йидера — яства (см. прилагаемую сказку).

К.

Кавбат. *Вотча* = бычек.

Кирбь. *Гряз.* см. у Даля: кербь.

Коты. *Вотча* — тоже что чирки, но съ опушкой.

Кисляда ів. см. въ О. сл. кисляга во 2-мъ значеніи.

? Крес. *Кадн. у.* — лучие: крес идти, чѣмъ сидѣть дома¹⁾.

? Куст — отдельная часть лѣса *Гряз.*

? Кумельной ів. — кой как, кой какой.

Л.

Лагун. *Вотча*. — маленькой боченок.

Лешуга. *Кунеэж.* *Тот. у.* — шуба по колѣна, чѣмъ либо покрыта (непокрытая — *полушубок* ів.).

Лутопшко. *Вотча*. — См. у Даля.

¹⁾ Это интересное слово требуетъ проверки. Сообщено оно мнѣ въ Вологдѣ. Кѣмъ именно — не помню.

М.

Мот. *Гряз.* — 10 пасм.

Н.

Нá для. *Вотча.* — Кажется.

Настоятельша — царица, правительница. (См. прилагаемую сказку).

Нани. *Гряз.* — даже: работали — работали, *нани* устали.

П.

Питера — питьё, напитки (см. прилагаемую сказку).

Попрыск — известное разстояние (см. *ib.*).

Помысленный. *Гряз.* — любезный.

Попён. *Вотча.* — наказание.

Пригнёт. *ib.* См. рубль.

Пугатливый *ib.* — пугливый.

О.

? Отурить. *Гряз.* — обезпамятить.

Р.

Рубль. *Карбанка Кадн.* у. см. въ Доп. къ Обл. сл.: рубель.

Рукотерник *Вотча.* — худая тряпка, которую вытираютъ только руки (не ==, слѣд., по значенію словам ручник, — полотенце).

Рылена. *Вотча.* == яндава (въ другихъ мѣстахъ Тот. у.) == братыня (Никольский уѣздъ).

У.

Ученичек. *ib.* — ученик (ученик *ib.* — учитель).

Ушляе *ib.* — лучше: этот лён ушля того¹⁾.

Ч.

Черевики *ib.* См. въ О. сл.: черевики.

Чирки *ib.* — низенькие башмаки безъ опушки по верхнимъ краямъ.

¹⁾ Сравн. степень отъ неупотребляемаго *ушлы*, слово, которое по образованію слѣдуетъ сопоставить съ дошли.